

4 (706) апрель, 2016

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫМ

www.uralstalker.com

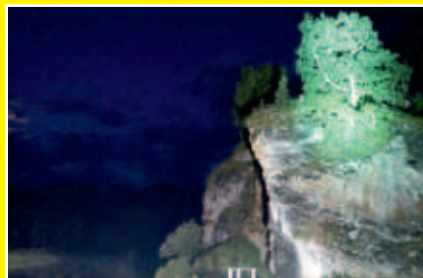
ISSN 0134 - 241X

Семь фенологов

ЭНТОМОЛОГ АЛИН

ЗАГАДКИ
СТАРОГО ШАЙТАНА

ГОРА-ЗАЩИТА

Апрель 2016

Главный редактор – М.Ю. Фирсов.

Редакторы разделов –
Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго.

Литературный консультант –
В.Э. Абоян, А.А. Бочаров.

Худ. редактор, верстка – С.А. Секисов.

Корректор – Л.В. Ким.

Интернет – Е. Марков.

Архив – О.Ю. Тирикиди.

Фото на обложке – предоставлено
географо-биологическим факультетом УрГПУ.

Редакция, издатель –
общественная организация «Трудовой коллектив
редакции журнала «Уральский следопыт».

Редакционный совет –
Владислав Крапивин, Сергей Казанцев,
Геннадий Прашкевич, Олег Поскребышев,
Юрий Казарин, Вадим Осипов,
Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –

- Сергей Захаров, Председатель Челябинского ро РГО
- Алексей Прокашев, Председатель Кировского ро РГО
- Иван Рысин, Председатель Удмуртского ро РГО
- Игорь Кузнецов, Председатель Ученого Совета ро РГО в ЯНАО
- Сергей Ларин, Председатель Тюменского ро РГО
- Николай Назаров, Председатель Пермского ро РГО
- Александр Чибилев, Председатель Оренбургского ро РГО
- Дмитрий Шиллер, Председатель отделения РГО

в республике Татарстан

- Борис Тканев, Председатель отделения РГО в ХМАО
- Виктор Христовский, Председатель Курганского ро РГО
- Михаил Горюнов, Председатель Свердловского ро РГО
- Виталий Лаженцев, Председатель

Коми республиканского отделения РГО

- Камилль Зиганшин, Председатель отделения РГО

в республике Башкортостан

- Виктор Байдуков, Свердловское отделение РГО

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ». 2016 г.

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:
620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Телефон: +7 (343) 269-22-34

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

«Уральский следопыт», №4 (706), 2016 г.

Издается с 1935 г., возобновлен в 1958 г.

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой

по надзору в сфере связи, информационных

технологий и массовых коммуникаций по РФ

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218,

выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Материалы принимаются по электронной почте, на электронных носителях. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. **Рукописи не рецензируются и не возвращаются.** При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле **тема**. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Материалы, помеченные знаком **УС**, публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:

- Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе
- Агентство МАП, индекс 31958
- Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России
- Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

«Уральский следопыт.uralstalker.com» №4.

Отпечатано в типографии ООО «ПК АСТЕР-ЕК»,

624071, Свердловская область, г. Среднеуральск, ул. Калинина, д.2,

оф. 28. Печать офсетная. Тираж 11000. Подписан к печати 23.03.2016 г.

Заказ №:

Встречный ветер

Наши проекты

Т.МОСТОН

Когда прилетит пуночка? 3

Фотолетопись

М.КАНОВ, В.БЕССОНОВ,

Б.ПРОХОРОВ

Южный Урал

Башкортостан, Зигальга 22

Страна топонимия

В.КАРЕЛИН

Гора Защита 42

Река времени

Наши проекты

Б.ПЕТРОВ

История России.

Река Чусовая.

Село Чусовое 14

Далекое-близкое

В.ТУРЧАНИНОВА,

Н.ГОРЕВ

Семья в истории

войны 28

Далекое-близкое

Н.ПАРТАНОВ

Мансийские

рецепты

Клавы Пакиной ... 26

Портреты

С.СОГРИН

Энтомолог

Алин 33

Природные парки

К.ВОЗЬМИТЕЛЬ

Заповедник. Учет 8

Добрые попутчики

Н.ТРОПИНА

Екатеринбург гостеприимный 40

Журнал в журнале

Элита

Свердловское отделение
Русского географического
общества представляет

Фото Вадима Осипова

Когда прилетит пуночка?

К пятилетнему юбилею Уральского Научного фенологического центра

Татьяна Мостон

Выпускница, а сегодня — ведущий редактор Уральского государственного педагогического университета, филолог. Работала учителем русского языка и литературы в школе, обозревателем в «Областной газете» и других изданиях.

Фотографии предоставлены географо-биологическим факультетом УрГПУ.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Предвесенье

Время года, которое обычные люди называют весной, у фенологов делится на пять периодов и совершенно не зависит от календаря. Предвесенье начинается, когда еще лежит снежный покров, но уже заметны первые оттепели, в голосах птиц слышится радостное оживление. Ученые отмечают дни первой капли на солнце, прилет шура и пуночки и время, когда глухарь чертит снег крыльями. Кстати, наблюдения за весенними повадками этих птиц ведутся уже более 70 лет. Самый поздний прилет пуночки зафиксирован в 1945 году — 18 апреля, а самый ранний — три года назад, 23 февраля. Нынче 3 февраля утром была капель...

Дальше начинается «первовесенье — весна света, снежный покров с проталинами, постоянные оттепели, снеготаяние, весеннее оживление птиц» — это строки не из поэтического эссе, а из сборника научных трудов по фенологии. За первовесеньем идут пестрая весна, зеленая весна и предлетье. И каждый

Краткая справка

Фенология — система знаний и совокупность сведений о сезонных явлениях природы, сроках их наступления и причинах, определяющих эти сроки, а также наука о пространственно-временных закономерностях циклических изменений природных объектов и их комплексов, связанных с годичным движением Земли вокруг Солнца.

сезон имеет свои характеристики и объекты для наблюдений.

Лето начинается с цветения иван-чая и шиповника, первых спелых ягод черники. Оказывается, каждый год эти «индикаторные» явления происходят в разное время. Лето никак не делится — да и на что делить наше короткое «малоснежное» лето, которое начинается, по данным фенологов, в июле! Осень делится на предосе-

нье, глубокую осень и предзимье, зима — на первозимье и глубокую зиму, которая начинается у нас уже в ноябре.

Фенологи всего мира отмечают эти изменения, чтобы затем составить специальные карты и календари природы.

50 лет фенологических наблюдений

Пять лет назад, в 2011 году, в Уральском государственном педагогическом университете при кафедре физической географии был образован Уральский научный фенологический центр (УНФЦ). Но история фенологических наблюдений в университете насчитывает более 50 лет. В 60-х годах на Урале, во время бурного роста краеведческого движения, выдающимся советским фенологом Владимиром Алексеевичем Батмановым была создана фенологическая секция при Свердловском областном совете краеведения. Затем она перешла в структуру Свердловского отделения Всесоюзного географического общества. Местом дислокации секции был географо-биологический факультет СГПИ. После кончины Владимира Алексеевича в январе 1980 года «знамя фенологии» подхватили его ученики и последователи — Маргарита Куприянова, Наталия Скок, Еле-

на Терентьева, сегодняшний декан географо-биологического факультета Оксана Янцер.

В 2000 году в Екатеринбурге отметили 100-летний юбилей основателя фенологической школы В. А. Батманова, проведя региональную научно-практическую конференцию. С тех пор каждый юбилей подвижника отмечается организацией масштабных мероприятий. В декабре 2015 года в Екатеринбурге состоялась международная научно-практическая конференция «Современное состояние фенологии и перспективы ее развития». Организаторами ее выступили географо-биологический факультет УрГПУ и Свердловское отделение Русского географического общества.

Семеро фенологов

Сегодня фенологический центр состоит из семи человек, у каждого из которых — своя научная тема и свой кружок единомышленников. Тем не менее, центр остается сплоченным коллективом и все

крупные мероприятия проводит совместно.

Татьяна Ванюкова, директор центра, организует конференции, научно-исследовательские семинары, Единый фенологический день, реализацию дополнительных образовательных программ. Наталья Беляева уже 20 лет состоит в секции фенологии и проводит наблюдения в Висимском заповеднике.

Оксана Янцер и Наталия Скок изучают природные явления в заповеднике «Денежкин камень» и природном парке «Оленьи ручьи», научная тема О. В. Янцер — «Планетарная фенология». Н. В. Скок отвечает за организацию фенологических исследований со студентами, аспирантами, магистрантами ГБФ (руководит курсовыми и дипломными работами, организует и проводит экспедиции). Тема ее научной работы: «Географо-фенологические закономерности ландшафтных геокмплексов Среднего Урала».

Самый опытный специалист центра, работавшая бок о бок с В. А. Батмановым, научный консультант центра Маргарита Куприянова помогла в разработке программы комплексного экологического мониторинга областных особо охраняемых природных территорий. Доцент Елена Терентьева занимается исследованиями в Пригородной лесопарковой зоне Екатеринбургa.

Тамара Нездолий третий год апробирует фенологические методы уральской школы на территории Боливии, работая в Российском посольстве этой страны. До этого она три года жила в Африке, где также занималась научными изысканиями. Если уральские фенологи исследуют березы, черемухи и другие местные фитоиндикаторы, то Тамара — кактусы и викторию регию — самую большую кувшинку в мире (см. фото), диаметр листа которой достигает два метра.

Результаты исследований регулярно издаются. За пятилетку УНФЦ издано более 200 работ фенологов.

Планетарные наблюдения... за черемухой

Идея В. А. Батманова о планетарной фенологии дала начало необычному проекту исследования сезонных изменений в природе — Единому фенологическому дню (ЕФД), предложенному УНФЦ университета.

По словам О. В. Янцер: «Суть проекта заключается в создании феномониторинга, базирующегося на единстве сроков наблюдения в масштабе всей планеты. Если множество наблюдателей одновременно, в выбранный день, на территории любого масштаба, вплоть до стран, континентов или даже всего земного шара, опишут сезонное состояние какого-то широко распространенного, хорошо известного и легко наблюдаемого объекта, можно получить своеобразное фенологическое фото земной поверхности.

Для проведения весеннего ЕФД было выбрано 15 мая, объектом наблюдений стала широко распространенная черемуха обыкновенная, входящая в «золотой

фонд» фенологии. Задача участников: выбрать дерево (куст, заросли) черемухи, которое становится постоянным объектом наблюдения на несколько лет, и ежегодно 15 мая отмечать их фенологическое состояние, сравнивая с разработанной шкалой.

Первый Единый фенологический день был проведен в 2011 году, в пятьдесят особо охраняемых природных территорий были разосланы письма с предложением участвовать в ЕФД. Откликнулись 12 заповедников России. В 2015 году к проекту подключились школьники и студенты колледжей и вузов. Это позволило получить более сотни результатов наблюдений. В 2016 году организаторы хотят привлечь к наблюдению

▲ Тамара Нездолий работает в Боливии

▲ Студенты ГБФ на вершине Желтой сопки. Вид на Денежкин камень

за черемухой вдвое больше участников.

— Для экологического образования школьников проект имеет особое значение: он позволяет решить противоречие между необходимостью формирования и развития экологической культуры и отсутствием обязательного для изучения предмета «Экология», — считает директор центра Татьяна Ванюкова.

В состав участников ЕФД-2016 планируется ввести школьников 5–11 классов. А чтобы донести до новичков суть проекта, центр планирует провести семинары для учителей и школьников. Возможно, фенологи привлекут к участию пенсионеров и садоводов. Подготовленная «шкала глазомерной оценки весеннего развития генеративных органов (соцветий, цветков, плодов) у черемухи обыкновенной», содержащая подробные описания фазы развития дерева с фотографиями, понятна лю-

бому далекому от науки человеку. Участникам остается только найти черемуху, рассмотреть ее и отметить на шкале стадию развития растения (шкала прилагается к статье). А можно еще проще — сфотографировать ветку черемухи, указать местность и прислать фотографию в фенологический центр.

Опоздание на два дня

Для чего ведется такая крупномасштабная работа? Что происходит дальше с собранными данными? На эти вопросы отвечает Оксана Янцер:

— Полученные данные обрабатываются при помощи программного обеспечения ГИС (ArcView GIS) — современной компьютерной технологии, обеспечивающей формирование баз данных о географических объектах и событиях реального мира. Затем происходит анализ этих объектов и их взаимосвязей. В результате мы имеем

картографическое произведение: карту, атлас, профиль, диаграмму или трехмерную модель. Построение изолиний производится программой автоматически на карте основе физико-географического районирования Свердловской области, составленной профессором ГБФ В.Г. Капустиным. Так можно измерять скорость распространения фенологических явлений по территории, определять динамику сезонного развития природы.

Задаю следующий вопрос: какую практическую пользу для обычного человека приносят фенологические изыскания? Где находят свое применение в повседневной жизни?

— Изыскания фенологов в первую очередь интересны тем, кто занимается растениеводством: садоводам, фермерам, цветоводам, агрономам, — рассказывает Татьяна Ванюкова. — По данным нескольких лет можно отследить, в какую сторону

сдвигаются сроки посева различных культур, ранним или поздним было начало весны. Так, в среднем природные процессы стали запаздывать на 2 дня, значит, сдвинулись и сроки посева растений и уборки урожая. Мы собираемся разместить у себя на сайте фенологические карты Свердловской области за несколько лет. В них может разобраться любой желающий: зеленая линия – более поздние сроки, чем обычно, красная линия – ранние сроки наступления природных явлений.

– Экологи, изучая по фенологическим данным запоздание или опережение явления, оценивают, каково влияние антропогенных факторов на природу, – продолжает рассказ директор центра. – Пытаются ответить на вопрос: это природный процесс или результат хозяйственной деятельности человека, например, парникового эффекта? Глобальное потепление неминуемо должно привести к глобальному похолоданию. Есть тысячелетние циклы развития атмосферы, и если стоит мягкая зима, то будет холодное лето, потому что средняя годовая температура должна выдерживаться. А вообще динамика изменения природных комплексов представляет и чисто научный интерес, ведь научные знания ценны сами по себе.

Уважаемые читатели!

Научно-образовательный фенологический центр Уральского государственного педагогического университета приглашает вас 15 мая принять участие в проведении ежегодного Единого фенологического дня.

В качестве объекта наблюдений предлагается черемуха обыкновенная (по желанию дополнительный объект – береза).

Для ежегодного участия в Едином фенологическом дне необходимо выбрать постоянный модельный объект наблюдений. Это может быть отдельно стоящее здоровое дерево (куст) черемухи или черемуховые заросли. Поскольку наблюдения 15 мая будут ежегодно повторяться, важно удобное расположение объекта наблюдений (близость к месту проживания, работы, постоянным маршрутам наблюдателя).

15 мая выбранный объект наблюдений в середине дня посещается и внимательно осматривается. При этом фенологическое состояние черемухи (черемушника) сравнивается с предложенным фенологическим стандартом (феношкалой).

www.uralstalker.com

Результаты наблюдений предоставляются в виде таблицы:

Дата	15 мая
Территория (регион, область, город, поселок)	
Наблюдатель (ФИО)	
Должность	
Объект наблюдений (дерево (куст) или черемуховые заросли)	
Краткая характеристика места произрастания (положение в рельефе, растительное сообщество), для города – часть города (центр, южные-северные окраины), улица, характер двора (замкнутый, открытый), местоположение – затененное, открытое.	
Зарегистрированный балл (можно просто фото)	
Источник сведений о проведении единого фенологического дня (журнал «Уральский следопыт»)	

Объект наблюдений и его местоположение желательно сфотографировать.

Заполненную таблицу результатов наблюдений и фотографию (с пометкой Единый фенологический день 15 мая 2016 г.) просим выслать Янцер Оксане Васильевне по e-mail: ksenia_yantser@bk.ru или Ванюковой Татьяне Владимировне vanukova_tv@mail.ru

ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ В ВАШИХ РУКАХ!

Малый и большой бассейны Спортивного центра «Верх-Исетский» ждут вас!
Обучение плаванию детей (от 1 года) и взрослых, свободное плавание, работа в группах и индивидуальные занятия.

СПОРТИВНЫЙ ЦЕНТР

Верх-Исетский

ул. Кирова, 71

тел: (343) 242-54-12 www.vizsport.ru

Фотограф: Анна Квашнина (директор заповедника).

Заповедник. Учет

Государственный природный заповедник «Денежкин Камень» расположен на Севере Свердловской области. Его территория полностью включает в себя массив горы Денежкин Камень, восточные склоны Главного Уральского Хребта, хребта Хоза-Тумп, верховья рек Идель, Тальтия, Шегультан, Сосьва. Площадь заповедника 80 тыс. га.

Заповедник «Денежкин Камень» является уникальным среди других по ряду параметров. Это единственный заповедник, полностью расположенный на восточном склоне главного Уральского водораздела. Он находится на пересечении не только ареалов некоторых животных, но и различных типов экосистем. Здесь сохранились довольно крупные участки первобытной горной тайги, тундры, являющиеся резерватом для особо ценных, редких и эндемичных видов уральской горнотаёжной флоры и фауны.

Эти солнечные мартовские дни слепят глаза искрящейся белизной снега. Снег — от края и до края. Солнце пробует свои лучи, точит ими грязные обочины дорог. А здесь дорог нет. Здесь — царство зимы, царство снега и ветров. Здесь — царство следов, тайну которых предстоит разгадать учетчикам — сотрудникам заповедника. На 5-7 дней отправляются они в лес для проведения зимних маршрутных учетов.

Лесных жителей заповедника учитывают по следам, оставленным на снегу. Задача учетчиков — пройти по установленным маршрутам и посчитать, нанести на карту-абрис все следы, пересекшие маршрут. Затем, по итогам учетов, определяют показатель учета — это цифра, которая показывает количество следов каждого вида животных, оставленных ими за одни сутки на 10 километрах маршрута. Поэтому каждый маршрут проходят дважды, с интервалом 1-3 дня. В зависимости от длины и расположения маршрута, его проходят одной или двумя группами. Когда по маршруту идут первый раз, то зачеркивают все следы — это идут затирщики. Когда идут второй раз, учитывают все появившиеся после затирки свежие следы — это идут учетчики.

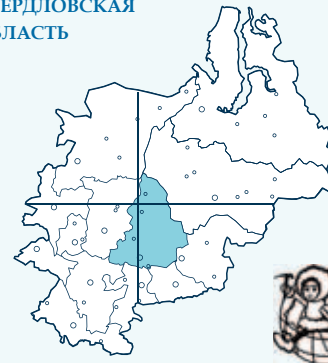
Затирщикам порой бывает тяжело. Перед ними, как правило, снежная целина. Под ними — до двух метров снежного покрова. Тропинки, зарубки, затежки, ленточки — все, что подсказывает дорогу к теплому ночлегу под кры-

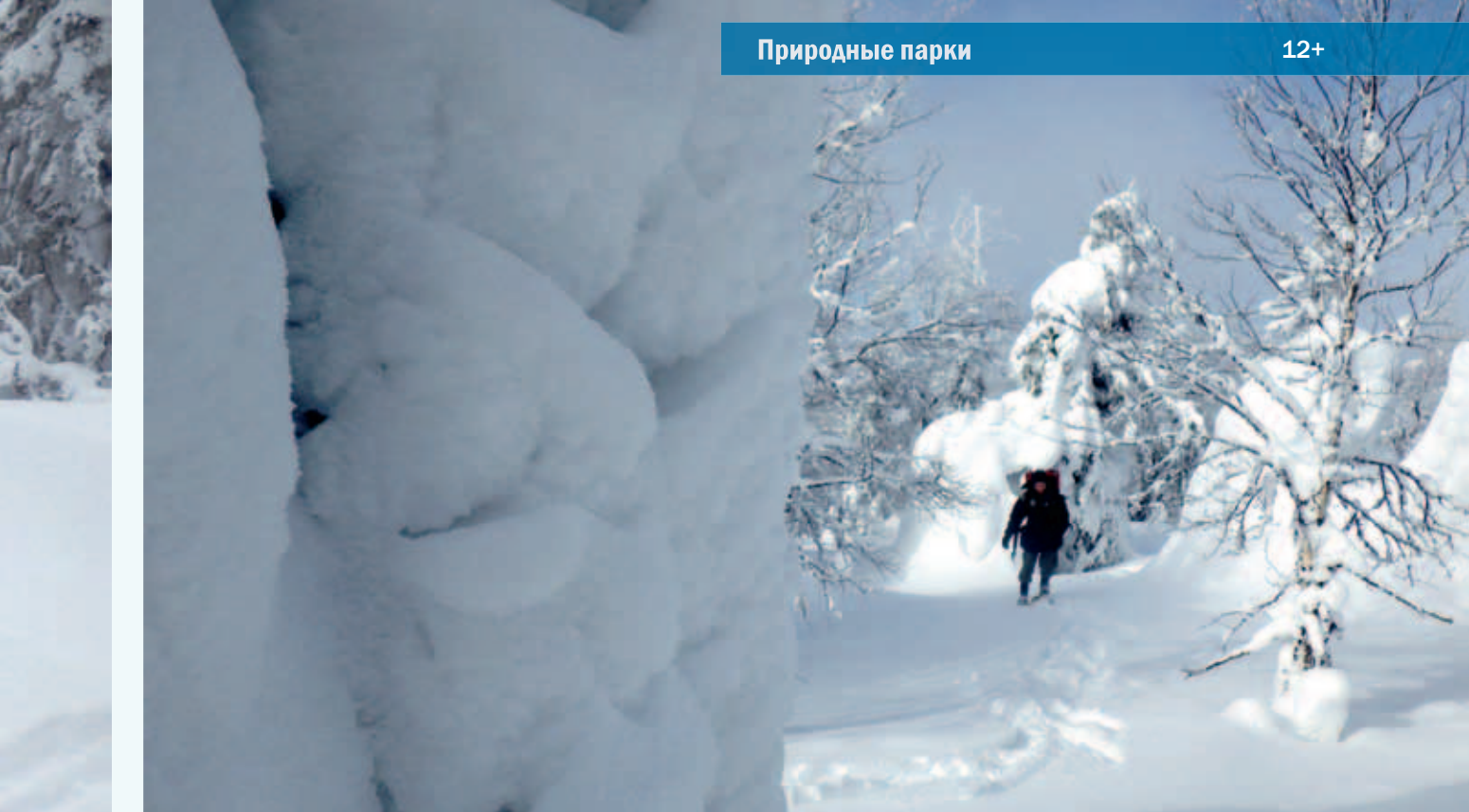

Константин Возьмитель

Научный сотрудник заповедника «Денежкин Камень», инструктор экологической школы.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

шей — где-то внизу, под снегом. Поэтому затирщикам всегда нужно иметь в виду перспективу ночевки в снегу. Случается такое не часто, но регулярно. Дело не совсем привычное, но обычное и не удивительное. Благо, что при желании и старании в глубоком сугробе можно устроиться вполне сносно.

Но если по особым приметам или по Джи Пи Эсу вы пришли прямо к избушке, это еще не повод отдохнуть. Считайте, что повезло, если из-под снега торчит печная труба. Как правило, трубу приходится откапывать и прочищать. Хорошо, конечно, когда на крышу можно зайти, не снимая лыжи. После трубы откапываются двери, иногда — окна. Затем находим и откапываем дрова. Конечно, не все избушки оказываются в таком состоянии, не везде и не всегда. Но к этому нужно быть всегда готовым, для тех, кто идет первым, это обычные дела. Иногда может повезти и удастся раздобыть в ручьях под снегом воду, но, как правило, топят снег.

Те, кто идет следом — учетчики, — оказываются в гораздо лучших условиях. Идут они по готовой лыжне, им не надо постоянно «ловить спутники», вглядываться в просвет просеки, «цепляться и держаться» глазом за затески. Можно расслабиться и не торопиться.

Наши учетчики — тренированные, экипированные и квалифицированные работники. Если ты слаб физически, плохо, неправильно снаряжен, не умеешь отличить след рыси от следа россомахи, — лучше не ходи на учет.

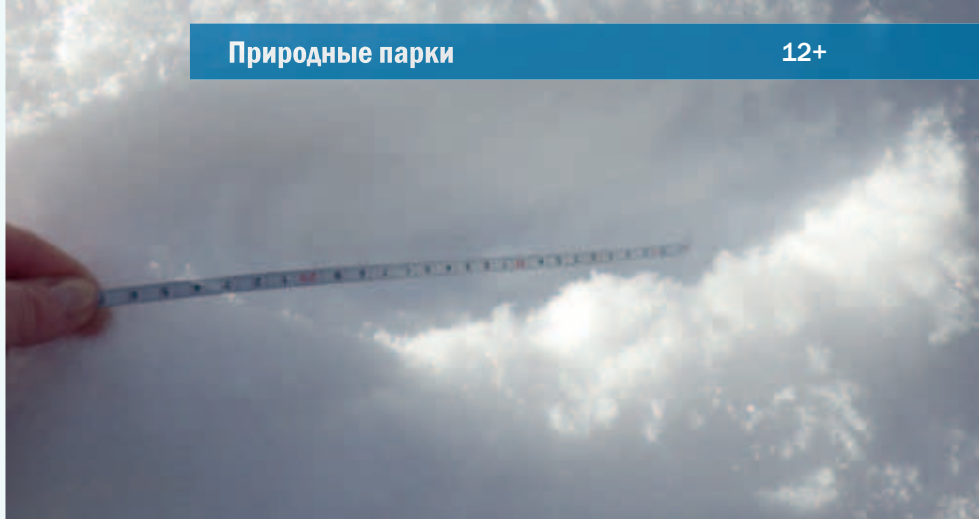
В этом, 2016 году, зимние учеты, их второй, весенний этап, завершились как раз перед 8 марта. Еще не посчитаны показатели, но уже можно провести обзор некоторых итогов и впечатлений.

Весенние учеты — февральские или мартовские — всегда лучше декабрьских. Потому что солнца много, день долгий. Все успеваешь за светом: и пройти, и устроиться на ночевку, и сделать записи в дневнике, и подработать учетный абрис. Морозы еще в силе. Снег, как правило, плотный, идти по нему легче. Солнце припекает, но если оттепель — беда. И идти жарко, и снег к лыжам прилипает. В этот раз все было отлично, удачно. Было морозно, солнечно, почти без ветра, снег не выпадал. Высота снежного покрова радует: меньше 80 сантиметров нет. В среднем до 150, на хребтах — 200 сантиметров. На Кулаковском Перевале, как обычно, беснуется ветер, подметая тундру, подгоняет учетчиков, буквально смахивает их вместе со снегом в долину Шарпа.

Случалось видеть на учетах всякое. И волчьи гонки по речному желобу, и танцы глухаря, и лосиные копыта — остатки волчьего пиршества, и заячьи свадьбы, и гон росомахи. Лосиные лежки и жировки, бе-

▼ Заяц

▲ Рысь

личьи столовые. В этом году инспекторы нередко видят лосей. Подняли лося и на учетах, прямо на маршруте. Снег глубокий, и видно по следам, что лоси устают, часто останавливаются, отстаиваются, переминаются с ноги

на ногу. Зато волкам здесь делать вообще нечего. Случалось на учетах, что волки шли за затирщиками, перед учетчиками, по готовой лыжне; а приходили к началу маршрута по следу снегохода. Они ведь без лыж, по снежной целине — не ходоки. Это наглядный пример того, как влияет на территорию «да мы просто проедем» или

▼ Росомаха

▶ Куница

«да мы просто пройдем на лыжах». Как видите, такой проход сильно влияет на жизнь леса, даже если там на следили сами сотрудники заповедника. Туристические маршруты — лыжные и снегоходные — это «автобаны» для волков.

Последние два года в зимний учет пару раз попадали кабаны. В этом году их не встретили. Быть может, они ведут «подснежный» образ жизни, не появляясь на поверхность? Но, скорее всего, это их прошлогодние визиты были случайными.

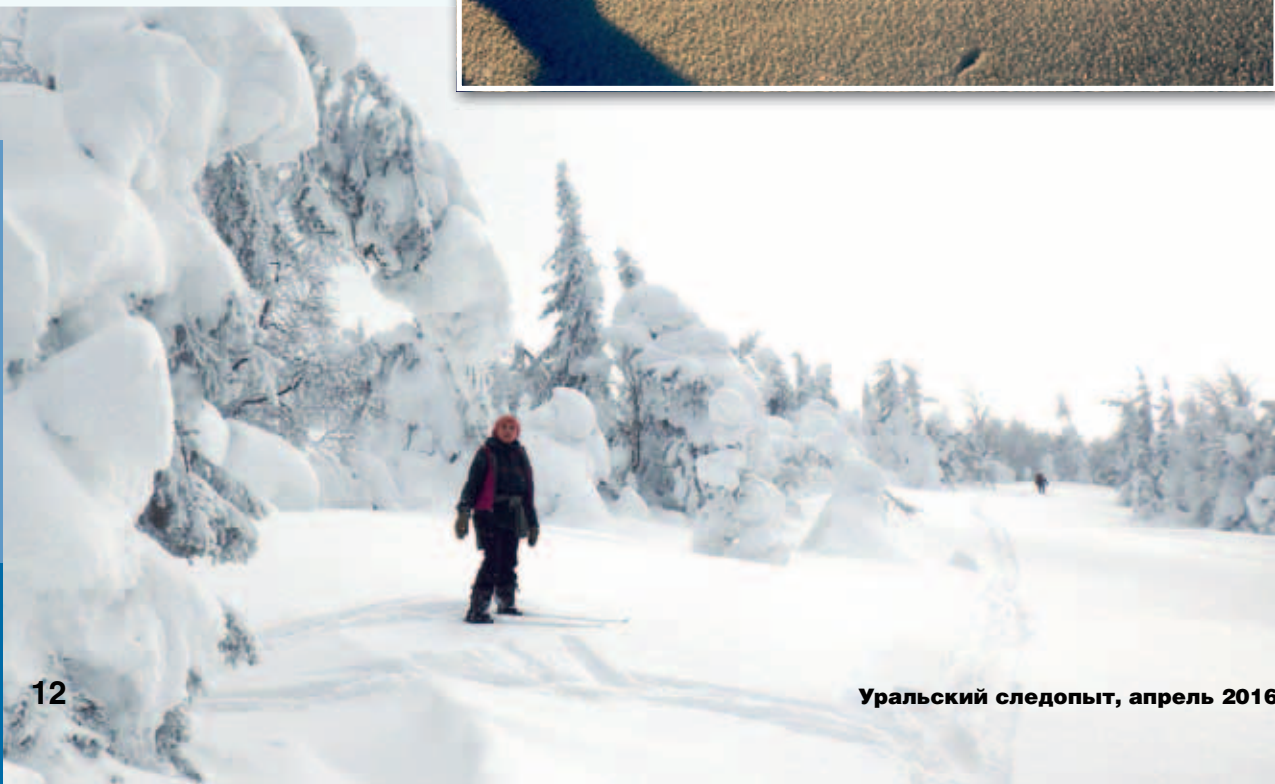
Совсем единичны встречи белок. Зато зайцев становится больше. Зайцы весной любят бегать по тундре, соревнуясь в длине прыжка. С кунницей все в порядке, ее много, она везде. В этом году больше, чем обычно, следов росомахи. Видели следы гона рыси, их «мар-

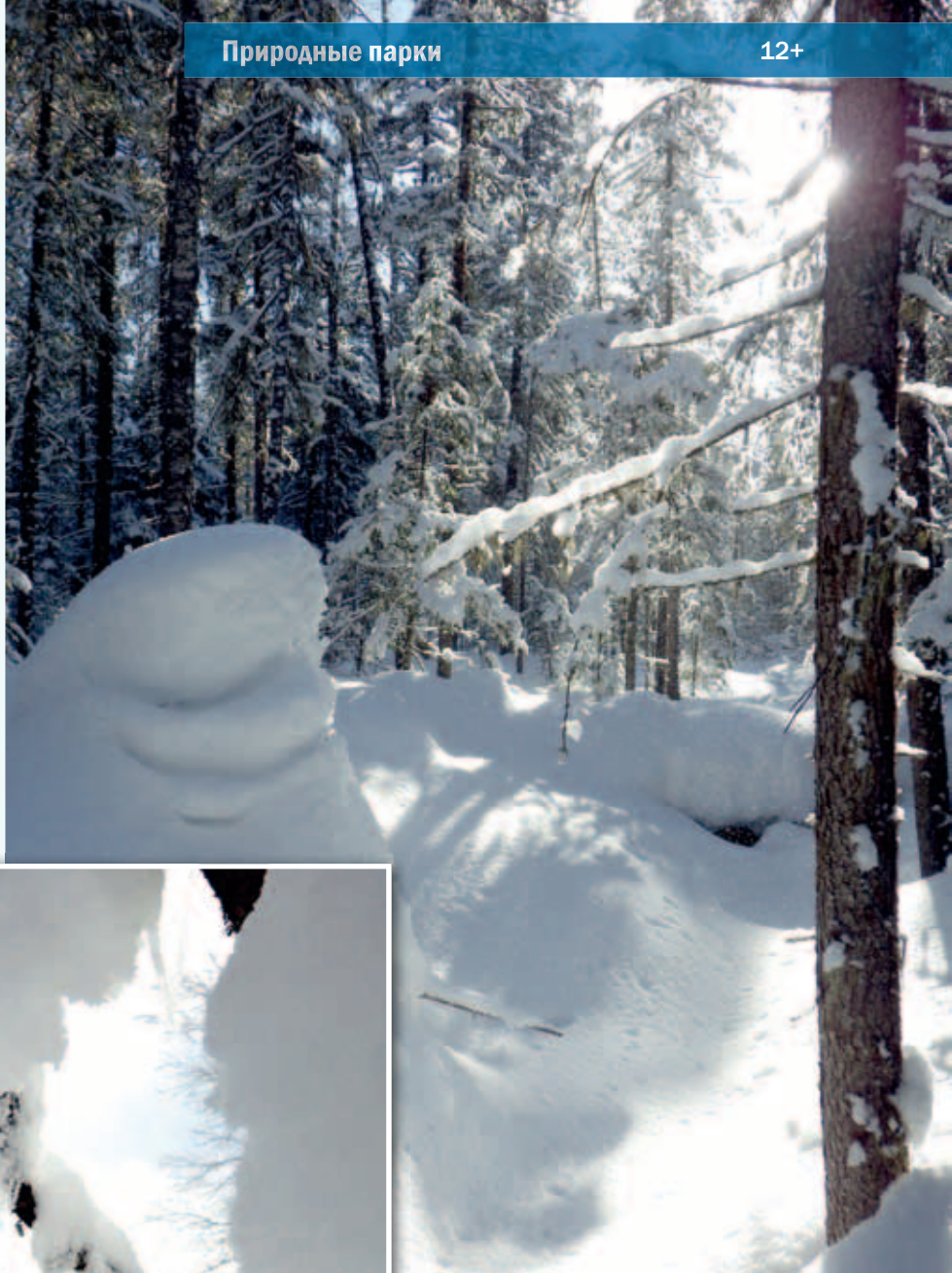
▶ Учётчик Анна Квашнина

▼ Горностай

Встречный ветер

товские игры». Глухари, разогретые солнцем, делают «пробу пера» на снегу.

Наши учетные маршруты выбраны так, что в них пропорционально отражаются все природные комплексы заповедника: от речных долин до горной тундры. При этом они равномерно распределены по территории заповедника.

Каждый маршрут проходит через какую-нибудь вершину, хребет или заканчивается на хребте. В этом вся трудность и прелесть. Мне так кажется, что учеты нравятся всем нашим инспекторам, и маршруты разбираются ими как горячие пирожки. Самая любимая «начинка» — это «Еловский Урал» и «Кулаковский Перевал». Очень популярны «Главный Уральский Хребет» и «Хоза-Тумп». «Шарпинская сопка» — просто на десерт достается. Вот так прошли учеты в этом году. Можно встречать весну. **VG**

История России.

Река Чусовая

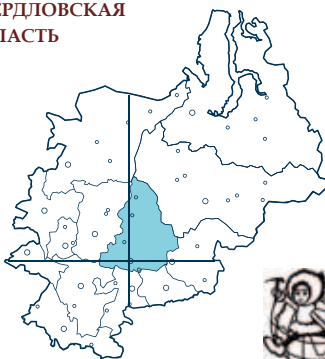
(Фотоэкспедиция)

Иллюстрации из фотофонда школьного краеведческого музея и архива автора.

При поддержке
Уральской Ассоциации
Туризма и дирекции
Природного парка
«Река Чусовая»

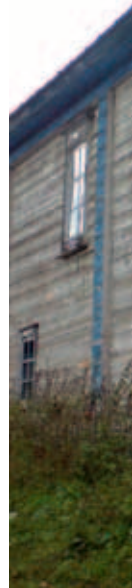
Координатор проекта
Юний Горбунов

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Борис Петров

Председатель комиссии по туризму
Свердловского регионального отделения
Русского географического общества.
Основатель фестиваля и проекта «Чусо-
вая России». Дачник села Чусового.

Село Чусовое

▼ Мост. Фото Евгения Тамплона

Река времени

Шайтанская пристань

Утверждается, что Чусовое было основано Демидовыми в 1721 году как пристань для отправки своих грузов в Россию. Небольшую таежную речку Шайтанку, что впадает в Чусовую, перекрыла плотина, построенная руками старообрядцев из деревни-сикита Непряхино, стоявшей на Шайтанке уже как минимум несколько десятилетий. Плотина образовала небольшой пруд длиной в 1,5 км, давший рабочую воду для пильной мельницы. Здесь готовился пиломатериал для плотбища, где работали барки для весеннего сплава. Пристань была в селе градообразующим предприятием. Отсюда каждую весну начинали свой речной путь до 60 барок с железной продукцией грузоподъемностью до 200 тонн каждая. К пристани было приписано несколько горных округов, которые отправляли свою продукцию из Шайтанки. Железная дорога, пришедшая на Урал в 1878 году, постепенно вытеснила сплав железных караванов. До сей поры живы «сухая гавань» с дном из лиственных плах, где колотились и грузились барки, пристанской канал, где они грузились и спускались в Чусовую.

◀ Дом караванного начальника

Старая Шайтанка

А 1 сентября 1727 года Акинфим Демидовым был пущен здесь Шайтанский железодельный завод. Эта дата и стала официальным днем рождения села. Тогда завод был нужен Демидовым, чтобы закрепить за собой землю, доставшуюся им в аренду (посессионное право) на условиях производства железной продукции. Передельных заводов в здешней округе не доставало. Однако завод на Шайтанке (позднее — Старо-Шайтанский, чтобы не путать с другими Шайтанскими) был маломощным. Даже работая в полную силу, обогащая руду и перековывая в железо верхнетагильский чугуны, по весне он мог загрузить своей продукцией одну, максимум две барки. Главной рабочей силой у Де-

▼ С.М. Прокудин-Горский. Шайтанский завод. 1912 г.

▼ Старо-Шайтанский завод в 1896 г. Вид с камня Шайтан

◀ Андрей Тимофеевич и Агриппина Андреевна Голдобины со своей семьей

мидовых были старообрядцы — работающие, трезвые, умеющие держать свое слово. Судя по фотографии конца 19-го века, мастеровой народ жил небедно — дома в основном двухэтажные, каменный низ, деревянный верх. Много дворов — под три конька, что считалось признаком состоятельности.

Семьи были многодетные, нравы — строгие, люди — с горделивой осанкой и особым шиком заводских мастеровых. В пору Русско-японской войны Старо-Шайтанский завод прекратил работу — железная дорога сделала свое дело. К 1912 году он представлял из себя уже одни развалины.

▶ Филипп Герасимович и Анна Степановна Полозниковы

Под крылом православного храма

В 1840-м деревня Шайтанка выросла в село. Здесь была освящена деревянная единоверческая однопрестольная церковь во имя рождения Христа — Христорожественская. К этому времени в Шайтанском заводе в 239 дворах обитало 2168 православных «душ», а в 50 дворах — 462 «раскольничьих». В 1937-м церковь была закрыта, после она сгорела и на ее месте был выстроен клуб. В 1998 году православный приход восстановлен.

▶ Рабочие завода

Село берет имя реки

В годы НЭПа жизнь оживилась. Справочник Б.В. Дидковского сообщает нам, что по переписи 1926 года в селе в 540 дворах проживало 2475 жителей обоего пола. Как грибы после дождя, возникали вокруг села хутора. Два из них — Митино и Нотиха — угнездились на берегу Чусовой. Жителей было не много, но землю обрабатывали и обживали. В 1930-м создан был колхоз «Новая жизнь» с гидро-

◀ Колхозники перед посевной

электростанцией, лесопилкой и мельницей. Заработало смоло-скипидарное предприятие, а через Чусовую стал ходить паром. Колхоз, что называется, тучнел. В 1980-е годы даже стал миллионером и, по словам старожил, завел свой павильон на ВДНХ. В 1934-м Шайтанку переименовали в село Чусовое. Для населения было все самое необходимое: школа, клуб, почта, медпункт, детский сад...

◀ На строительстве клуба

Танк на Мамаевом кургане

◀ Танкист Макурин

▲ Танк на Мамаевом кургане

В Волгограде на Мамаевом кургане стоит танк Т-34 гвардии сержанта Николая Макурина, уроженца села Чусового. На постамент машина попала не случайно. 26 января 1943 года в Сталинграде она оказалась первой на стыке, соединившем войска 21-й и 62-й армий. В результате произошло расчле-

нение и уничтожение окруженной армии фельдмаршала Паулоса. Н.Е. Макурин — кавалер многих боевых наград — выжил в жестоких боях и вернулся домой, на свою малую родину. После войны жил в пос. Шаля. Умер в 1974 году. В Шале имя Николая Макурина носит улица.

Художники села Чусового

В 60-е в Чусовое проторили тропу художники. Сложилась в селе особая их общность. Ее традиции продолжают и в наши дни. Художники не замыкались в своем индивидуальном творчестве. Обычными стали массовые пленэры, постоянные выставки, самые разные совместные акции. Художническое сообщество придает селу особый культурный шарм. Своего рода символом такой массовой тяги к творчеству стала необычная картина «Радость села Чусового», написанная в нулевые годы нового века по инициативе известного уральского ювелира Сергея Пинчука. Руку к ней приложили художники-чусовляне разных манер и вкусов: Александр Алексеев-Свинкин, Борис Клочков, Вера Грекова, Юрий Филоненко, Анна Евладова, Вера Косьянковская, Евгений Симкин, Виктор Добровольский, Александр Мирошников. Картина явилась торжеством толерантности, многообразия и вседоступности искусства. 24 февраля 2015 года в Музее изобразительных искусств коллективная работа чусовских живописцев торжественно передана в дар Екатеринбург. Для начинающих художников Екатеринбургское училище им. Шадра основало в поселке постоянную базу, купив здание бывшей школы. Теперь сюда на пленэры приезжают будущие живописцы не только из Свердловской, но и из Тюменской и Пермской областей.

▲ «Радость села Чусового»

Музей и картинная галерея

1958 году по инициативе сельской учительницы Марии Мезениной и художника Бориса Семенова в помещениях дома бывшего караванного начальника Евстигнея Галдобина открылся музей и первая и единственная в СССР сельская картинная галерея. Через лихолетье перестройки и постсоветский период селяне бережно пронесли и музей, и картинную галерею села. Ныне им предоставлены просторные помещения на первом этаже большой каменной сельской школы.

▼ Школьный краеведческий музей

▲ В картинной галерее

Хор села Чусового

В ноябре 1947 года под руководством Надежды Сарафановой был создан Чусовской хор, которому в 1964 году было присвоено звание народного. Немного в Союзе было сельских творческих коллективов, которым было присвоено звание «Народный хор». Самой популярной песней хора была песня о родном селе. Традиции народного хора села продолжает группа «Чусовляночка».

► Участники народного хора на берегу Чусовой

«Чусовая России»

С самых первых шагов нового века в село каждое лето приходит фестиваль «Чусовая России». В 2016-м он будет уже пятнадцатым. Из первого молодежного рок-концерта выросло большое массовое действо на полтора десятка площадок — с рыбалкой, спортивным слаломом, туристским многоборьем, ярмаркой народ-

◀ Памятные знаки

▲ Подсветка камня Шайтан

ных мастеров, Иван-чайной церемонией, двумя сценами для людей искусства, детской площадкой, деловой программой... Каждый год в дни фестива-

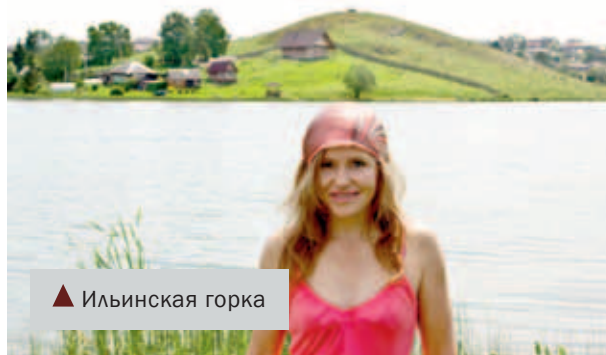
▲ Веселые сплавы

ля энтузиасты выпускают в Шайтанский пруд по несколько тысяч мальков карпа, восстанавливаются дороги, элементы плотины... Здесь родилась идея

создания аллеи Славы реки Чусовой. Стоят уже первые три памятных знака: шотландцу-геологу Родерику Мэрчисону, открывшему в бассейне реки Пермский период Палеозойской эры; комплекс-памятник Чусовским караванным; памятный знак Ермаку...

Загадки Старого Шайтана

Мифами и легендами они уходят в глубины тысячелетий. С легкой руки юных художников-исследователей многоугольная кладка подпорной стенки старо-шайтанского канала обрела покров загадки и стала темой документального фильма «Чудо села Чусового. Полигональная кладка на Урале», снятого московскими кинематографистами. Другую тайну хранит Ильинская горка, что на излучине сельского пруда. Старики говаривают, что сюда испокон веку ходили на моления вогулы, а позже и по сей день — старообрядцы. А сегодня на вершине ее стоит сотворенная руками местных жителей деревянная часовенка.

▲ Ильинская горка

▼ С.М.Прокудин-Горский. Деревня Родина. 1912 г.

Родина на Чусовой

Подплывая по реке к селу Чусовому, проходим Родинский перебор. Вдоль правого его берега прежде привольно тянулась прибрежная улочка деревни Родина — от камня Танькина до Максимовского. Возрастом она постарше Чусового. В 1719-м здесь уже стоял двор бывшего соликамского крестьянина Родиона Константиновича Волегова (до этого жительствовавал он в Вольнах). Ему — Роде, Родиону — деревня и обязана своим красивым именем. Место ей понравилось. Вблизи, в Родинском Логу, добывалась железная руда, а в ручьях, говорят, — золотой песок с хорошим процентом платины. Деревня наполнилась людьми: в 1860-м перепись насчитала в ней 42 двора. В 1940-м — 60. Но до 1970-х Родина не дотянула... Из Староуткинска до бывшей деревни Родины проложен 40-километровый пешеходный туристский маршрут

◀ Панорама фестиваля

Туризм — будущее Чусового

В последние годы село оживает на глазах. Кроме летнего фестиваля «Чусовая России», когда население увеличивается сразу на 2000 человек, с каждым годом становится все больше поводов приехать в село.

На праздник Крещения приезжают гости из Шотландии, в сельском ДК поют местные и приезжие коллективы, работают кружки, где дети и взрослые учатся шить, плести корзины, тоже поют и танцуют. Село преобразуется — строятся новые красивые дома и гостиницы. Снимаются художественные фильмы с участием известных актеров. Гостей села водят по уже утоптаным туристским тропам — по демидов-

▶ Отец Виктор на обряде водосвятия

▼ Шотландец Томми Бивит в проруби

▲ Гостиница

ским местам, по фестивальной площадке, на таинственную Ильинскую горку, в музей и картинную галерею Чусового, на могучие чусовские скалы-бойцы, по качающемуся под ногами подвесному мосту через Чусовую... А уж какая рыбалка на пруду и Чусовой! А сколько ягод и грибов в окрестных лесах! Но главное — это, конечно, жители села Чусового — строгие на первый взгляд, но душевные, веселые и хлебосольные, если новый человек придется им по душе. И тогда вам обязательно захочется вернуться обратно и продолжить начатый тут разговор. Милости просим к нам в Чусовое! 📍

*Автор выражает
искреннюю благодарность школьному музею села
за предоставленные материалы.*

Уральский следопыт, апрель 2016

Государственное унитарное предприятие санаторий «Карагай» Республики Башкортостан

Основан в 1969 году

В живописном месте на берегу чистой горной реки Ик, в 300 км от городов Уфа, Екатеринбург, Пермь, Челябинск, в сосновом бору расположилась одна из лучших здравниц Республики Башкортостан - санаторий «Карагай». Великолепные вековые сосны и журчание реки создают атмосферу уюта и покоя. Сегодня санаторий «Карагай» является центром, предоставляющим многосторонние услуги по оздоровлению и восстановлению здоровья. Природные факторы как сапропелевая грязь озера Культубак, минеральная вода «Карагай» и хвойный воздух способствуют лечению заболеваний опорно-двигательного аппарата, органов дыхания и пищеварения, нервной системы, кожи и подкожной клетчатки, гинекологии и урологии.

К услугам отдыхающих лодки и катамараны, рыболовные снасти, ролики и велосипеды, пляж, бассейн, теннисный корт, волейбольная площадка, бильярд, библиотека, кинозал, компьютерный зал, Wi-Fi, киноконцертный зал, детская комната с воспитателем, детская площадка и т.д.

Прекрасное место для семейного отдыха!

Республика Башкортостан, Мечетлинский район, с.Большеустьикинское, ул. Курортная, 90

тел. (34770) **2-08-52, 2-08-49** www.karagay.ru

▶ г. Евлахта. Фото М. Канова

Южный Урал

Башкортостан, Зигальга

смотри статью Владислава Карелина («Уральский следопыт», №3, 2016).

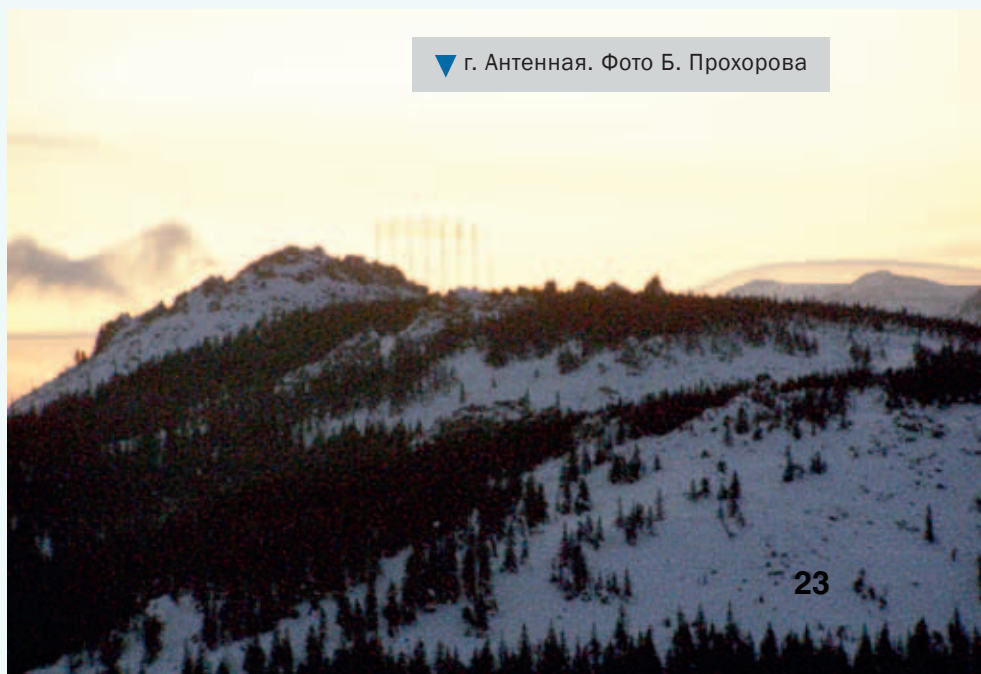
▶ г. Шеломы. Фото В. Бессонова

Встречный ветер

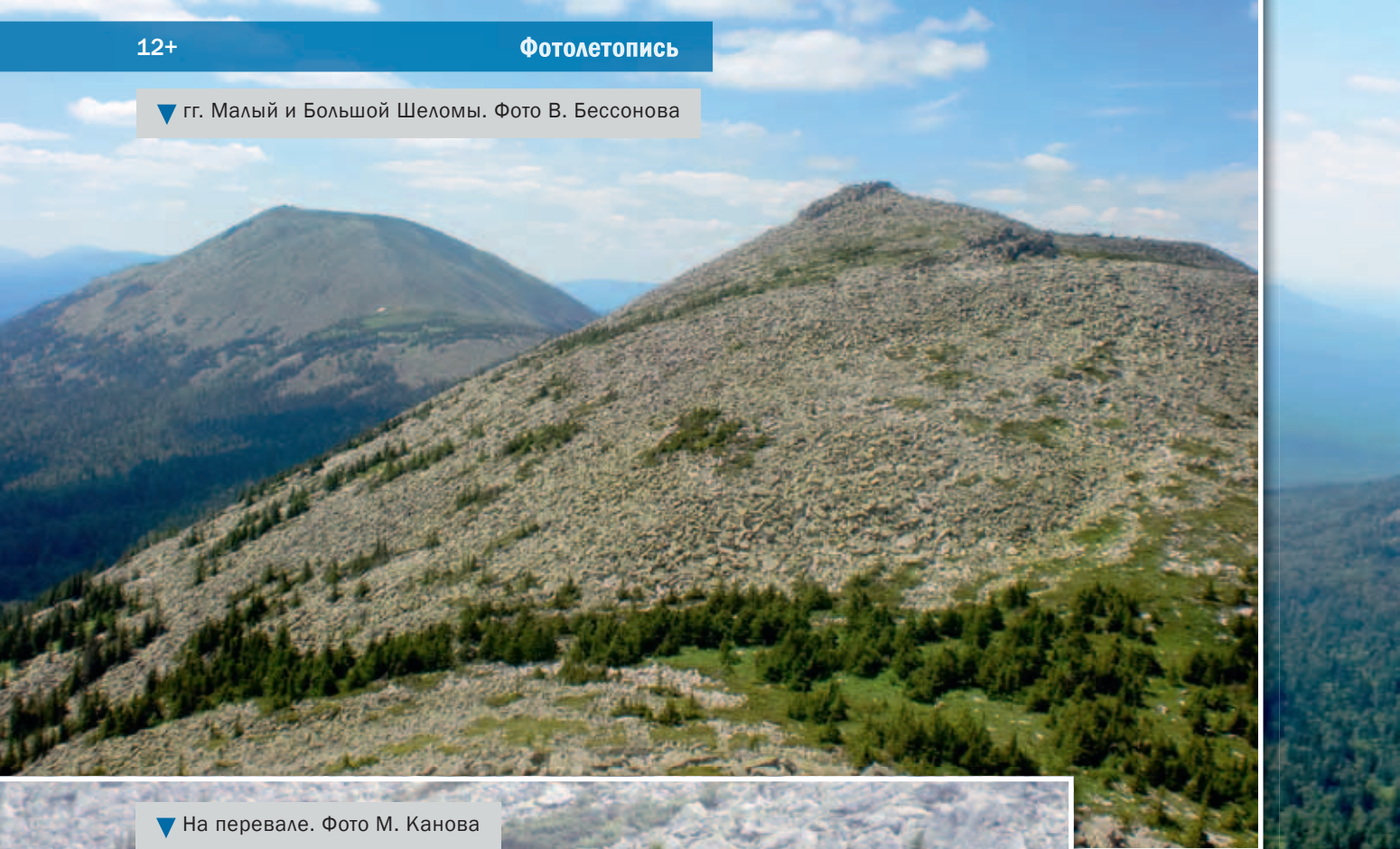

БАШКОРТОСТАН

▼ г. Антенная. Фото Б. Прохорова

▼ г. Малый и Большой Шеломы. Фото В. Бессонова

▼ На перевале. Фото М. Канова

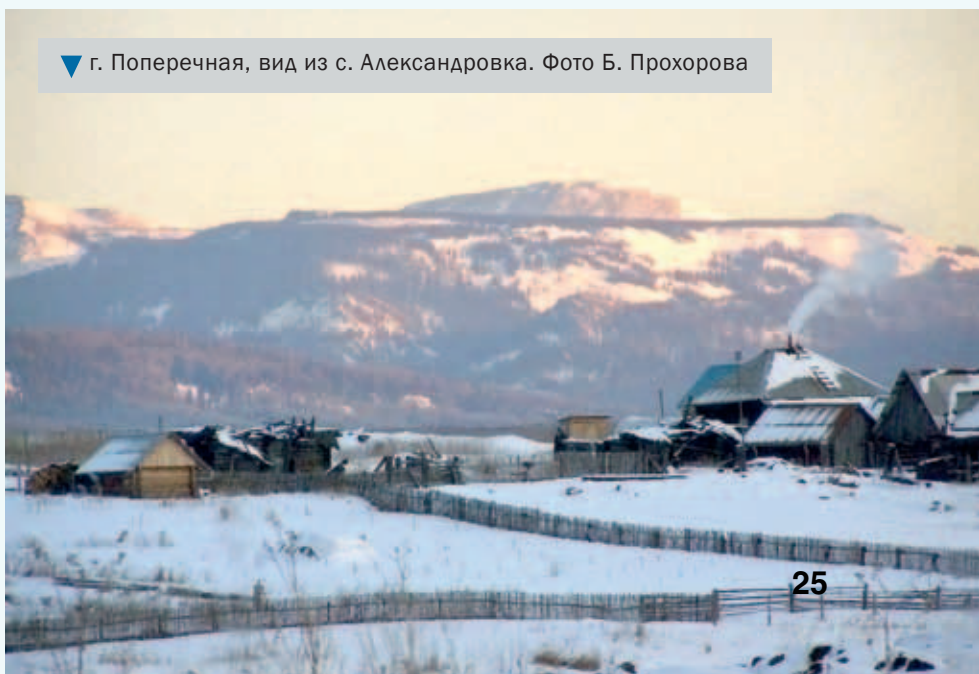
▼ Верховое болото. Фото Б. Прохорова

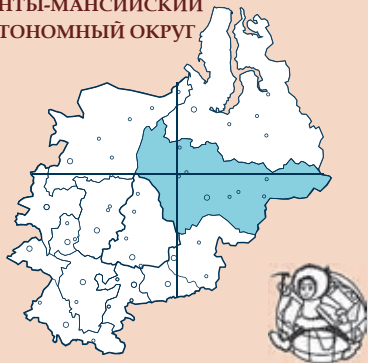
▼ г. Большой Шелом. Фото В. Бессонова

▼ г. Поперечная, вид из с. Александровка. Фото Б. Прохорова

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ
АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ

Никита Партанов

Родился в 1960 году в ХМАО-Югра. В 1994 году поступил в Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург). Получил высшее образование учителя культурологии и истории. В настоящее время работает лектором-экскурсоводом в Этнографическом музее под открытым небом «Трум Маа». Публикуется в различных изданиях. Член Союза журналистов с 1996 г.

Фото предоставлены автором

Народы Севера издавна лечились народными традиционными средствами, так как у них до начала XX века не было врачей. Роль медиков играли шаманы. Люди Крайнего Севера знали много средств лечения с помощью трав, компоненты лекарств брали у птиц, рыб, животных. Природа на Севере всегда была лекарем человеческих недугов, у нее люди учились и многое брали от нее.

Мансийские рецепты Клавды Пакиной

Вот рассказ жительницы поселка Игрим Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа Клавды Ивановны Пакиной: «Моя мама в начале двухтысячных годов сильно обожгла руку, образовался очень большой водяной пузырь. А я, когда разделяваю щуку, всегда беру ее желчь. У меня и сейчас в холодильнике хранится 150–200 грамм рыбьей желчи — каждую весну ее запасы пополняю. И вот мы маме намазали руку щучьей желчью и перебинтовали. Наутро у нее все зажило, и волдыря как будто не бывало. У меня самой был большой послеоперационный шов. Не заживал в течение месяца после операции. А когда меня выписали из больницы, я сделала ту же перевязку на ночь, и у меня все зажило моментально.

Есть и еще одно народное средство. Мы собираем внутренний окуневый жир, сначала разогреваем его на медленном огне, потом растапливаем, собираем в стеклянную посуду, закрываем крышечкой и ставим в холодильник. Если надо использовать, берем чайную ложечку жира и держим над огнем. Жир превращается в жидкое состояние. Когда он остывает, берем пипетку и закапываем в больное ухо. Помогает от простуды ушей и когда в ушах «стреляет». После того как закапали, сверху закрывают ваточным тампоном. Девочке на голову надеваем косыночку, а мальчику — шапочку.

Бабушка у нас собирала различные полезные травы: ромашку, пижму. Пижма — очень хорошее лекарство для лечения печени, желудка. Ее надо запаривать и пить этот раствор. Пижма еще

помогает в быту, если в доме появилась моль. Пучки пижмы укладываем в шкафы и на шкафы, и моль исчезает, она боится запаха пижмы.

Листья герани тоже имеют лечебные свойства. При головных болях листочки прикладываем к вискам или запариваем в кипятке четыре листочка герани на стакан воды и пьем — головная боль проходит. При расстройстве желудка бабушка запаривала в кипятке черемуховые листья, и «жидкий стул» проходил. А зимой берем веточки черемухи вместе с кожурой, запариваем в кипятке и пьем эту настойку на ночь. Черемуху собираем осенью, перемалываем и добавляем туда рыбий жир. Перемешанную черемуху с рыбьим жиром даем детям. Сушеная черемуха тоже всегда в запасе есть. Пропускаем ее через мя-

◀ Клавдия Пакина

сорубку, храним в банках, ведрах, деревянных бочонках.

При сильном кашле помогает внутреннее сало оленя. Чайную ложечку расплавленного сала принимаем внутрь, теплым салом смазываем грудь. При кожных заболеваниях, псориазе ранки смазываем этим жиром в течение десяти дней.

Если насморк, а под рукой ничего нет, то берем вату из фуфайки, поджигаем, чтобы она тлела, и даем понюхать. Собираем сосновую смолу, растапливаем и прикладываем на «чиряки» и болячки, сверху залепляем тонким слоем белой бересты.

На Уральских горах собираем «золотой корень», делаем настои и пьем. А еще в горах можно найти белемниты (остатки вымерших моллюсков. —

без ножек, только шляпки. Грибы мариновали и сушили. Зимой, в какой дом ни придешь, у всех на столе грибы. Орехи кедровые всегда были в запасе. Лепешки кроеные ели, я до сих пор делаю такие лепешки. И колбасу делали кроеную. В кровь животного насыпали гречки, сала оленьего добавляли, все перемешивали и — в кишку. И варили до готовности.

Из оленьих ног варили холодец. Он полезен, в нем много кальция. И еще: олени ноги разрубали и вынимали костный мозг. На ложечке разогреваешь — хорошо помогает от кашля. Когда в Саранпауле шел забой оленей, мама мешками привозила оленьи кишки, брюшки. Вымоет кишки, потом сушит их на крыше. И когда не было свежего мяса, мы их варили и делали суп с мукой — колас пуг. Сушеную рыбу — ехл — также заправляли мукой и варили очень вкусный суп. Мама нам всег-

да делала брусничный кисель. Бруснику натолкут, рыбьего жира немного туда добавят, ржаной муки. Кисель становится как холодец. Ножом разрезали и ели. Оленину манси стараются есть сырой — в ней сохраняются витамины.

Раньше пудры не было, а детишки в люльках потеют. Мама ходила в лес, собирала сгнившую сердцевину березы, ивы. Размельчала ее, просеивала через марлечку. И ребятишкам сыпала между ног такой пудрой. Колыбелька — апа — передавалась у нас по наследству. Принадлежностью апы был олений хвост. Он служил малышу вместо современного подгузника: структура оленьего ворса трубчатая и впитывает влагу. Ребенка туго пеленали и шнурками привязывали к апе. Все натуральное, все свое: и еда, и лекарство.

Собирали листовничную кору, она была красителем замши. Кору мелко рубили и варили, опускали в нее шкуру оленя, и она становилась красной. Раньше всю одежду меховую шили себе сами. У нас, в Саранпауле, каждый год проводятся олимпиады оленеводов. Девушки надевали белые бурки — они считались эталоном красоты в наших краях. После праздника насыпали внутрь пижмы и табака, чтобы моль не завелась, закутывали и убирали. Старые люди вообще не употребляли алкоголя, моя бабушка за жизнь ни грамма не выпила. Поэтому так долго жили и были здоровые.

Думаю, сегодня полезно вспомнить мамини и бабушкины рецепты, которые достались нам даром по наследству от наших предков». **УС**

◀ Оленеводы Саранпауля

Ред.). В народе их называют «чертовыми пальцами». Их находят на склонах гор в расщелинах и предгорьях поселка Саранпауля. Говорят, поднимает иммунитет. Натертый через терку, «чертов палец» становится белым, им можно лечить псориаз, смазывая кожу.

Почему-то говорят, что манси грибов не собирали. Помню, бабушка меня брала по грибы. Была она старенькая и горбатая. Посадит меня на свой горб, и мы с соседками идем за морошкой, а по дороге грибы собираем. Меня на кочку посадят, а сами собирают. Бабушка любила собирать моховики и маслята. Отваривала и засаливала в берестяных тuesках. Подосиновика моя мама всегда брала почему-то

Фото Александра Вьюткина

Семья

В истории войны

Великая Отечественная война — предмет непрерывного исследования. Ее историю изучали, изучают и, несомненно, будут изучать. Множество работ посвящено тем или иным ее фрагментам: военным операциям, масштабным сражениям, судьбам главнокомандующих, военной истории

городов и т.д. Личность отдельного человека на войне исследуется гораздо реже, не говоря уже об истории целой семьи. Мы хотим показать участие нашей семьи в Великой Отечественной войне, используя автобиографии наших родных, воспоминания, книжные, газетные и интернет-публикации.

Вероника Турчанинова

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры управления и социальной работы Нижнетагильского государственного социально-педагогического института (филиала РГППУ). Приняла родовую фамилию. Живет в Нижнем Тагиле.

Никита Горев

25 лет проработал в системе МВД, основную часть времени — в должности эксперта-криминалиста, фотограф, автор рассказов на острые социальные темы, лауреат литературных конкурсов. Живет в Кировграде.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

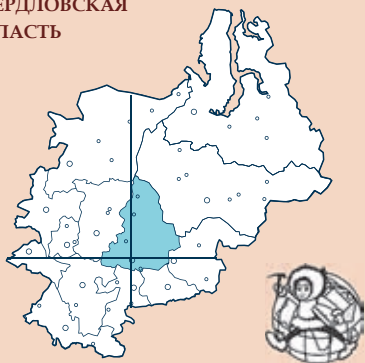

Фото из семейного архива авторов.

Диетсестра

Свою автобиографию Александра Марковна Батманова (урожденная Турчанинова; 1897–1987) писала, видимо, для работодателя или какой-то официальной структуры. Только этим можно объяснить скудость информации, помещившейся на одной (!) странице формата А4. Сколько могла написать дочь заводовладельца Марка Петровича Турчанинова, пережившая Первую мировую войну, революцию, Гражданскую войну, Великую Отечественную?..

Из автобиографии мы узнаем, что с 1933 года и до осени 1941 она работала в неполной средней школе города Ирбита учителем немецкого языка. К началу войны уже была вдовой. «4 октября 1941 года Ирбитским райвоенкоматом я была мобилизована и направлена в распоряжение Эвакогоспиталю № 1715 на должность медсестры. В госпитале я работала пять месяцев палатной сестрой, а затем была переведена старшей сестрой в одно из отделений этого же госпиталя, где работала до сентября месяца 1945 года». Вот и все, что Александра Марковна сама поведала о своей военной биографии.

Случай узнать подробности этой работы и жизни Александры Марковны представился нам, когда в 2012 году на конкурсе «Неизвестный Урал» был опубликован материал ирбитчанки Е.Н. Эннс «Из рода Турчаниновых, или Колокола». Мама Екатерины Николаевны Эннс, урожденная Мальгина, девочкой жила с семьей Батмановых в одном доме, хорошо их знала. Цитируем:

«Ирбит, далекий от линии фронта, дыхание войны ощутил 23 июля 1941 года, когда на железнодорожную станцию прибыл первый военно-санитарный эшелон. Очевидцы вспоминали: «Горожане с болью в сердце встречали автомашины и подводы с ранеными по пути к госпитальным зданиям, воочию видели ужасы войны, находясь за тысячи километров от фрон-

та. Как будто вся боль войны стекалась сюда, в такие вот маленькие тихие городки».

В госпитале № 1715 Александра Марковна была диетсестрой. «Начальник госпиталя, военврач 2 ранга Д.И. Мальгин поручил ей это непростое дело, зная о ее кулинарных способностях. Очень важное дело — без питания нет жизни, нет выздоровления». Мы узнаем, как функционировал госпиталь. «К сентябрю было открыто пять отделений на 600 коек. Госпиталь — это большое и сложное хозяйство. Семь зданий были разбросаны по городу на немалом расстоянии. Такая разбросанность создавала большие трудности. Во всех содержалось свое отдельное хозяйство. Ирбит всегда был очень грязным городом. И это тоже была проблема — передвижение от здания к зданию много раз в день. Грязь была на редкость вязкой, засасывающей обувь. Особенно калоши, которые носили даже поверх сапог. В принципе, можно было пользоваться подводой, но Александра Марковна ходила пешком, наматывая с десяток киломе-

▲ А.М. Батманова-Турчанинова

тров, проверяя не по разу пищеблок-раздаточную в каждом отделении. Не потому, что Д. И. Мальгин был строгим начальником, вникал в каждую мелочь в интересах больных, а просто из-за своей ответственности.

«Рабочий день Александры Марковны начинался задолго до рассвета. Получить продукты, проверить их количество и доброкачественность, выдать по нормам согласно составленному меню, проследить за процессом, снять пробу, составить отчетность... И так с утра до вечера, несколько раз в день побывав во всех отделениях... Иногда Александра Марковна сама становилась к плите. По ее инициативе особо тяжелораненых, у которых, конечно, аппетита не было, спрашивали, что они хотели бы покушать. Старались выполнять все просьбы. Тут кулинарное искусство Александры Марковны было как нельзя кстати. Считала витаминизацию необходимой, больные получали хотя бы отвар из хвоя зимой, летом же в ход шла любая зелень».

Казалось бы, такой интенсивный труд не оставляет сотрудникам госпиталя ни времени, ни сил на какую-либо иную деятельность, но воспоминания Екатерины Николаевны опровергают это предположение. «Несмотря на большую каждодневную занятость, Александра Марковна находила время руководить самодеятельностью. Так как она прекрасно играла на пианино, то была постоянным аккомпаниатором. Сама писала и режиссировала короткие пьесы — скетчи. В них играли медсестры и раненые. Особенно активными участниками были медсестры Л.Н. Шутова, А.И. Ланских, А.Ф. Демина. В 1943 году даже было дано несколько платных концертов в театре. Деньги — более трех тысяч рублей — поступили на строительство танковой колонны (!!!)».

Из автобиографии Александры Марковны: «1 сентября 1945 года я была отозвана Ирбитским Горно на работу в среднюю женскую школу № 12, где работала по 1949 год учителем немецкого языка в 5-10 классах».

«Летчица»

Лидия Валериановна Батманова (1921-1982) была дочерью врача, представителя известной в Екатеринбургской семье Валериана Никифоровича Батманова. О ее матери — Александре Марковне, дочери последнего владельца Сысертских заводов, мы уже сказали.

Наша баба Саша приняла советскую власть и воспитала дочь патриоткой своей Родины. Лидия была пионеркой, комсомолкой, участвовала в агитбригадах, работала пионер-

вожатой, окончила кавалерийскую школу и даже некоторое время была начальником этой школы, прошла также Молотовскую летную школу ОСОАВИАХИМА.

Вот строки из ее автобиографии: «Когда я училась в 8–9 классе, я увлекалась спортом. Мы организовывали велосипедные гонки, стрелковые соревнования, сдавали нормы на значки ПВХО, «Ворошиловского стрелка», ГСО, ГТО.

В Ирбите был стрелковый клуб, клуб ворошиловских всадников. Мы учились ездить верхом, делать гимнастические упражнения в седле, стрелять, бегать на лыжах за конем. Устраивали лыжные соревнования по району, проводили в деревнях беседы, распространяли литературу, плакаты. [...] В своих агитпоходах рассказывали народу о происках кулаков, о нашей молодежи, о строительстве Днепрогэса.

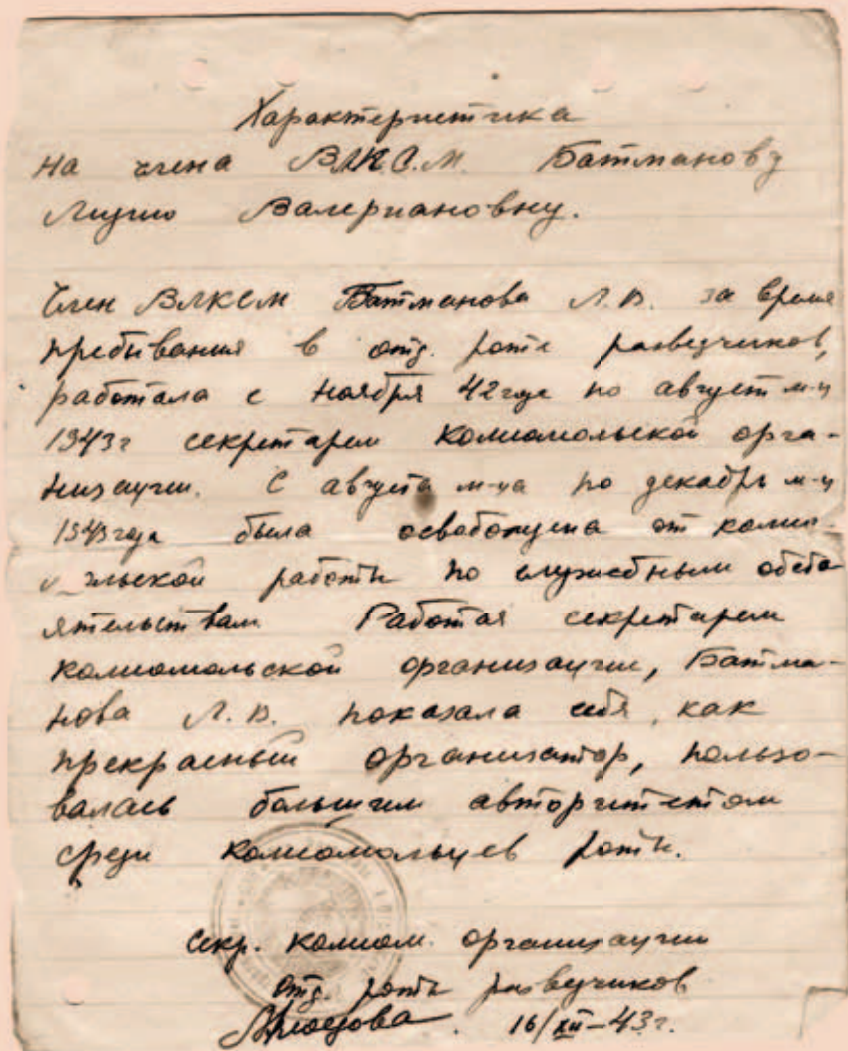
Она гоняла на мотоцикле в Ирбитском мотоклубе, а через несколько лет, уже после войны, участвовала в финале (!) Чемпионата СССР (1946 года) по мотоциклетному спорту. В 1939 году поехала учиться в Пермь, где окончила аэроклуб и осталась работать.

«Так как в военные летные школы девушек не принимали, мы, три подруги, написали письмо К.Е. Ворошилову и просили разрешить принять нас в Молотовскую военно-авиационную школу». В семье сестры Александры Марковны — Елены — племянницу Лиду называли Летчицей.

Перед войной Лидия вышла замуж, а в 1941 году ее муж погиб на фронте. 25 августа 1941 года она добровольно ушла на фронт...

▲ Л.В. Батманова

В нашем семейном архиве есть несколько документов, изучение которых мы назвали разгадыванием тайны Красноармейской книжки. Пожелтевшая, потрепанная, она была обернута клочком использованного ватмана. Это военный документ Батмановой Лидии Валериановны.

Обычно военнослужащие получают военный билет в день призыва. А тут противоречие: «Батманова Лидия Валериановна призвана 25.8.41». А Красноармейская книжка ей выдана «20.12.1942». Как так?

Теперь откроем следующую страничку: «Военную присягу приняла 20.12.42 г.» То есть почти полтора года Лидия служила в армии без Красноармейской книжки, без Присяги, и даже без экипировки? Шинель, шапка, гимнастерка и даже автомат ППШ — также получены ею только в декабре сорок второго!

Вернемся на первую страничку. Третья строка (после фамилии, имени и отчества). Звание и должность: «Ст. сержант, начальник радиостанции». Присяги еще нет, зато уже есть зва-

ние и должность! Но и это еще не все! Смотрим раздел 3: «Участие в походах, награждения и отличия». Читаем: «За выполнение особого задания представлена к награждению Орденом Красной Звезды 10/X1-42 Приказ № 0846/03 по СЗФ (Северо-Западному фронту)»!

Что же это за особое задание? Ответ ищем в автобиографии: «...В первые же дни войны я подавала заявления об отправке на фронт. 20/VIII-41 г. я в числе других девушек комсомольцев была мобилизована и направлена в г. Свердловск в школу военных радистов. В октябре месяце мы были направлены на Северо-Западный фронт. Имея полное среднее образование, будучи хорошо физически развитой, я была направлена в разведку штаба Северо-Западного фронта.

В мае месяце 1942 г. нас, троих девушек, забросили в глубокий тыл врага для выполнения особого задания. Два месяца мы работали в тылу врага, связались с партизанами и до осени находились в партизанском отряде. В сентябре месяце с группой, также выполнявшей

задание в тылу врага, перешли линию фронта и возвратились к своим...».

Вот почему Лидия была представлена к награждению Орденом раньше, чем приняла Присягу и получила воинское удостоверение! Но, возможно, именно по причине того, что в списках Красной армии в ноябре 1942 года боец Батманова еще не значилась, она так и не получила свою «Красную Звезду».

В другой автобиографии чуть подробнее описано пребывание в тылу немцев.

«В мае 1942 года нас, трех девушек, <направили> в глубокий тыл врага для выполнения особого задания. Мы имели радиостанцию и должны были сообщать командованию Северо-Западного фронта расположение и перемещение вражеских войск. Нам нужно было легализоваться и жить где-то в деревне.

Когда мы пришли в город Гдов, чтобы прописаться, там шла мобилизация молодежи в Германию. ...Поскольку Красная Армия была далеко, немцы чувствовали себя полными хозяевами; на всех заборах были развешаны приказы о том, что лица, уклоняющиеся от отправки на фронт, подлежат расстрелу. Немцы не боялись, что мы можем скрыться.

Нам выдали паспорта, дали какие-то талоны и направили в казармы [...]. Из коммандатуры мы направились в сторону казарм, но, как только завернули за угол, по дворам и закоулкам стали выбираться из города. В один день по тропам, по поселочным дорогам мы ушли от города за 50 км. Мы перешли линию фронта и возвратились к своим. Идти в тыл [врага] второй раз мы не имели права».

Из этого же документа мы узнаем о дальнейшей военной судьбе бойца Батмановой: «После этого я работала связисткой в одной из отдельных рот связи. В 1942 году я была откомандирована в школу советских командиров в Москву, но я попросилась в формируемую отдельную женскую стрелковую бригаду. Там я опять попала в разведку. В течение года меня готовили для отправки на фронт, но в связи с тем, что фронт ушел далеко, бригаду начали расформировывать, и по состоянию здоровья я была демобилизована».

Как служила Лидия Валериановна после возвращения из разведки в тылу врага? Об этом тоже имеется подлинный документ:

«Показала себя как прекрасный организатор, пользовалась большим авторитетом среди комсомольцев роты». Обратим внимание: «С августа м-ца по декабрь м-ца 1943 года была освобождена от комсомольской работы по служебным обстоятельствам». Что

это были за «обстоятельства», можно только догадываться, т.к. документов по этому периоду нет. Единственное, что знаем теперь точно: с ноября 1942 года она служила в отдельной роте разведчиков Первой Женской Добровольческой Стрелковой Бригады.

«В 1944 году я вернулась в Ирбит и стала работать в детском доме теперь уже заведующей интерната. Одновременно я обучала девушек на военно-учебном пункте ирбитского военкомата. Вскоре меня избрали председателем городского Совета ОСОАВИАХИМа».

Мама не рассказывала про свою службу никому. Теперь, когда я (Никита Горев) кое-что (очень мало) знаю о ней, думаю, имею право предположить, что она была связана множеством подписок «о неразглашении». А еще моя мама работала судьей, и кто знает, как отнеслись бы «сталинские шакалы» к судье — дворянской дочери, да еще и побывавшей на оккупированной территории...

Пулеметчик

Борис Никитич Горев (1922–1995), будучи на пенсии, сделал для нас, своих детей и внуков, большую работу: купив две 96-листовые тетради, он от руки написал свою автобиографию в двух экземплярах (для дочери и для сына). Особое внимание, конечно, уделил Великой Отечественной войне. Беру эту тетрадь и вижу перед собой дедулю как живого.

С 1939 по 1942 год Борис был студентом Омского электротехнического техникума. «Далеко мне пришлось ходить до техникума. К этому времени ввели продовольственные карточки. Норма отпуска хлеба для рабочих — 800 г в день, а для остальных — 400 г. ... Я, чтобы побольше иметь хлеба, устроился на завод учеником токаря. Показали мне, как надо управлять станком, дали в руки шпангенциркуль, настави-

ли отлитых заготовок мин для 82-мм миномета и сказали: «Точи до такого-то размера в диаметре». Выдали хлебную карточку на 800 г. Хлеба я стал получать 1 кг 200 г».

В апреле 1942 года Борис был призван в армию. После месячной подготовки на пулеметчика выехал на Ленинградский фронт. В мае 1942 года был назначен командиром пулеметного отделения Ленинградского фронта.

«14 января 1944 года на рассвете войска Ленинградского фронта пошли в наступление... В первые дни провалили первую, вторую и третью линии обороны противника и погнали врага в сторону Эстонии. В пути преследования отступающего врага мечтали освободить эстонский город Нарву, помыться в бане и отдохнуть, особо — отоспаться. Сон в то время был самой желанной, но несбыточной мечтой. Засыпали даже стоя. Бывало, остановится колонна на марше на короткое время, закрыл глаза и уже спишь. Начинается движение, а ты стоишь и спишь. Сзади кто-нибудь треснет кулаком в спину или ты треснешь впереди стоящего и заснувшего солдата, и пошли дальше».

Описание последнего боя Бориса Никитича, последних двух суток на передовой очень впечатляет!

«22 февраля 1944 года мы прибыли на рубеж сосредоточения для наступления утром по захвату железной дороги Таллин — Нарва... Перед ужином нам преподнесли по случаю Дня Советской Армии по 100 г водки и выдали по хорошей порции рисовой каши. Выпили, закусили и улеглись спать, каждый со своей мыслью. Выживу ли я завтра?»

В 6 часов утра нас подняли, и мы стали бесшумно передвигаться на рубеж атаки. Часов в 8 или 9 утра, когда рассеялась мгла, пошли в атаку. Атака быстро захлебнулась. Немцы вели ураганный пулеметно-автоматный огонь и стрельбу из минометов. Мы смогли пройти только до кромки просеки, и нас положили. Я выбрал себе воронку от разрыва небольшого снаряда или мины. Со стороны немцев на краю этой воронки был пенек. Солдат, который тащил станок от пулемета, до этого места не дошел, или он был убит, или ранен — не знаю. Но я остался без станка. Тело пулемета положил на пенек, зарядил его и дал несколько очередей. Стрельба с пенька — напрасная трата патронов, пулемет трясется и дергается. Одна пуля летит вверх, другая шлепается в землю в 5–7 метрах

◀ Б.Н. Горев

от пулемета. Попробовал пулемет кожухом сильнее прижать ко пню, он стал давать задержки, так как отверстие для выбрасывания гильз я перекрыл упором в пень, и пулемет перестал работать. Со мной до кромки просеки дошел солдат Вишняков, который имел одну ленту с патронами, и этими патронами я пытался вести огонь с пенька.

Справа от меня, несколько позади в сторону леса, находился раненый солдат, который стонал и время от времени поднимал голову. Я видел, что ранение он имел в лицо. К этому времени я уже понял, что по нам ведет огонь очень меткий немецкий снайпер, так как время от времени слышались одиночные выстрелы, которые несли неминуемую смерть. Солдат Вишняков лежал на одном со мной уровне на расстоянии от меня в 2,5–3 метра. ...День был яркий и солнечный. Время приближалось к обеду... Бой к этому времени затих. Было необыкновенно тихо, а солнышко хорошо пригревало. От его тепла я ненадолго заснул. ...Когда я очнулся, то посмотрел в сторону Вишнякова и увидел его лежащего ничком, вниз лицом, на согнутых руках. Я подумал, что он тоже заснул, тревожить пока не стал. Огляделся по сторонам, солдат никого не увидел, кругом лежали только трупы. К тому, раненному в лицо, солдату еще до моего сна подползла молоденькая девчонка-санструктор. Перед перевязкой она приподнялась над ним на колено. Я уже знал, что по нам бьет снайпер, крикнул ей и махнул ладонью, чтобы она легла. Она, видимо, не поняла меня, посмотрела на меня вопросительным взглядом, ойкнула и замертво свалилась на раненого. Раненый солдат больше не стонал и не подавал признаков жизни. Вишняков по-прежнему лежал, не меняя позы. Я подумал, что застынет мужик. Раза три окликнул его по имени. Никакой реакции, тогда я подполз к нему и стал трясти за плечо. Тоже никак не реагирует, тогда перевернул его на спину и увидел в центре лба входное отверстие от пули. Вишняков был мертв».

Рассказывая об этом, деда Боря привел одну деталь. При раздаче телогреек перед наступлением 1944 года он отсутствовал в роте, а когда вернулся, ему достался только черный полушубок. Солдаты разобрали все белые, полагая, что это сделает их незаметными на фоне снега. Деда сначала пере-

живал, а «...оказалось напротив. Артиллерия перед наступлением так вспашет поле, что белого на нем ничего не остается. Все кругом становится черно, и я в своем черном полушубке становлюсь мало заметным. Этим и объясняю, что 23 февраля 1944 года не попал на мушку снайперу..., вокруг было много убито солдат в белых полушубках».

Ночью Борис Никитич выбрался из спасительной воронки, нашел удачное место для продолжения стрельбы, прошелся под покровом ночи по округе, нашел станок для пулемета и две коробки патронов. Также встретил нескольких солдат, один из которых пошел с Борисом к новой огневой точке. Своего нового знакомого Борис, «вооружив» котелком, отправил в тыл — поискать кухню. За время его отсутствия Бориса ранило в ногу осколком мины. «Размыш-

ляя над ранением, я пришел к выводу, что сосна, под которой я лежал, спасла меня от смерти. Мина летела прямо на меня, но при падении наткнулась на толстый сук сосны и разорвалась там, осколки разлетелись в стороны, и один из них попал мне в ногу...

После того, как перевязал себе ногу, стал ждать солдата с кашей. Он вернулся жив и невредим. Принес кашу, мы с ним поели. О ранении я ему пока ничего не говорю. Потом познакомил его со стрельбой из пулемета, показал, как его заряжать. Дал ему все это проделать самому, а потом уже сказал, что я ранен, что я оставляю его одного, а сам иду искать медсанбат».

После медсанбата Борис был увезен в Ленинград и помещен в госпиталь. Потом его направили в запасной полк, где до ноября 1945 года — момента своей демобилизации — он готовил пулеметчиков. **УС**

► Б.Н. Горев (справа). 1942 г.
Ленинградский фронт

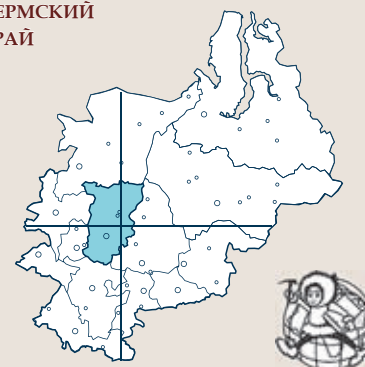
Иллюстрации предоставлены автором

Сергей Согрин

Родился в 1937 г. в г. Шанхае (Китай). Когда ему было 10 лет, семья вернулась в Россию, в г. Свердловск. Окончил Уральский политехнический институт по специальности «металлургические печи». Исследует корни и судьбу своих предков чердынских купцов Алиных. Давний автор «Уральского следопыта». Живет в г. Усть-Лабинске Краснодарского края.

**ПЕРМСКИЙ
КРАЙ**

В Чердынской купеческой семье Алиных Больших в 1905 году ждали второго ребенка. Но 15 февраля на свет появились два мальчика. Одного нарекли Василием. Так полагалось по святцам и совпало с именем дяди отца, купца 1-й гильдии Василия Николаевича Алина — полного тезки. Другому младенцу, Серафиму, не суждено было выжить. И Василий жил как бы за двоих, преуспел достичь много за свои 90 лет жизни. С детских лет его интересовал окружающий мир, природа. В отличие от старшего брата Петра, купеческие дела отца его не трогали. Как сам он вспоминал незадолго до смерти: «Я, как естественник, всегда был близок к природе и наблюдал все явления».

Энтомолог Алин

С 1912 по 1916 годы Василий успел получить образование в начальной школе Чердыни и закончить три класса гимназии. А дальше «наступил ужасный 1918-й год, и первая волна террора залила всю страну кровью» (Из воспоминаний В.Н. Алина).

Оказавшись в Харбине в 1920 году, при недостатке средств для

учебы Василий самостоятельно готовится и сдает экстерном экзамены за курс 6-го класса 1-го Харбинского смешанного реального училища. Своим самообразованием он занимается и все последующие годы. Не имея ни ученых степеней, ни званий, он становится видным ученым.

В 1925 году Василий учился в местной автошколе, водил автомобиль на Харбинской бирже, потом работал в отделе запчастей фирмы «Бочкарев и Ко», заведовал отделом запчастей в «Китайско-американской автокомпании», а затем в должности секретаря вел всю деловую переписку «Восточно-Азиатской автомобильной компании».

▲ В.Н. Алин. Маньчжурия.
Маоэршань

Но не эта работа стала его главным делом и увлечением. Все свободное время посвящал изучению Маньчжурского края. Круг его интересов составляли зоология и ее раздел — энтомология. Увлекался также этнографией, археологией и нумизматикой, архитектурой и живописью Китая.

Маньчжурский край стал объектом изучения русскими учеными и любителями с началом строительства КВЖД в 1898 году. Краеведческая направленность такой деятельности (китайцы этим в те годы не занимались) привела к созданию в 1922 году «Общества изучения Маньчжурского края» (ОИМК) и музея. Василий Алин активно включается в работу общества, знакомится и сотрудничает с видными харбинскими учеными тех лет. Это В.Я. Толмачев, В.Ф. Фон Люде, М.И. Никитин, Б.В. Скворцов и другие. Общество просуществовало не долго. Публикация работ на русском, немецком и английском языках вызывает у китайцев подозрение, что его деятели ставят шпионские цели. У членов Общества устраиваются обыски, изымаются труды, письма, документы, дневники наблюдений, и в 1929 году китайские власти ликвидировали ОИМК.

То, что Алин был членом Национальной Организации исследователей Пржевальцев (1934–1945), говорит его публикация в Сборнике научных работ Пржевальцев.

Последней краеведческой организацией стало Харбинское общество естествоиспытателей и этнографов. Оно возникло в 1946 году и просуществовало до середины 50-х, когда начался массовый отъезд последних русских

из Маньчжурии. В.Н. Алин совместно с Б.В. Скворцовым руководили этой научной организацией.

В 1957 году семья Алиных уезжает в Бразилию. Сертификат, полученный Василием от «Дженерал моторс», позволяет ему в Сан-Пауло вскоре устроиться на работу. К знаниям китайского, японского, немецкого, английского и латыни он быстро добавляет португальский и испанский. И опять в свободное время — путешествия, бабочки... Открывает новые виды. Становится членом Бразильского общества энтомологов и сотрудничает там вплоть до смерти, последовавшей в 1995 году.

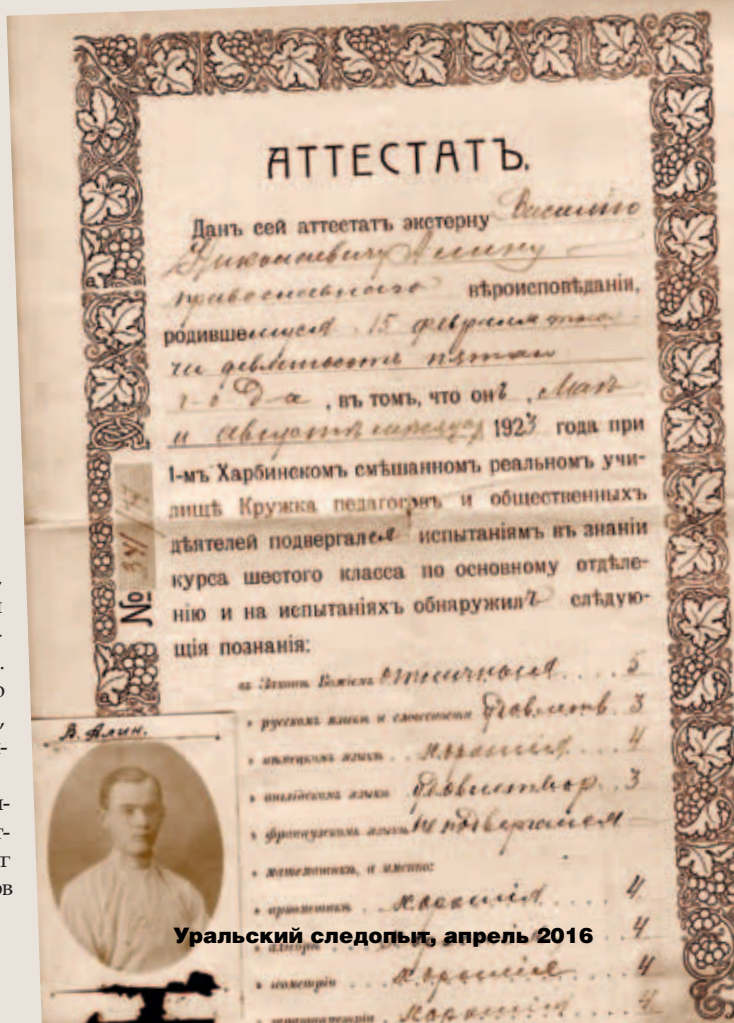
В личных архивах В.Н. Алины не удалось найти ни одной его научной работы, коллекций его Маньчжурских сборов. Причина выяснилась после знакомства с дневником его брата Петра. Оказывается, при отъезде из Китая на таможене у Василия отобрали «как шпионские данные» все его научные публикации, труды, справочники и литературу по энтомологии, этнографии. Забрали и богатейшую коллекцию насекомых, где было много редчайших видов.

В связи с этим сейчас с трудом удается восстановить круг его научных интересов

и деятельности. Отдельные обзорные публикации общего характера дают скудные сведения: «... Важно также назвать энтомолога и нумизмата В.Н. Алины, оставившего заметный след в науке» (Л.Ф. Говердовская. Образовательная и научная деятельность русской эмиграции в Китае 20–40-х годов XX века); «... Из зарубежных коллекций интересны поступления... из Бразилии от В.Н. Алины с 1969 г.» (К.Г. Михайлов. История зоомузея биологического факультета Московского Университета). А вот газета «Русская Жизнь» от 28.07.1966 (Сан-Франциско):

«Познакомьтесь с В.Н. Алиным.

Наши читатели уже встречались на страницах РЖ с корреспонденциями из Бразилии, подписанными «В. АЛИН», и мало кто знал, что наш этот сотрудник большой ученый, имя которого известно в научном мире. Недавно на страницах одной из самых популярных газет в Бразилии была помещена такая заметка: «Читатели! Знаете ли вы, что в вашей среде живет человек, который весь свой досуг и свободные «концы» недели посвящает изучению насекомых и флоры, разыскивая их в бразильских джунглях («мата»). Его зовут Василий Н. Алин. У него много научных трудов, изданных на английском, немецком и русском языках. Двадцати трем им открытым насекомым и трем растениям присвоено его имя — «Алин».

Кроме того, г. Алин интересуется нумизматикой и фотографией». Рядом с этой заметкой помещена фотография с обложек целого ряда изданных В.Н. Алиным трудов. Нам очень приятно еще раз отметить, что В.Н. Алин является нашим бразильским корреспондентом и литературным сотрудником».

Василий все свободное время посвящал сбору, систематике и изучению биологии бабочек. Свою первую коллекцию он предложил в дар Московскому университету. Пришел отказ: «Ваша коллекция интереса не представляет». Тогда Василий, скорее всего по рекомендации коллег, посылает коллекцию в Немецкий энтомологический музей — институт Общества Кайзера Вильгельма, где в то время работал русский энтомолог-систематик

гического института. В этом труде (автор Klaus Rohlfien) среди приводимых 48-ми коллекционеров насекомых вторым стоит имя В.Н. Алины и дается его фотография, как и всех остальных энтомологов.

«Согласно сообщению профессора В. Хеннига, АЛИН продавал собранный им материал неподготовленным в различные музеи. Мы получили материал через КАРДАКОВА и подбирали это для нас по [нашему] желанию. Уплатено было КАРДАКОВУ. Материал был собран в Маньчжурии...»

Из приведенного текста видно, что коллекции, собранные В. Алиным, имели и имеют большую ценность для музеев, ученых-исследователей. Василий Николаевич не всегда определял до вида каждое насекомое. Это делали

уже специалисты. Он своими интереснейшими коллекциями, как из Маньчжурии, так и из Бразилии, пополнял фонды музеев и знания о микромире насекомых.

В статье даются сведения о мушках из одиннадцати семейств, хранящихся в фондах Немецкого энтомологического музея и пойманных В.Н. Алиным. Среди них мухи-цветочницы (Anthomyiidae), ежемухи-тахины, мухи-пестрокрылки, а также знаменитые плодовые мушки-дрозофилы — модельный объект генетиков.

Не имея достаточного времени из-за занятости на работе, Василий щедро предоставляет свои сборы коллегам — профессиональным энтомологам. Так, молодой талантливый энтомолог М.И. Никитин среди коллег особо отмечает только «Г-на Алину, который любезно предоставил в мое распоряжение для занятий свое объемное лепидоптерологическое собрание». В своей работе Никитин не посчитал нужным выделять «других людей, слишком многочисленных, чтобы упомянуть их по имени» (Nikitin, 1935).

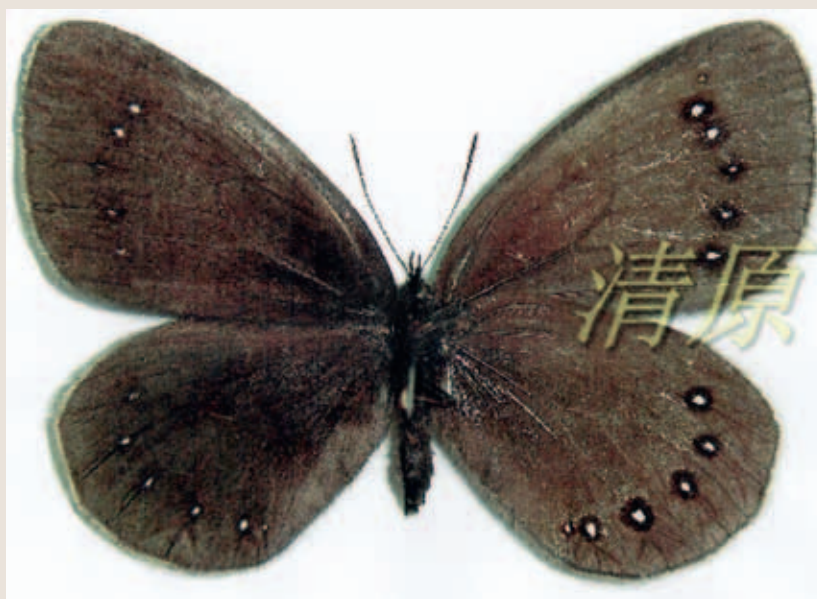
Вызывает сожаление, что Василий не смог получить образование и весь свой талант отдать любимому делу. В большой семье, где каждая копейка не была лишней, учеба малолетних сестер требовала жертв. Сестра Мария рассказывала, как после утомительной охоты по сопкам Маньчжурии за бабочками и всевозможными насекомыми Василий мог всю ночь просидеть, изучая новые находки, а утром идти на работу.

◀ Харбин. Василий Алин за работой. Маоэршань. Сопка Сахарная голова

Н.И. Кардаков. Он шлет Алину благодарность «за ценнейшую коллекцию» и сообщает, что среди присланных образцов обнаружен неизвестный новый вид сатира. Описал этот вид знаменитый лепидоптеролог Отто Банг-Хаас в 1937 году (O. Bang-Haas, 1937). И эту бабочку называют в честь Василия Алины *Coenonympha alini*.

Помимо бабочек, Василий Николаевич стал собирать в Маньчжурии и двукрылых (мух), видимо, по просьбе Кардакова. Это стало известно из обнаруженной статьи 1975 года «Из истории коллекций» Немецкого энтомоло-

► *Coenonympha alini*. Фотография с китайского сайта предоставлена энтомологом-любителем Е.В. Новомодным (Хабаровск)

▲ Papilio Xuthus

Василия увлекает не столько охота за бабочками, сколько он хотел познать их природу, места обитания, развитие. Он приспособливает штатив с фотоаппаратом так, чтоб можно было фиксировать на пленку все этапы метаморфозы бабочек в естественных условиях. Эту методику впоследствии приняли и другие ученые в своих исследованиях.

Василий Николаевич сам описывает, как он пришел к этой идее: «После того, как я в течение нескольких лет занимался коллекционированием чешуекрылых, я невольно набрел на идею фотографировать здешних бабочек в соответствующих образе жизни условиях окружающей природы и, фиксируя последовательность различных стадий развития в их жизни, с помощью соответствующих приемов фотографии проиллюстрировать все эти превращения.

Так как я был очень занят по делам службы, то не имел времени полностью посвящать себя этим интересным занятиям. Поэтому я должен с сожалением отметить, что от меня ускользнули многие интересные наблюдения об отдельных моментах в жизни чешуекрылых и мои описания часто страдают поверхностностью. Но так как научная литература о маньчжурских бабочках вообще очень неудовлетворительна, а в области биологии их до сих пор еще не были предприняты никакие исследования и никаких научных работ нет в наличии, то я считаю, что

мои сообщения, вопреки поверхностности, все же могут представлять определенный интерес» (Алин, 1936).

По изучению биологии бабочек Маньчжурии известны на сегодняшний день несколько работ В.Н. Али-на. Они являются классическим образцом исследования образа жизни и метаморфозы чешуекрылых.

Papilio xuthus L. (Lepidoptera Papilionidae). (В.Н. Алин «К биологии бабочек Маньчжурии». «Записки Харбинского общества естествоиспытателей и этнографов. 1947. № 7).

Три последующие работы были опубликованы на немецком: *Theophila mandarina* Moore; *Papilio Maacki* Men; *Adriaturunnus* Gn. Alin V.N. Aus dem Leben mandschurischer Schmetterlinge // Arbeiten ueber Morphologische und taxonomische Entomologie aus Berlin-Dahlem. Berlin-Dahlem, 1936. Bd 3, № 2. S. 89-94, mit 13 Textfiguren.

Наибольший интерес представляет работа, опубликованная в 1942 г. в «Сборнике научных работ Пржевальцев» – *Epicoreia Mencia* Moore, ее биология и новые формы. Здесь автор, изучив более 4 тыс. экземпляров эпикопеи, выявил семь типов форм и окраски крыльев, из которых

► Немецкий журнал с публикацией работ В.Н. Али-на

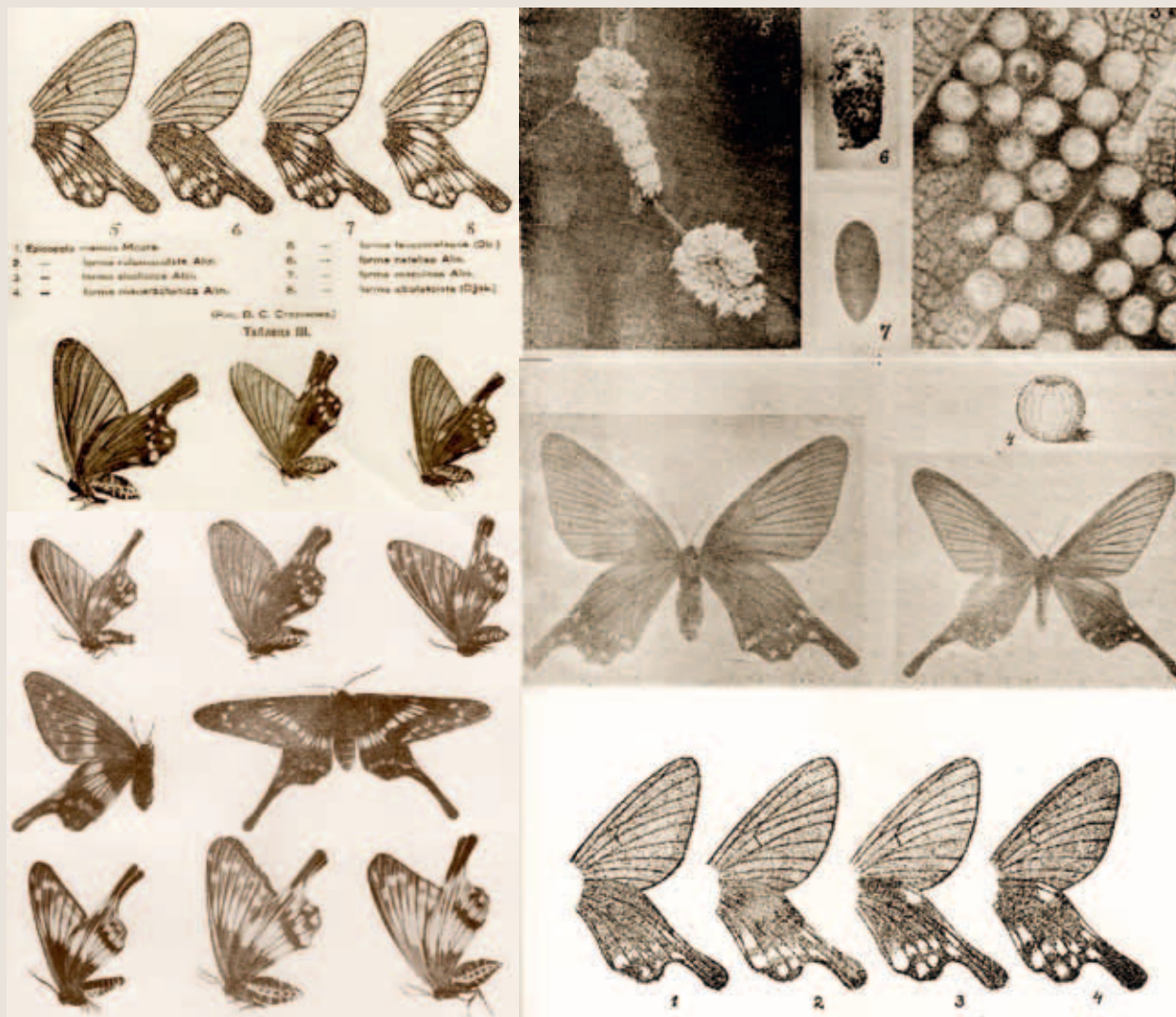
пять оказались совершенно новыми и неизвестными науке. «С 1926 г. мне удалось наблюдать жизнь *E. mencia* в природе, а также проводить сборы в различных стадиях их развития, воспитывать гусениц и выводить бабочек. В течение ряда лет аналогичные наблюдения были проделаны энтомологами Н.Н. Алиной, В.Ф. Фон Люде, В.Я. Толмачевым и И.Н. Мухтылиным. Имея возможность за этот период времени просмотреть более 4000 особей данного вида, могу отметить...»

Приведенные фотографии по методике В. Али-на и пояснения к ним делают эту работу доступной и понятной любому, кто интересуется природой, а не только специалистом.

Более того, В.Н. Алин обращает внимание, что эпикопея, являясь сугубо дневным видом, обладает и признаками ночных, что выделяет ее среди окружающих дневных бабочек. Это позволяет ему «причислить *E. mencia* к реликтовым формам, которые благодаря особому геологическому прошлому сохранились среди современной фауны Юго-Восточного угла Палеарктики».

По изучению биологии жуков Маньчжурии известны две работы. Одна из них опубликована на английском. Alin V.N. Some new data on the biology of *Callipogon relictus* Sem. (Coleoptera, Cerembycidae) // The China Journal of Science and Arts. 1940. Vol. 32, № 2.

▲ Новые формы эпикопеи, открытые В.Н. Алиным. Форма (6) названа именем сестры Натальи, помогавшей изучать этот вид бабочек. Формы (3 и 4) соответствуют районам наблюдений Сяолинь и Маоэршань

Не будем утомлять читателя детальным описанием биологии этого членистоногого красавца. Остановимся лишь на краткой характеристике. Уссурийский реликтовый усач, или дровосек (*Callipogon relictus*), подсемейства (*Prioninae*), из семейства усачей (*Cerambycidae*) является самым крупным представителем отряда жесткокрылых. Длина самца до 110 мм, самки — до 90 мм (на фото самка). Встречается в меморальных (широколиственных) лесах С.-В. Китая, в Корею и прилегающих районах российского Приморского края.

Алин В.Н. *Rosalia coelestis* в фауне жуков Маньчжурии // Известия Харбинского краеведческого музея. № 1. Харбин, 1945. Усач небесный, или розалия изумрудная (*Rosalia coelestis*), является видом настоящих жуков семейства усачей (*Cerambycidae*). Дли-

▶ Уссурийский реликтовый, или Усач дровосек

▶ Усач небесный, или Розалия изумрудная

на до 32 мм. Распространен в хвойно-широколиственных лесах С.-В. Китая, Северной Кореи и в прилегающих районах Приморья.

Особый интерес представляют статьи, которые можно отнести к прикладной, практической энтомологии: Насекомые вредители садов полей и огородов в Маньчжурии и методы борьбы с ними. (Записки Харбинского общества естествоиспытателей и этнографов. № 6. Сельское хозяйство. Харбин, 1946 г.); К истории шелководства в Маньчжурии. (Там же. № 7. 1947 г.).

В.Н. Алин изучает общие вопросы шелководства, разведение тутового и дубового шелкопрядов, ставит опыты по вскармливанию шелкопряда. Из его статьи 1947 г. узнаем: «В 1927 г. мной в г. Харбине совместно с ныне покойными энтомологами В.Я. Толмачевым и И.Н. Мухтылиным были выкормлены листьями монгольского дуба два нормальных поколения шелкопрядов».

Сотрудничество с В. Я. Толмачевым у Василия Алины продолжалось до отъезда Толмачева в 1936 г. в Шанхай. А в 1934 году выходит их совместная статья: *Some Strange butterflies of North Manchuria*. V. Y. Tolmatheff and V. N. Alin. Dec. 1934. — О некоторых чужеземных дневных бабочках (экзотах) в Северной Маньчжурии.

Следующую группу работ Василия Николаевича можно отнести к разделу этнологии, тесно связанной с энтомологией: Верования и суеверные обычаи китайцев, связанные с вредителями сельского хозяйства. («Записки Харбинского общества естествоиспытателей и этнографов». № 1. Харбин, 1946 г.); Целители недугов. Об использовании насекомых в медицине Китая. Лекарственные насекомые в китайской медицине. (Харбин, 1953). Алин приводит данные о насекомых, которые используются для изготовления лекарств.

Не менее плодотворным был у В. Н. Алины и бразильский период его научной деятельности, куда он приехал зрелым и известным ученым. И вот неожиданная находка. Сотрудник энтомологического отдела Зоо музея МГУ, доктор биологических наук Анатолий Иванович Шаталкин сообщил о мухе, открытой Алиным в Бразилии. Называется она *Procerosoma Alini* и входит в небольшой неотропический род *Chaetoclosia*, составляющий новое подсемейство *Sobarocerphalinae*, А. И. Шаталкин описал мушку, открытую В. Н. Алиным.

Procerosoma — очень редкий род. Он известен только по одному экзем-

пляру самки из Мексики (*Procerosoma prominens* Lonsdale & Marshall) и трем экземплярам — одному самцу и двух самок из Бразилии (*Procerosoma alini*), пойманных В. Н. Алиным и отправленных в Зоо музей МГУ. Это название обозначает «стройная», так как муха имеет относительно длинную и тонкую грудную клетку и ноги, что характерно для данного рода.

Особый интерес для ученых представляет самец *Procerosoma alini*. Он отличается от самки тем, что у него голова шире, чем грудная клетка, и имеется одна пара удлинненных «рога», которые заканчиваются ярким белым шариком. Поведенческие наблюдения сделаны не были, а потому предполагается, что эти формы головы нужны для измерительных функций и агонистического (воинственного) поведения мужских особей в соперничестве с самцами. Побеждает тот, у которого рога расставлены шире.

В Бразилии В. Н. Алин не столько проявляет интерес к бабочкам, разнообразие которых общеизвестно, сколько к мухам. Он знакомится в Зоо музее университета Сан-Пауло с богатейшей и самой крупной в мире коллекцией мух — тахин (*Tachinidae*, *Diptera*), которой занимается и изучает бразильский энтомолог доктор Jose Henrique Guimaraes (1937–2008 гг.). Василий Николаевич подключается к изучению мух-тахин, и 6.11.74 г. ему в сачок попадает особь, которая по определению (Guimaraes, 1975) оказалась новым видом из подсемейства *Dexiinae* (*Zeliini*). В честь открывателя эта мушка получает название *Neozelia alini*.

Отлов насекомых в Бразилии приобретает такой размах, что В. Н. Алин

начинает серьезно заниматься их реализацией музеям и частным коллекционерам. Он становится дилером, или, выражаясь по-русски, купцом средней руки. (Вот где проявились гены предков!).

Дальнейшие поиски фактов научной деятельности В. Н. Алины в бразильский период его жизни привели в Зоо музей университета Сан-Пауло. На запрос откликнулся его сотрудник, энтомолог Silvio Nihei. Впечатляет предоставленный им список открытых Алиным насекомых и в том числе названных его именем. Вот он:

Colletidae *Colletes alini*
Platystomatidae *Pivellia alini*
Uliidiidae *Timia alini*
Cerambycidae *Eburodacrys alini*
Stratiomyidae *Odontomyia alini*
Tephritidae *Tephritis alini*.

(Всего в списке 25 наименований с именем *alini*)

Большое письмо музею пришло из Сан-Пауло от доктора Нельсона Папавиро. Оно дополняет рассказ о Василии Алине. Привожу его с некоторыми сокращениями.

«Уважаемый сеньор Согрин.

Поздравляю с Вашей превосходной идеей сделать публикацию об экстраординарном человеке, каким был господин В. Н. Алин.

К сожалению, у меня не так много информации и нет фотографии господина Алины в нашем музее.

Г-н Алин появлялся в музее время от времени, великодушно жертвуя насекомыми для многочисленных коллекций. Он входил в контакт с профессором Каролом Ленко (польского происхождения), которому давал информацию о китайском фольклоре, насекомых. Мы тогда были студентами, начиная свою карьеру в Музее...

▲ *Procerosoma alini*

◀ *Procerosoma alini*. Самец. Видны «рога» с белыми шариками

▲ *Pivellia alini*

◀ *Neozelia alini*

▲ *Michotamia aurata*

▲ *Leptogaster cylindrica*

был приглашен уже известным археологом В.В. Поносовым в экспедицию для проведения раскопок. Помимо научных исследований, Василию Алину отводилась роль фотолетописца археологических раскопок.

В заключение хочется выразить сожаление, что талант русских ученых, оказавшихся в эмиграции, служил не на благо российской науке. А та-

▼ Энтомолог Вера Федоровна Фон Люде, друг и коллега В.Н. Алина

▲ Из коллекции китайских картин В.Н. Алина

Вторым человеком, с кем сотрудничал г-н Алин, был профессор, доктор Убирахара Рибейро Мартинс де Сауза (посылаю фото), специалист по *Cerambycidae* (жукам). Недавно умер – 20 мая 2015 г.

Г-н Алин приносил мне образцы *Asilidae** и показывал китайские раритеты, что привез из Маньчжурии. Он преподнес мне на Новый год несколько китайских гравюр, закладки для книг, что Вы иллюстрируете в своем тексте. Это я храню с большой любовью.

Для меня было всегда приятно принимать визиты г-на Алина и слушать его рассказы.

Желаю успеха с его биографией. Пожалуйста, пришлите мне окончательный вариант Вашего текста о В.Н. Алине.

С уважением, Нельсон Папаверо».

Из области археологии, в частности нумизматики, известна только одна работа: Монеты династии Сун (960–1126). («Записки Харбинского общества естествоиспытателей и этнографов». 1950. № 8. Представлено 77 монет). Две коллекции монет после смерти Василия остались в Сан-Пауло и находятся у его друзей.

▲ Из альбома В.Н. Алина

Круг увлечений В.Н. Алина этим не ограничивается. Его привлекает архитектура, живопись, прикладное искусство Китая. Пусть эти работы не нашли отражения в публикациях, но в архивах семьи сохранились его альбомы с фотографиями, картины...

И последнее из известных увлечений Василия Алина. Он всю жизнь не расставался с фотоаппаратом. Еще на заре своей научной деятельности

ких было сотни, если не тысячи в различных сферах научной деятельности. Из обширной плеяды маньчжурских энтомологов только Вера Федоровна Фон Люде (по мужу Волкова), получив советское гражданство в 1945 году, вернулась на Родину. После ссылки, в 1960 году, она смогла приступить к научной работе в Сихотэ-Алинском заповеднике. За свои последние пять лет жизни она успела собрать 5000 экземпляров уссурийских бабочек, воспитать гусениц, расправить коллекции. **УС**

* *Asilidae* (Ктыри) – семейство хищных двукрылых насекомых. Распространены на всех континентах.

Екатеринбург гостеприимный

Добрый день, уважаемые читатели! Приветствуем вас в нашем гостеприимном городе Екатеринбурге. Сегодня у нас продолжение небольшой экскурсии по городу, начало которой было опубликовано в предыдущем номере (Уральский следопыт март 2016).

Итак, мы выходим с вами на улицу Челюскинцев. Названа она так в честь тех самых летчиков, которые в 1934 году спасли оставшуюся на льдине, в Беренговом проливе, экспедицию. После крушения пароход «Челюскин» был раздавлен льдами. Участники экспедиции остались на льдине. Это были опытные научные работники-гидрографы, гидробиологи, гидрохимики, физики, были и дети. Летчики Ляпидевский, Леваневский, Слепнев, Молоков, Каманин, Водопьянов, Доронин в течение недели, совершив 24 полета с Северного полюса на материк, спасли 104 человек. Эти мужественные летчики — челюскинцы — стали самыми первыми Героями Советского Союза!

Они были в нашем городе. И им, так же как и вам, показывали достопримечательности. А когда провожали, был устроен целый митинг, на котором было принято решение одну из улиц назвать улицей Челюскинцев. Так вот раньше эта улица называлась Северная, так как была окраиной города со стороны севера.

В левые окна у здания Дворца Культуры железнодорожников мы видим два интересных объекта: на пьедестале — бочка с трубой — это самый первый паровоз, который был изобретен в 19 в. у нас на Урале отцом и сыном Черепановыми. А второй — это один

из последних паровозов, который ходил по нашей железной дороге.

Видим и военную технику, которая стоит здесь не случайно, поскольку перевозили ее по железной дороге. Железнодорожники во время войны совершили подвиг: по железной дороге на запад перевозилась вся военная продукция, а с фронта в город перевозили станки, оборудование, раненых.

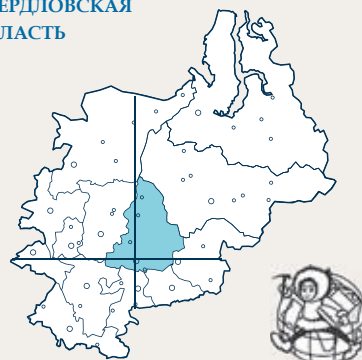
Проезжаем по самому большому мосту через Исеть. С него замечательный вид на город. По Исети летом также можно проводить экскурсии на лодочном виде транспорта.

А повернув на улицу Бориса Ельцина, видим памятник первому президенту страны и Центр Ельцина. Борис Николаевич учился в нашем городе, закончил стройфак УПИ. Здесь началась его политическая деятельность, затем его пригласили работать в Москву. Более подробно о его жизни и жизни нашей страны во время перестройки можно познакомиться в Центре Ельцина.

Рядом — Театр драмы, Правительство Свердловской области и Законодательное Собрание Свердловской области. И открывается вид на набережную — любимое место прогулок жителей и гостей города. В день города здесь проходит выставка цветов.

Въезжаем на самую главную площадь города — площадь 1905 года.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Нина Тропина

Экскурсовод 1-й категории, директор ООО «Эльтранс».

Это она сейчас так называется, раньше называлась Кафедральная, Церковная, а еще раньше — Торговая. На площади стоит памятник В. Ленину, а раньше стоял бюст Карла Маркса, еще раньше памятник Свободному труду, еще раньше — памятник Александру II. Здание со шпилем — администрация города. Москвичи и иностранцы, увидев на здании часы, восклица-

ют: «Вау! У вас куранты?». А то! Екатеринбург — центр Свердловской области и всего Уральского региона.

С площади поворачиваем налево и останавливаемся на историческом месте города — плотине. Справа — самый первый каменный дом, постройки 18 века. В нем была горная канцелярия, в которой работали основатели города Василий Татищев и Вильгельм де Геннин. У здания необыкновенная история: за свою жизнь дом многое и многих повидал. Среди них Витус Беринг и Семен Челоскин, натуралист Георг Гмелин, географы Петр Симон Паллас и Иван Лепехин, писатель Александр Радищев, немецкий ученый-энциклопедист Александр Гумбольдт, ученый-химик Дмитрий Менделеев, создатель первого отечественного паровоза и железной дороги Ефим Черепанов, первый президент Академии наук СССР А.П. Карпинский и многие другие.

Следующее здание — колледж Ползунов. Одно из первых в России средних профессиональных учебных заведений начинает свою работу в эпоху Петра I, с 1721 года, когда по инициативе В.Н. Татищева в нашем крае были

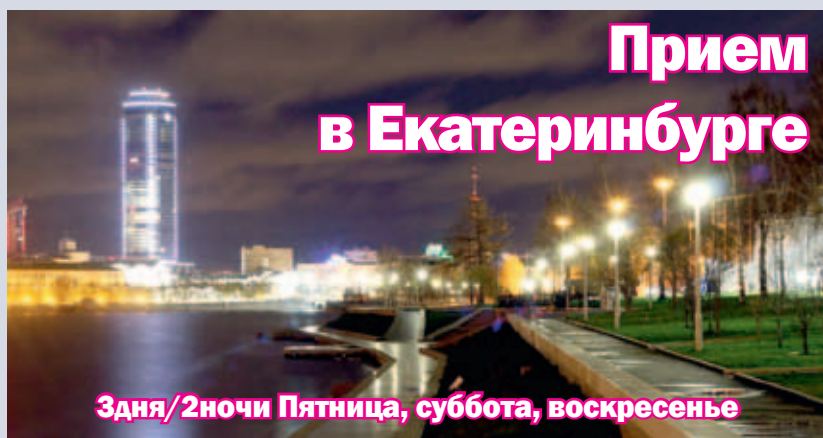
открыты словесные и арифметические школы при Алапаевском, Кунгурском и Уктусском казенных заводах.

На базе Уктусской школы в 1724 году организована Екатеринбургская горнозаводская школа. Здесь преподавали специальные дисциплины: маркшейдерское искусство, артиллерия, механику, архитектуру, металлургию. Школа обеспечивала заводы Урала и Сибири «наилучшими горными людьми».

Выпускником этой школы был Иван Ползунов, создатель первой паровой машины для заводских нужд. «Положением о штатах главного правления уральских горных казенных заводов Уральского хребта» установлена новая система горнотехнического образования и Екатеринбургская горнозаводская школа преобразована в Уральское горное училище, которое стало обеспечивать горнозаводскую промышленность Урала квалифицированными техническими кадрами.

В подвалах колледжа имеются мастерские, в которых студенты проходят практику.

И движемся дальше!
(Продолжение в следующем номере).

Прием в Екатеринбурге

Дня/2ночи Пятница, суббота, воскресенье

1 день

с 08.00 до 11.00 Встреча на ж/д вокзале и доставка туристов в отель, оставляем вещи и едем на экскурсию
11.00 — 12.30 — посещение областного краеведческого музея
13.00 — 14.00 — обед в кафе города (за свой счет)
14.00 — 17.00 — экскурсия на Ювелирный холдинг «JF Sarat», который является крупной производственной компанией. Вы увидите, как производятся ювелирные украшения. В производстве используются только высококачественные драгоценные и полудрагоценные камни. Так, бриллианты для ювелирных изделий, изготавливаемых ювелирной фабрикой «JF Sarat» применяются заводской огранки группы «А», с характеристиками 2-2, 3-3. Изумруды, сапфиры и рубины в украшениях — класса «Экстра». Ювелирный холдинг JF Sarat предоставляет самый высокий в России гарантийный срок на украшения: для основного сегмента он составляет 3 года, для сегмента Premium — пожизненная гарантия.
17.00 — 19.00 — посещение ювелирных магазинов с возможностью дальнейшей покупки

2 день

10.00 — 13.30 — обзорная по городу (с выходом на плотинке) + граница Европа-Азия + Ганина Яма
13.00 — 13.30 — обед в монастыре (Ганина Яма)
13.30 — 14.00 — дорога до Верхней Пышмы
14.00 — 16.00 — посещение музея военной техники в Верхней Пышме
16.00 — 17.00 — дорога до Екатеринбурга
17.00 — свободное время
20.00 — 21.30 — для желающих дополнительная вечерняя экскурсия по городу на трамвае. Стоимость экскурсии — 450 рублей с туриста (экскурсия состоится при наборе минимум 15 человек)

3 день

8.00 — 9.00 — завтрак и сбор чемоданов. Оставляем их в отеле.
Первая половина дня — пешеходная.
10.00 — 11.00 — музей первого президента России Бориса Ельцина в «Ельцин-центре»

Турбюро «Эльтранс»
Адрес: г. Екатеринбург,
ул. Степана Разина, 51, оф. 14.

Телефоны:
+7 (343) 257-13-19;
+7 (343) 385-13-19;
+7 (912) 216-79-89;
+7 (950) 65-15-306.

12.00 — 13.00 — смотровая площадка бизнес-центра «Высоцкий» + музей Владимира Высоцкого
14.00 — 15.00 — обед в кафе (за свой счет)
15.00 — 17.00 — автобусная экскурсия по городу с посещением женского Ново-Тихвинского монастыря
17.00 — 18.00 — заезд за вещами в отель и трансфер на ж/д вокзал

Стоимость: Проживание в отелях Екатеринбурга (руб.):

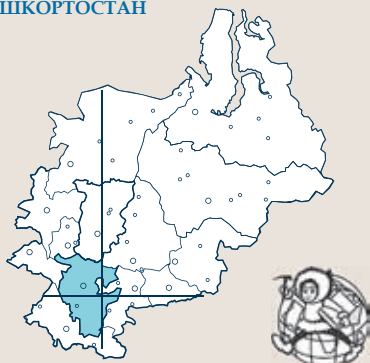
Грин Парк — 9300,0 — взрослые и 9100,0 — школьники
Протекс отель — 7200,0 — взрослые и 7000,0 — школьники
Отель Реноме — 9800,0 — взрослые и 9700,0 — школьники

В стоимость входит: встреча, проводы, проживание в отеле выбранной категории, питание и экскурсионка по программе
Бронь по телефону: +7 (343) 257-13-19 или по эл. почте: cultural11@yandex.ru

Гора Защита

БАШКОРТОСТАН

Владислав Карелин

Заслуженный путешественник России, мастер спорта по туризму, действительный член Русского географического общества, уральский краевед, автор более 500 статей, в том числе в журнале «Уральский следопыт», начиная с 70-х гг. прошлого века.

▼ Вид с северо-запада.
Фото Николая Рундквиста

С макушки высшей уральской горы Поэнг-Ур (Народная)

открывается красивейшая панорама приполярных вершин.

Примерно в 10 км в юго-юго-западном направлении

возвышается эффектная вершина, на современных

географических картах именуемая — Защита. Высотная

отметка горы — 1808 метров. Она является второй

по высоте вершиной среди Уральских гор.

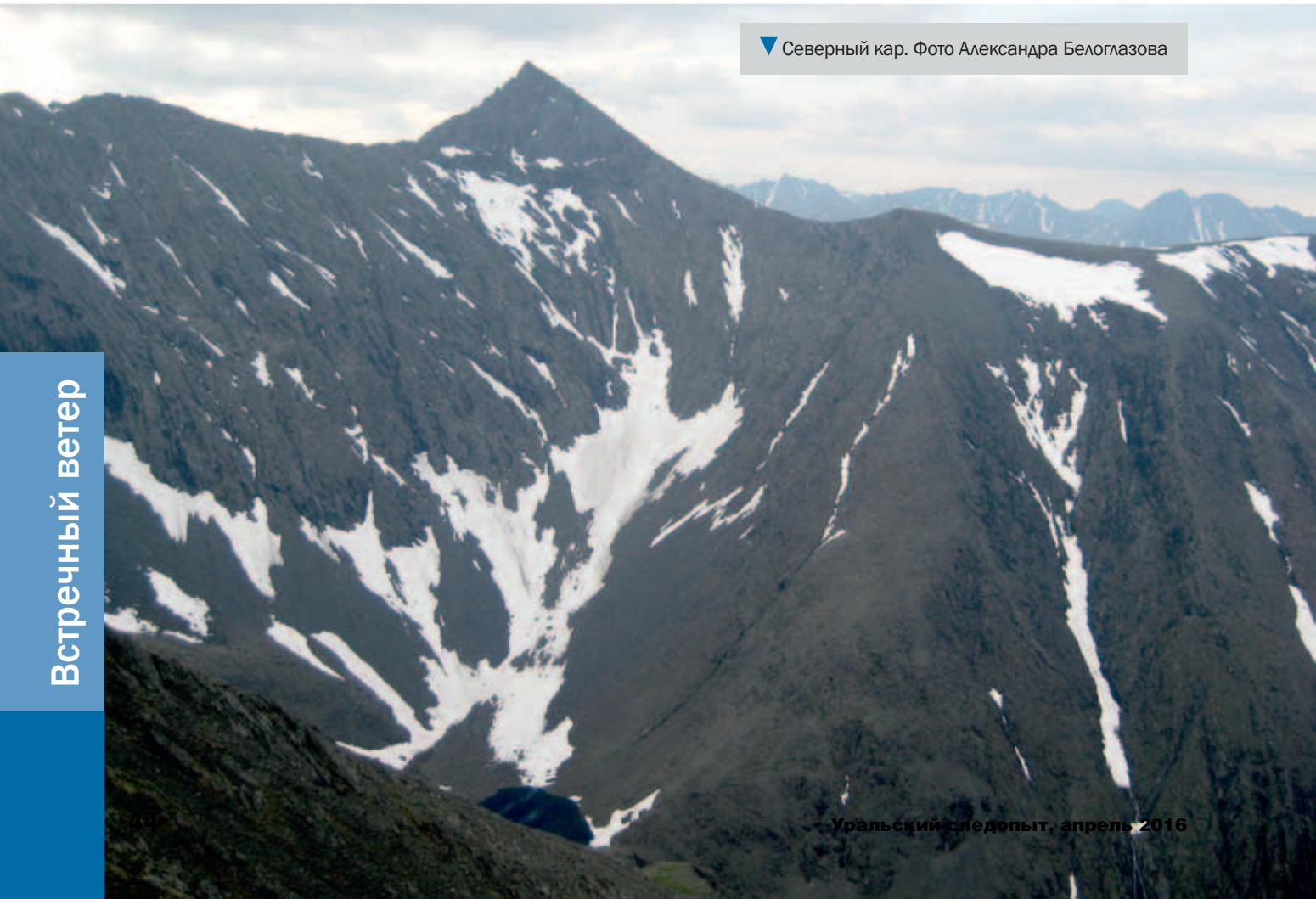
Гора расположена между истоками трех рек. Из северного кара вершины берет исток река Косью. Из южного кара течет один из истоков реки Хобею. А западные склоны горы спускаются в долину реки Ломесьвож. Вершинная часть горы имеет форму остrokонечной трехгранной пирамиды. Гора расположена на линии Главного Уральского водораздела, который идет от Поэнг-Ур через вершины Янченко, Югра, Дидковского, Манси-Нёр. Этот водораздел, имея южное направление, на подходе к горе Защита делает крутой поворот на запад. И к склонам горы Защита подходит в виде узкой горизонтальной перемычки длиной около сотни метров, образованной обрывами северного и южного каров. От этой перемычки путь на вершину по восточному склону горы проходит по огромным каменным глыбам — монолитам и представляет значительную сложность. У меня не имеется сведений о прохождении этого участка снизу вверх. А вот сверху вниз этот маршрут в июле 1976 г. прошла группа свердловских (екатеринбургских) туристов под руководством В.Н. Давыдова. Но природа устроила легкий обходной путь. От западного края выше упомянутой узкой перемычки поперек южной грани горы расположен карниз шириной 1–3 метра, по которому можно перебраться на юго-западный гребень горы, уходящий вниз далеко к истокам реки Хобею. А вверх по юго-западному гребню идет несложный путь на вершину. Впервые по этому карнизу прошла группа студентов Свердловского горного института в августе 1936 г. под руководством Ф. Груздева. Эта группа стала первопокорительницей горы. О своем восхождении они записали: «Гребень полукольцом замкнул большой цирк, в котором, как в берлоге, залег фирновый ледник, тянущийся своими языками к подножию пирамидальной вершины горы — незнакомки. Гребень уходит все выше и выше... гребень, немного опуска-

ясь, огибает ледник и подходит к отвесному обрыву скал неизвестной вершины. Гребень стал узок. Наклонные слои сланцев круто скатываются вправо и отвесно обрываются влево к леднику. Пользуясь расщелинами, а местами ползком по наклонным слоям, держась руками за вершину гребня, медленно продвигаемся к цели. Гребень привел к подножию вершины. Сама вершина покрыта пирамидальной шапкой кварцитов, разделенных горизонтальными и вертикальными трещинами на громадные монолиты. Между сланцами и кварцитами идет карниз шириной не более метра. Подъем на вершину по северному гребню оказался невозможным, так как его прерывали глубокие вертикальные расщелины. Единственный путь на вершину лежал по карнизу, а затем по южному гребню. Над головой двухсотметровая отвесная стена кварцитов. Под ногами отполированные полоски сланцев и осыпи камней уходят под ледник. Длина карниза около полукилометра... Начали подъем на неизвестную вершину по южному гребню. Он оказался относительно легким. Только громадные монолиты кварцита затрудняли путь. На вершине убедились, что эта гора выше горы Дидковского...».

Зимнее первовосхождение на гору Защита было совершено в марте 1968 г. группой свердловских (екатеринбургских) туристов под руководством В.Г. Карелина. Мы залетели на вертолете в верховья реки Косью. Построили снежную избу. И в течение недели совершали восхождения на окрестные вершины. На лыжах по длинному и не крутому северо-западному гребню горы Защита поднялись до предвершинного выположенного участка. Далее пешком по заснеженным каменистым участкам поднялись на макушку горы. Погода — неблагоприятная: тучи укрыли большинство гор. Но спуск на лыжах был увлекателен: около 6 км катились вниз, почти до самой речки Косью.

▼ Северный кар. Фото Александра Белоглазова

Встречный ветер

Фото предоставлены Еленой Шубничиной.

Название горы — Защита — сначала для меня было глубоко загадочным. Оно никак не сочеталось с мансийскими названиями гор и рек. Разобраться с этой головоломкой помогли рукописные материалы А. Регули, венгерского исследователя, который в 1843–1845 гг. совершил уникальное путешествие в поисках Прародины венгров вдоль Уральско-го хребта: от широты Екатеринбурга до побережья Северного Ледовитого океана, туда и обратно. После возвращения из уральского путешествия Регули по просьбе Русского географического общества составил карту Северного Урала. Оригинал этой карты ныне хранится в библиотеке Русского географического общества в Петербурге. Мне повезло познакомиться как с этой картой, так и с рукописными

материалами А. Регули, хранящимися в рукописном отделе библиотеки Венгерской Академии наук, в Будапеште. Указанные материалы помогли понять смысл названия горы — Защита.

На карте Северного Урала, составленной Регули, имеется вставка. На ней в крупном масштабе изображен район вокруг высшей уральской вершины — Поэнг-Ур (Народная). На вставке показаны реки и горы, с надписями их названий. Множество часов провел я за изучением этой карты-вставки. На ней ближайшей к югу от высшей уральской вершины Поэнг-Ур (Народная) показана гора с названием *gnetying olu*. Ее местоположение соответствует современной горе Защита.

Среди рукописных материалов Регули имеются два ящичка, типа

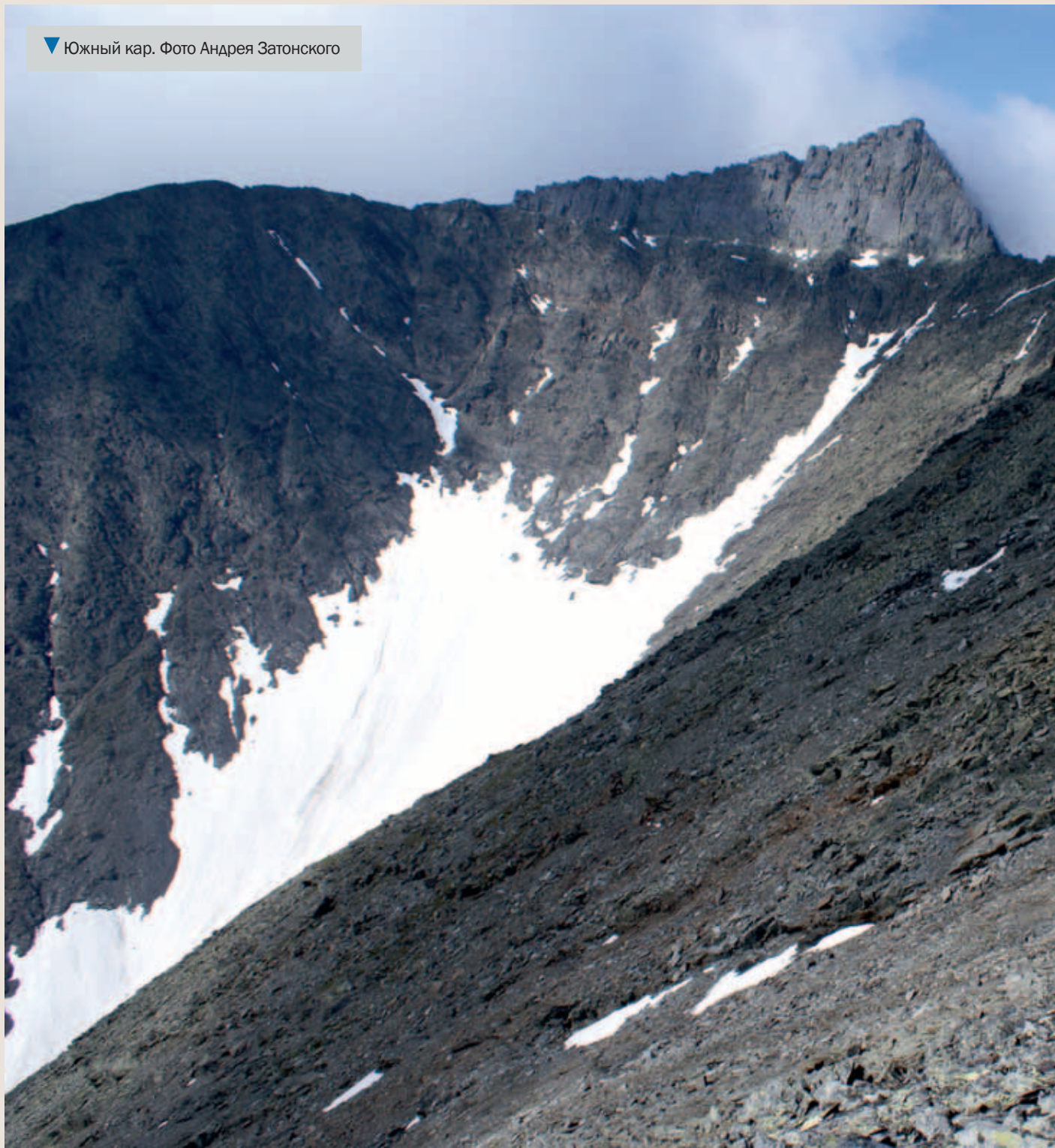
библиотечных. В них находятся листочки бумаги с мансийскими словами и поясняющими текстами. Я условно назвал эти листочки мансийской топонимотекой. Здесь отыскался листочек, на котором приведено пояснение оронима *gnetying olu*. Для удобства я приведу эти пояснения по частям.

1 — *sai voagne* (на мансийском языке) = *sai* от *сайт* 'толк' + *voagne* 'совершить, сделать, создать, оказать (помощь)', получая в итоге *sai voagne* 'толковое оказание (помощи)'.

2 — *urkatne urr* (на мансийском языке) = *urkatne* от ургалангкве 'беречь, уберечь, защищать' или ургалахтунгкве 'убережись' + *urr* 'гора', получая в итоге *urkatne ur* 'охраняющая, защищающая гора'.

3 — *berg* 'гора' (немецкое) и *sai* 'толк, толковый' (мансийское).

▼ Южный кар. Фото Андрея Затонского

4 — ein platz zum verstecken, von wo man ais rennthiere schißt; фраза, записанная на немецком языке, которую можно перевести следующим образом: platz ‘площадь, площадка’ + verstecken ‘прятаться’ + ais ‘лед’ + rennthiere ‘олени’ + schießen ‘пускаться, устремляться’, в итоге получаем: ‘площадка [куда] спрятаться [от комаров], на лед устремляются олени’.

Суммируя пояснения названия горы, получаем, что такая гора яв-

ляется защитой оленей от комаров, куда олени устремляются на ледовые площадки.

Но как же понять собственно название горы — gnetying olu?

Первую часть названия горы можно представить состоящей из двух слов — gnet + ying. Здесь gnet происходит от нётъглалунгкве ‘помогать’. Второе слово ying поясняется на другом листочке мансийской топонимотеки Регули. На этом

листочке записано, что мансийское (лозвинское) joang или пельмское jang соответствуют eis ‘лед’ (немецкое). Современное мансийское слово янк ‘лед’. На этом же листочке записано: taile jang, т.е. ‘верховый, верхний лед’, где taile — укороченное от тальх, талях ‘верхушка’. На этом же листочке имеется запись на немецком языке — eis scholle, которую можно перевести как eis ‘лед’ + scholle ‘глыба, льдина’. Из выше

представленных записей выходит, что речь идет о ледниках, расположенных в верховьях рек.

Вторая часть названия горы — *olu* — происходит как сокращенное от мансийского слова *олунгкве* 'быть, иметься, содержаться, находиться, состоять'. Еще на одном листочке из мансийской топонимотеки Регули имеется запись: «*olu — halas, halul*». Здесь мансийские слова *halas, halul* — как сокращенные от 'спуск, скат', которые уточняют положение верхового льда — на скатах гор.

Из изложенного можно следующим образом перевести ороним *gnetying olu* 'Гора, на которой] находится ледовая помощь' или, в более широком смысле, 'Гора, защищающая оленей от комаров на ледниках, расположенных на верхних склонах в верховьях рек', или кратко 'Гора-Защита'.

В итоге вершину с современным названием Защита можно именовать как *Янгк-Олу-Нёр* (*gnetying olu*), что по содержанию полностью соответствует коренному мансийскому названию. Именно в районе этой горы в верховьях рек Народа, Манарага, Косью, Хобею находятся многочисленные снежники, а также ледники (Ш МПГ, Югра, Народа, Косью, Хобею и др.).

Именно в районе этой горы обычно в самое жаркое время лета манси пасут оленей, так как олени могут отдохнуть от комаров на снежниках и ледниках. Поэтому в обобщенном виде можно сказать, что гора Защита защищает оленей от комаров.

Название горы Защита появилось на географических картах в 50-е годы XX века. На карты этот ороним нанесли топографы. Но источником, несомненно, были манси. Они, вероятно, долго объясняли топографам название горы, которое они сохранили от своих предков и которое было довольно обширным, судя по выше приведенным пояснениям. И топографы остановились на кратком названии — Защита — как более всего понравившемся им. **УГ**

УРАЛЬСКИЙ **снегоньим** 1000 0124 - 241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегоньим** 1000 0124 - 241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www.uralstalker.com

Апрель 2016

Аэлита

50

Законы Вселенной

ГЕННАДИЙ ПРАШКЕВИЧ
АЛЕКСЕЙ ГРЕБЕННИКОВ
Пираты XXI века

50

Пираты XXI века

(к 75-летию со Дня рождения
Геннадия Прашкевича)

Алексей Гребенников

Автор ряда научно-фантастических и философских повестей, написанных в соавторстве с Геннадием Прашкевичем. Среди них «Полярная сага», «Юрьев день», «Новый Робинзон». Живут и работают в Новосибирске.

Глава первая.

Пушгис

1

Провинившихся моряков на подлодке обычно предупреждают, что наказаны они будут по возвращении на базу, но с Суворовым это не прошло. Во-первых, не имел отношения к круглосуточным вахтам (прикомандирован закрытым приказом с судна поддержки «Пенза»), во-вторых, не имел никакого отношения (так он думал) к конкретным целям и задачам конкретного подводного крейсера, а в-третьих, за три недели пребывания на борту достал всех, кого мог. Обморок, а не человек. Мичман Штукин так и доложил старпому: «Прикомандированный фазу у электриков затоптал, а потом всех устрасил до инфаркта». Только приступили у старшины в дежурке к разбору работ, объяснил, как послышался отдаленный шум. Угнетающий и нарастающий. И надвигался шум стремительно и мощно — с кормы. Лодка с дифферентом на нос медленно уходила в глубины

Геннадий Прашкевич

Прозаик, поэт, переводчик, автор многих книг, изданных в России и за рубежом. Среди них романы «Секретный дьяк», «Тайный брат», «Кормчая книга», «Теория прогресса». Как фантаст начинал в «Уральском следопыте», напечатав в далеком 1974 году сразу две повести — «Мир, в котором я дома» и «Шпион в юрском периоде». Лауреат премии «Аэлита» 1994 года.

ну, и в плотной тишине этот странный и страшный в своей непонятности шум неумолимо и грозно нарастал. Казалось, машины пошли вразнос, казалось, накатывается на лодку что-то огромное, массивное, невообразимое, может, обезумевший паровозный локомотив, доисторическое паровое чудовище. А это Суворов, так его и так, ну, прикомандированный, так его и так, который, так и так, в помощь приставлен, раздолбай, так и так, после обмера элементов батарей не поставил на защелку тележку, на которой катаются в аккумуляторной яме.

«У меня это в уму не влаживается», — сказал мичман Штукин.

«Что предлагаете?» — спросил старпом.

«Передать прикомандированного в команду гидронавтов. Пусть напялят на него гидрокостюм и опустят в ванну. Или до завершения похода отправить к королям дерьма и пара, в дивизион живучести».

Штукин еще многое мог добавить, ведь Суворов попал на подлодку в отдельном списке (особым приказом). Ученые, те строго занимают свой угол, под ногами не путаются, от них не исходит заметных помех, а Суворов и не ученый, но и не карась — знает службу. По морской терминологии, Суворов скорее борзой карась, где-то служит. Понятно, никаких вопросов старпому мичман не задавал, догадывался, что подноготную о Суворове могут знать только тащ капшранг — капитан первого ранга Виктор Максимович Тихов, Герой России, да особняк — мохнатое ухо чекист Шумилов, звать Руслан. По отчеству он Гаврилыч (не путать с Горилычем — из машинной команды), по службе — уполномоченный особого отдела, о чем напоминает бирка на дверях каюты — ОО (не путать с гальюном). Официально Шумилов представлял на подлодке федеральную службу контрразведки, что, впрочем, сути не меняло: после прикоман-

дированного Суворова он считался самым главным бездельником в походе, но в отличие от командированного радел за политморсос.

О политико-моральном состоянии на лодке пеклись все. Матрос — он как огнетушитель, его пока не пнёшь, он не заработает. В корабельной курилке живо обсуждалась версия о том, что где-нибудь на траверзе Африканского рога взять бы и выбросить Суворова на поверхность, — попадет в плен к сомалийским пиратам и за пару недель разложит все мусульманское воинство. Так сказать, особенное принуждение к миру. Или отправить его в Сакиб. Весь мир шумит сейчас о Сакибе. Совсем маленький городок на севере Иордании, а все говорят о нем, как когда-то говорили о Фултоне. В Фултоне холодную войну объявили, а в Сакибе, похоже, собираются объявить вечный мир. Встретятся в Сакибе господин Нетаньяху и господин Роухани, увидят представшего перед ними Суворова, вот вам и вечный мир.

2

Старпом Фадеев был философом.

Корабль, на котором он служил, относился к классу ракетных подводных крейсеров стратегического назначения и нес в своем чреве шестнадцать баллистических ракет, достаточно, чтобы относиться к этому с уважением. В связи с очередными событиями на черном материке и на юго-восточных берегах Азии, у Африканского рога собралось множество военных калош, даже таких, что глянешь в перископ, а они целиком в очко не входят. Значит, что? Сегодня ты выполнишь боевую задачу, завтра — я, вот мир и спасен. Именно это следует считать философией. Море — колыбель жизни. В море человек — как в лоне матери. Сумеречность, нежность, долгие колебания, выпуклые глаза неизвестно каких организ-

мов, «квакеры», опять же, — так создан мир, и только люди вносят в него дисгармонию. Наверху — сомалийские пираты (Африканский рог), на борту — караси. Но политморсос прежде всего. Именно правильное политико-моральное состояние определяет правильный мир.

Атомный подводный крейсер — это тесное пространство, до предела набитое опасными средствами и средами. Сжатый воздух — это огромное количество кислорода, покрывающего все затраты на дыхание подводников, на торпеды и ракеты с суперагрессивными топливами. С портативным дыхательным аппаратом одноразового пользования подводник, в сущности, не расстается. С ним — на вахту, с ним спит, с ним ест, отдыхает, отправляет естественные надобности.

«Тихо бежит вода в гальюне, служба подводника нравится мне!»

В замкнутом мире подлодки своя мифология. Ходят слухи, что бригада гидронавтов держит в ванной средиземноморскую русалку. Говорит якобы только по-гречески, но так ведь и держат её не для разговоров. Дернет гидронавт «шила» из фляжки и мычит что-то про бензольное кольцо. Русалка его слов не понимает, только дивится: не люди прям, а выхлопные трубы. Как «шила» ни очищай, виноградом пахнуть не будет. Старпом Фадеев внимательно следил, чтобы «шила» не переливалось в личные «шилници». За политморсос он в ответе.

Старпом сам проверил гидрокостюм, предназначенный для Суворова. Потому и не волновался, слушая отчет старшины электриков. Выпустим, выпустим товарища Суворова на волю, скоро выпустим командированного. Вот уже и нужные координаты получены, действия определены, правда, о приказе этом (сверху) знают только старпом и водолаз-инструктор. Водолаз-инструктор с несक्रываемым

удовольствием извлек со штатного места за пультом тяжелую прорезиненную сумку, проштампованную буквами «П-к к-ра». Вот они — оранжевый гидрокостюм и шерстяное белье. Суворов на удивление ловко (для командированного) облачился в подобранное снаряжение и прикрепил к поясу подводный фонарь. Сыграли боевую тревогу и всплыли на перископную глубину. И как только стрелка глубиномера застыла на семнадцати метрах и нижний рубочный люк отдраили, борзой карась Суворов неуклюже полез наверх. Когда ноги карася исчезли в зеве люка, крышку вернули на место, и механик звякнул по ней гаечным ключом, чтобы подали воду.

Инструктор и старпом переглянулись, даже поежились, представив ночь наверху и одиночество, которое охватит борзого карася под тропическими звездами Индийского океана. Вода в это время плотно обжала комбинезон Суворова, заполнила все пространство рубки, давление уравнили с наружным, и тогда Суворов, упираясь спиной в гладкий тубус шахты, поднялся к верхнему люку. Кремальера провернулась с трудом, но, отжав рукоятку, Суворов поднял крышку и выскользнул во тьму.

3

Железо лодки исчезло в глубине, и Суворов остался один.

Подлодка ему надоела, а непонимание экипажа еще больше.

Что бы он ни сделал, на подлодке понимали его неправильно.

Застукали, например, в отсеке гидронавтов. Так он же зашел туда ради проверки: не врут ли гидронавты, что держат в ванне греческую русалку. А шуму наделали, будто он собирался вынести из отсека казенные гидрокостюмы.

Звезды сияли над Суворовым, покачивались мерно. Южнее кабельтовах в двух-трех вставал над ночным океаном луч прожектора, пересекался с другим таким же. Тихо, уютно. А на подлодке единственное место, где Суворов чувствовал себя более или менее уютно, был как раз отсек гидроакустиков. У них, если правильно повернуть верньеры настройки приемника, можно услышать «квакеров». Об этих необъяснимых по своей природе, отдаленно напоминающих кваканье лягушек гидроакустических сигналах Суворов еще в студенчестве слышал, — сигналы эти возникают неизвестно где, пробиваются ниоткуда и расквакивают мозг начисто. Суворов рот разинул, впервые услышав. Объяснить никто ничего не может, но в вахтенный журнал аккуратно вносятся записи о каждой такой встрече с «квакерами»...

Приподняв голову, рассматривал светящиеся круги на воде. Такое впечатление, что расходятся они от него. Может, сверху должны его засечь по этим знакам и передать куда подальше? В штабе виднее. Суворов приспустил давление гидрокостюма и оказался почти в вертикальном положении. Точно, круги на воде не были игрой воображения. Сразу вспомнил, как в штабе сказали: «В море не дергайся, Суворов, тебя найдут». И вот теперь не дергался, даже не пытался понять, что происходит в двух-трех кабельтовах южнее. То ли сомалийские пираты напали на очередную сухогруз, то ли НАТОвский катер накрыл мишени. Политморсос. Вот и раскачивается на волнах.

4

Потом небо постепенно стало светлеть.

Прожектора исчезли. Волны пошли длиннее, таскало Суворова, как по горкам.

Все врут, понял он, морщась. И греки врут, и арабы, и евреи. Никаких русалок даже в этой части све-

та. Никто песен не поет, сказок не рассказывает. Совсем пусто. К рассвету даже светящиеся круги исчезли, правда, начали светиться в глубине какие-то извивы, может, планктон тронут ходом невидимого морского змея. Бродит там в глубине какой-нибудь выроденец, пострадавший в эволюционных боях, последний реликт туманных меловых и юрских периодов. Кто знает? Прокручивались в глубине под раскачивающимся на волнах человеком огромные светящиеся круги, похожие на лопасти гигантского подводного вертолета.

«Ты что, уснул там?»

Ага, есть связи! Явственно расслышал.

Спросили: «Что там у тебя? Что наблюдаешь?»

Подобрался, хотел ответить: «Светящиеся круги в воде», но вдруг из бледного рассвета по пологой волне вывернул серый броневой катер низкой посадки. Сказали в штабе — найдут, вот и нашли. Политморсос. С борта полетел конец с петлей, кто-то крикнул: «Держись, пушгит!» Может, по-гречески крикнули, может, по-монгольски, — неважно, он понял.

Глава вторая.

Черная Африка

1

Наверное, Суворова не просто втащили на борт.

Наверное, ему дали по голове, потому что голова побаливала.

И бил, скорее, левша — с правого виска. К тому же, на Суворове не было никакой одежды, не считать же одеждой татуировку. Гидрокостюм и шерстяное белье отобрали, он голый сидел, привалившись к бухте манильского троса, колючего, как проволока. Спину исцарапал, пока очнулся.

Впрочем, все к лучшему.

Вот не утонул, и не холодно.

Длинные пологие волны Индийского океана мерно раскачивали броневой катер, уверенно пробирающийся куда-то на юг, может, на юго-запад к берегам Африки. А в двух шагах от голого Суворова стояла, опираясь на стек, стройная особа в белом полотняном костюме, тонком, легком, смотрела оценивающе. Машинально поискал «шильницу» на поясе, не нашел. На голом теле трудно что-либо найти. А вот хлебнуть бы не мешало. «Чтобы число погружений соответствовало числу всплытий!»

Американка, подумал.

Ноги длинные, губы лиловые.

Глядя на американку, смутно припомнил прожектора над ночным горизонтом, идущий параллельным курсом броневой катер. Утопающих принято бить, если они дергаются, мешают своему спасению, но он ведь не дергался, и вообще — зачем с него стащили одежду? Утверждаясь в том, что всплытие все-таки состоялось, Суворов попытался встать, но ноги не держали. Американка стеком (левой рукой) тронула его плечо, рядом появился араб — тоже в белом, точёный, стройный даже в дурацком своем балахоне, в накрученном на голове тюрбане, красавец из старых арабских книжек, и что-то прошептал на птичьем языке.

«Выговор у тебя странный», — сказал Суворов, с трудом подбирая английские слова.

И, кажется, ошибся, кажется, перепутал слово странный со словом дикий, потому что американка взглянула внимательнее: «А ты чего ожидал?»

Он пожал голыми плечами: «Гостеприимства».

И спросил: «Моя одежда где?»

Араб пальцем показал за борт, и переспрашивать Суворов не стал, по лицу американки видно было, что араб не врет. Да и зачем врать? — не на рынке. Но гидрокостюм выбросили за борт, — это зря. Судя

по отсутствию внутреннего голоса, так поддерживавшего Суворова в океане, связь с родным штабом прервана. Хорошей новостью по-прежнему оставалось только то, что он не утонул и находится среди живых людей. Связь с штабом теперь, наверное, будут держать «квакеры». «Доложите обстановку!» — «Квакв». И все такое прочее.

«Непруха», — вслух произнес Суворов.

«Не-пру-ха?» — вслед за ним вслух повторил араб.

Что-то, похоже, прокрутилось в его голове, включился пружинный завод, он вопросительно посмотрел на белую американку и сам спросил: «Ты русский?» Может, ожидал, что Суворов вскрикнет от радости. Но Суворов не вскрикнул, только неопределенно повел рукой. Нет проблем, пусть будет из Москвы, для него — какая разница? От американки не прятался, пусть смотрит, от него не убудет. Подобрал несколько правильных английских слов — оджонку бы ему, господу; но араб и американка переглянулись и вышли.

Тогда Суворов встал. Подвигал руками.

Вроде не искалечили. Только правый висок болел.

Единственная лампочка в плоском плафоне неярко светила над головой.

Трюм, конечно. Снова выгородка. Бухта манильского троса у железной стены, грязное тряпье, банка из-под машинного масла. Одна из тряпок напоминала бывшие мужские штаны — размером на титана, тут же в трюме расстрелянного картечью. Даже примерять не было смысла: всё выпадет через прорехи штанов, к тому же, грязными они были, местами позеленели от плесени. «Квакеры» и те побрезговали бы такой униформой. Какого черта американка разглядывала его? Это же покушение на его личное пространство. Вот утонул бы, тогда рассма-тривай. К тому же у американок всегда короткие

ноги, а у этой — ничего, могла за датчанку сойти, хотя у тех ноги тоже не очень. Представил, как удивились бы «квакеры», свалился он сам к ним на дно. И опять решил: всё к лучшему.

2

Потом была пересадка.

Ночью. В каком-то ящике.

В смысле его сунули в какой-то ящик.

Он не хотел, но его пнули, голого забросили в ящик на стружку — влажную, мягкую, отдающую псиной. Может, раньше собак в этом ящике перевозили, теперь его время пришло. Запертый, плыл по воздуху, потом начали опускать, никакого уюта. По аналогии вспомнил тащ капстранга — капитана первого ранга Виктора Максимовича Тихова, Героя России. Он, наверное, тоже сейчас спускается вниз, — с центрального поста в свою каюту, на среднюю палубу второго отсека. Там комната для отдыха и рабочий кабинет — всё не крупное, но уютное, не то что этот собачий ящик. А еще у тащ капстранга встроенный в переборку платяной шкаф и удобная кровать с раздвижным пологом в спальне, узкий кожаный диван и вращающееся кресло перед миниатюрным рабочим столиком, ну и, само собой, стальной сейф с кодовым замком — тоже в кабинете. На отделанных светлым шпоном стенах репродукции северных пейзажей, наверное, тащ капстранг с севера...

Ящик наконец приземлился.

«Вылезай!» — по-русски крикнули.

Упираться не стал, вылез — грязный, голый, в мягкой собачьей стружке.

Отряхнулся деловито, встал по стойке смирно.

Раньше голым эту стойку не пробовал, но сейчас всей шкурой чувствовал — дисциплина не помешает. Политморос! Даже американка прониклась. Кажет-

ся, левша, стек сжимала в левой руке. Ноги длинные, но держалась скромно — на втором плане. А разговаривал картинный араб, и был при нем переводчик, на всякий случай.

«Ты сказал, что ты из Москвы?»

«Да нет, вы что! Я не с «Москвы», я с «Пензы»».

Название всплыло в памяти потому, что так в штабе учили.

Переводчик что-то долго объяснял арабу и американке. Слово Пенза так и мелькало в птичьих оборотах, потом они пришли к какому-то консенсусу. Сошлись, наверное, в том мнении, что гидрокостюм, ночное плавание и корабль «Пенза» как-то связаны. Еще раз уточнили: «С борта «Пензы»?»

Суворов кивнул.

«Почему в гидрокостюме?»

Ответ снова сам собой всплыл из памяти: «Готовился к погружению, что-то на винт намотали».

«А потом?»

«Потом не помню».

«Совсем ничего не помнишь?»

«Совсем ничего».

«А что помнишь?»

«Ну, ночь. Прожектора».

Они переглянулись. Наверное, убедились, что он действительно с недавно пошедшей на дно посудины; в лентах новостей как раз гуляло название судна поддержки — «Пенза». Но переводчик так и прилип. Очень ему хотелось понять, что значит слово Пенза? Может, русские неправильно произносят слово пемза? Суворов хотел было уточнить, что это город в Монголии, но пожалел переводчика — лицо у него было желтое, нос торчит, балахон не первой свежести и, кажется, ничего не понимает.

Ответил наугад: «Судно поддержки».

Тогда отвязались.

3

Кормили, как могли: кальмары, морская капуста. В гальюн водили голого, душа не было. В смысле, в трюме не было.

Вытирался влажной стружкой, ее в ящике полно было. «Я что — собака?» — спрашивал араба, заходившего поговорить. Тот кивал. Наверное, соглашался. Сам-то в белом балахоне, под балахоном, может, и штаны есть. Появлялась мысль отобрать штаны у араба, хватит ему и балахона, но ведь могут выбросить вместе со штанами за борт.

К тому же, уточнив по своим каналам, что водолаз Суворов действительно мог быть с потонувшего корабля поддержки «Пенза» (неплохо работали наши дезинформаторы, отметил про себя Суворов), араб и американка на какое-то время интерес к Суворову потеряли. Он теперь в одиночестве разгуливал по небольшому пространству судовой выгородки, иногда прятался в собачий ящик, спал.

Однажды стук двигателей стих, долго болтались на волне, потом пришли трое в серых штанах и в серых рубашках, плосколицые, черные, вывели на трап, а там только небольшой фонарь, в виде светлячка, попробуй — разгляди, куда ногой ступаешь. Жаром влажным и тьмой пахло на Суворова, сразу понял — черная Африка. Давил бриз, как в баню пригласили. На причале ждала черная машина. Сунули, правда, не в багажник, а на заднее сиденье и, наконец, после недолгого пути въехали в очередную тьму — вилла или тюрьма, этого Суворов не рассмотрел. Тут вообще никаких огней не было, только светились два низких окна во тьме, как вырезанные в черном пространстве, ну, ещё ревел генератор. Или с подачей энергии случилась слабина, или вообще энергию не подавали.

Злобно щелкнул замок, над медленно вращающимся вентилятором сумеречно разгорелась лампочка, увидел низкую кровать, такие называют кэнопи, под балдахином. Но это была очень старая дырявая кэнопи, как штаны того расстрелянного в трюме титана. Зато комаров и москитов не было. На всякий случай Суворов проверил двери, открывавшиеся наружу. Одна, впрочем, не открылась, а другая вывела в гальюн с ржавым душем. Но все-таки душ, значит, не тюрьма. Тряпок никаких не было — ни полотенца, ни простыни, правда, на кровати валялся тюфяк, засранный какими-то насекомыми. Где-то Суворов слышал, что в юго-восточной Африке практически не бывает малярийных комаров, ну десяток-другой, так ведь настоящих гитлеров тоже мало. Ветер с моря должен сдувать всю нечисть, но мало ли. Выйдя из душа (вода оказалась ржавая, но прохладная), улегся на кровати. Матрас перевернул, покатался на нем, прикинул, не сделать ли набедренную повязку, но зачем ночью-то?

Свет погас. Страшная тьма. Ну, нереально темно.

Сейчас бы бежать, только куда? Ничего не видно, искалечись, влезешь в какую-нибудь верблюжью колочку или в осиное гнездо. Тишина такая, что уши закладывало. Самое бы время поговорить с кем-нибудь из штаба, доложить обстановку, состояние матчасти, но теперь обстановку в штаб докладывают «квакеры». Липкая жара сгустилась, воздух можно резать на ломти, такой он влажный, густой, жаркий. Поднялся, на ощупь открыл кран в гальюне. Нет, вырубилось всё. Ни света, ни воды. Двинулся в липкой тьме по направлению к балдахину, запутался в сетке. Наконец, снова раскинулся на плоском матросе. Истекал потом, в ушах звенело. Закрываешь глаза — тьма, открываешь — совсем слепой. Нет

ничего, что могло бы привлечь внимание: ни призраков, ни гнилушек. Замуровали во тьму, как в деготь, да еще нагрели тьму, впрыснули влажный пар. Суворов был потрясен. В океане одиноко — это да, но там сама ночь светилась как праздничная — игра прожекторов, отсветы, звезды, светящиеся кругами. А тут — как провалился в жаркую тьму.

4

Проснулся от голосов.

Нет, один был голос. Радио бормотало — по-английски.

Наверное, стена тонкая, да и окно открыто. Кто-то ночью открыл.

«... пираты из Сомали... очередная попытка захвата... судно, перевозившее продовольствие... применено автоматическое оружие...»

Видимо, дали энергию, — вентилятор под потолком негромко крутился, гнал волну горячего воздуха. Суворов подошел к распахнутому окну. Там оглушительно ревели цакады. Затихали, вновь взрывались. Суворов с удовольствием почесал голую грязную грудь, давно не видел английских газонов, так идеально подстриженных, и пальмы стояли по периметру двора, как на декорации — веерные, высокие, застывшие в жарком густом воздухе. В душевой Суворов увидел тряпку, аккуратно брошенную на ржавую трубу. Оказалась — длинная женская ночная рубашка, шелковая, прохладная, подол в весёлый цветочек. Чуть ниже щиколоток свободная, не стянутая в талии; вон какая широкая, явно рассчитана на африканские бедра. Учтывая, что большинство арабов ходит в чем-то подобном, решил, что специально для него подобрали.

Оглядываясь на окно, натянул ночнушку. «Имэ трэлос я сэна»... «Я от тебя без ума»... Присел, потя-

нулся, — нигде не жмет, хорошо подобрано. Ладно, пусть будет так. Прочный шелк, почти парашютный, не просвечивает. Весёлые цветочки по подолу — это, конечно, лишнее, но набедренная повязка смотрелась бы хуже.

Обретая уверенность, ткнулся в дверь, а она оказалась незапертой. Тянулся за нею длинный коридор в колоннах из пальмового дерева. Яркий свет на газонах. Жарко дышала на Суворова солнечная Африка, скрытая сплошной стеной зарослей, начинавшихся сразу за английскими газонами. Шел вдоль колонн, оглядываясь. Не может быть, чтобы не следили. И посреди океана за ним, наверное, следили, а здесь идет свободно, чуть поддернув ночную рубашку в цветочках, чтобы не мешала. Никого не увидел, зато в нише стоял пылесос и висел халат, слишком короткий и тесный, чтобы переодеться. Не раздумывая, залез в единственный карман, нащупал ключи, какие-то бумажки. Ага, танзанийские шиллинги. Красная купюра — десять тысяч, коричневая — две тысячи. Не велика ценность. Зато понятно, что попал, наверное, в Танзанию... Может, на острова... Пемба? Унгуджа? Всё одно — Занзибар.

«Зачем тебе чужие деньги?»

Не торопясь, обернулся, увидел того самого араба — стоял на балкончике, нависающем над боковой пристройкой.

«А какой сегодня курс?»

Араб еще сильнее удивился: «Тебе-то зачем?» И добавил, будто это снимало все вопросы: «Говорю же, я в Москве учился».

«А выговор у тебя рязанский?»

«Я с рязанскими парнями учился».

«Чему?»

«Делать революцию».

«Ну и как? Получилось?»

Араб усмехнулся. Объяснил: «Ты сейчас на Занзибаре. С две тысячи пятого года у нас свой флаг, свой парламент и свой президент. Входим в Объединенную Республику Танзанию, — он произнес: Джамахурийя Муунгано на Суахили. И махнул рукой: — Поднимись по лестнице».

Суворов прошел коридор до самого конца и, спугивая неприятных черных пауков, поднялся по широкой деревянной лестнице в кабинет, где уютно крутились под потолком два огромных, только чистеньких, без ржавчины, вентилятора. «Меня звать Али», — сказал хозяин кабинета, ничуть не удивившись ночной в цветочках рубашке Суворова. Но в самом этом хладнокровии Суворов уловил что-то такое, что не решился попросить другую одежду. Мне и в этой хорошо, ответил он взглядом всё понимающему арабу и увидел на стене морские карты, исчерканные какими-то значками.

«Может, мне нельзя это видеть?»

«Пока я рядом, можно».

«А если тебя не будет?»

«Тогда и карт не будет».

«Я ведь могу сбежать. Охрана у вас, кажется, не сильно налажена».

«Сбежать? — удивился араб. — Ну, взял ты купюры из чужого кармана. Сколько там? Мизер, думаю. — Слово мизер араб употребил правильно, наверное, рязанские парни обучали его картежным играм. — Что ты на них купишь? Курс на сегодня: один русский рубль — сорок семь танзанийских шиллингов».

И спросил: «Что ты знаешь о Занзибаре?»

Суворов в ответ неопределенно пожал плечами.

«Ну вот. Я так и думал. Ты сейчас похож на перса. Не обижайся. Бороду отпустишь, станешь совсем перс. Чтобы ты знал, первыми жителями Занзибара были как раз персы из Ширази, поэтому мы называем

себя ширази. Все равно, — сказал Али, — бежать тебе некуда. Даже в такой красивой рубашке», — все же не удержался он.

«Почему некуда?»

«У тебя нет денег».

«Деньги можно достать».

«Тебе повезло. Я здесь выступаю за права бедных».

«Тебе тоже повезло. Я бедный. Выдай мне нормальные брюки».

«Если выдам, ты перестанешь выглядеть бедным. Понимаешь разницу?»

Али помолчал, отошел к окну, долго смотрел на ровно подстриженный газон.

«Ты живой. Верно? А это само по себе богатство. Я привез тебя на Занзибар, расширишь свои знания о мире. У тебя теперь есть постель, одежда, — он сурово посмотрел на Суворова. — Не спорю, постель и одежда у тебя не самые дорогие, но тебе и не надо, иначе зачем мне бороться за твои права? Но учти, — он посмотрел на Суворова еще суровее, — ты свободен. Никто не собирается держать тебя взаперти. Когда-то Занзибар был отдельным государством, но потом мы объединились с Танганьикой и создали Танзанию, сразу появилось много такого, с чем нужно бороться. — Суворов никак не мог уследить за прихотливой логикой араба. — Но главное, ты свободен».

«И я могу уйти?» — не поверил Суворов.

«Да хоть сейчас, — Али улыбнулся. — Но не забудь, что ты беден. И перед тем, как принять решение, выслушай меня. В Танзании, как в любой другой стране, существуют свои правила поведения. Чтобы до тебя дошло, объясняю. Главное в Танзании — не потерять уважение. Это ведь так легко может случиться. Если ты белый человек, а ты белый, не выходи на улицу в такой вот легкомысленной рубашке. Здесь множество мусульман. Они обидятся. Не ездят в дала-дала.

Не пей на жаре коньяги. А сядет на твою руку муха цеце, не старайся ее прихлопнуть, тебя не поймут».

«А что такое дала-дала?»

«Обычный грузовой пикап, переоборудованный для местных пассажирских перевозок. Консервная банка на колесах. Да и куда ты отправишься? — посмотрел араб на Суворова. — На пляжи Фужи и Чунини, а? Там дорого. Или на уединённый пляж Мангапвани? Да, конечно, белым там можно ходить даже нагишом, но за это надо платить. Много надо платить, — на всякий случай уточнил Али. — А еще есть у нас тихое местечко Нунгви, там можно купаться в красивых коралловых лагунах. Или, может, ты предпочтешь пляжи Матенве или Мапензи, Кивенга или Уроа? Они роскошные. А на юго-восточном берегу можно хорошо отдохнуть в Пингве, в Бреуу и Джамбиани, только расплачиваться там надо крупными купюрами».

Али подошел к большой географической карте и взял в руки лазерную указку.

«Или ты хочешь уйти от нас морем? Не советую. Ни на один паром тебя в этой одежде не возьмут. Может, наймешь машину и отправишься на север — к границам Кении и Уганды? — Он критически осмотрел Суворова. — Кенийские сафари тебе явно не по карману, а в Уганде нехорошие тюрьмы. Там клопы самые крупные в Африке, я сужу по тюремным отчетам, я их видел. Или ты мечтаешь добраться до границ Руанды и Бурунди? Зачем? Что можно купить на твои деньги, кроме почтовых марок? — Али посмотрел на Суворова вдруг странно помертвевшими глазами. — Или тебя интересует Конго? Хочешь найти партизан симбу? Бродить по тропическому лесу босиком и без оружия? Наемники будут рады человеку в женской ночной рубашке. Или тебя привлекает юг? Замбия, например. — Он

опять оживился: — А-а-а, я понял! Ты же гражданин России! Ты, наверное, хочешь поговорить с русским послом? Я же говорю тебе, ты свободен. Звони, — он протянул Суворову телефонную трубку. — Набирай номер. Я тебе продиктую. Это верный номер, только набирай внимательно. Мое имя Найрудди Али Сарр. Конечно, тебе это имя ничего не скажет, но на Занзибаре меня знает любой ширази».

И подал Суворову справочник, открыв его на нужной странице.

«Посольство России в Объединенной Республике Танзания, P. O. Box 1905, Plot N 73, Kenyatta Drive, Dar es Salaam, телефоны...»

Суворов набрал подсказанный им номер.

Долгие гудки. Потом откликнулся деловой мужской голос.

«Привет, — облегченно сказал Суворов. — Я гражданин России».

«Спасибо за информацию. Где вы находитесь?» — голос прозвучал обнадеживающе.

«На острове Занзибар. Так мне сказали. Я еще не определился с конкретным адресом, но мне подсказали, что я на Занзибаре».

«Ага, — ответили с другой стороны трубки. — Вероятно, вам нужна помощь?»

«Ну да. А то с чего бы я стал вам звонить?» — Суворов старался не волноваться.

«Продиктуйте данные вашего паспорта и название организации, выдавшей визу».

«У меня нет визы».

«А как вы попали в Танзанию?»

«Я бы не хотел говорить об этом по телефону».

«О кей. Тогда для начала продиктуйте данные вашего паспорта».

«Какой, к черту, паспорт! Нет у меня никакого паспорта! Понимаете?»

Человек на другом конце провода несколько замялся. «Понимаю, — наконец произнес он, но в голосе его не чувствовалось понимания. — Только поэтому дам вам пару советов. Первый: не пейте много коньяги, особенно на жаре. Неопытного человека этот напиток рано или поздно приводит в местную полицию. Второй совет. В ресторанах и в кафе подают чай и кофе, хорошие по качеству. Можете верить мне. А коньяги — это не коньяк, как вы, наверное, думаете. Это скорее джин, только производится из папайи. Лучше пейте «Крест», это местный тоник. Или, если уж вам совсем невмоготу, как говорят, приспичило, ограничьтесь местными сортами пива. Пробовали «Килиманджаро»?»

«Нет, не пробовал».

«А «Серенгети»? «Таскер»?»

«Вообще ничего такого не пробовал».

«Но уж, наверное, пробовали «Кастл» и «Сафари», а?»

«Да нет, не пью я пиво, — решил для убедительности преувеличить Суворов. — И никакого коньяги не пью. Может, и выпью, но это когда вы мне можете. Я гражданин России и попал в Танзанию без денег, без визы, без паспорта. Так уж у меня получилось. Не хочу объяснять по телефону».

«Тогда у вас только один выход».

Суворов торжествующе посмотрел на Али: «Какой?»

«Прямо сегодня обратитесь в Лигу защиты бесправных».

«А к кому мне там обратиться?»

«Запоминайте имя».

«Да, да, говорите».

«Найруди Али Сарр».

«Но... Почему именно он?...»

«Этот человек вам точно поможет».

Глава третья.

Глаза лемура

1

По утрам Суворов подметал тропинки вокруг уединенной виллы.

Бежать некуда. Кормили скучно. Приемник в кабинете Али вещал в основном по-арабски. Виллу Суворов теперь называл — внешний объект. В России для поддержки политико-морального состояния армии лучше всего служит снежная погода, когда тебя и других бедолаг выгоняют во двор казармы убирать сугробы. У каждого, конечно, припрятана «шильница» в кармане тужурки — плоская, выдавленная из нержавейки, правильно выгнутая для ношения в кармане. Емкость от ноль тридцати трех до полулитра, самые популярные украшены рельефными изображениями заговорившихся у костра охотников или розы ветров. Отгребать снег, который падает куда быстрее, чем ты успеваешь его отгребать, можно только при наличии правильной шильницы. Без нее благородный труд по перековке российских характеров может показаться непосильным и лишеным смысла.

Впрочем, иногда Али ловил английские передачи.

«На этот раз сомалийские пираты захватили мексиканский балкер «Си Хорс»... — доносилось до Суворова. — Также захвачено греческое грузовое судно «Ирен Э.М.»... А вот захватить американский контейнеровоз «Алабама» не удалось... Пентагон рассматривает возможность нанесения локальных ракетных ударов по наземным базам сомалийских пиратов...»

Шелковая ночная рубашка с веселыми цветочками по подолу больше не смущала Суворова. Он помнил приказ штаба: жди. Где бы ты ни был, Суворов, жди, тебя найдут. Чаще всего теперь подметал он тропинку под окнами кабинета. Время от времени гостепри-

имный араб подходил к окну и начинал долгие разговоры о том, что есть на свете края, бежать из которых абсолютно невозможно, даже при наличии свобод. В руках его мерцало рубиновым цветом вино «Додомо», иногда молочно светился кокосовый ликер «Африкоко». Американка (апартаменты ее находились на другой стороне виллы) особого интереса к беседам не проявляла, но указывала своим стеклом на желтый лист, неизвестно откуда занесенный на тропинку, вполне корректно. А однажды тем же стеклом указала на белый джип, бесшумно подкативший к подъезду.

2

В машине Суворов оказался между двумя крепкими ширази.

Суворова они не замечали, старались отодвинуться, насколько позволяло пространство. По-русски не говорили и не понимали, а вел машину еще один ширази в белых брюках и в белой рубашке. Даже рядом с американкой он выглядел лебедем.

Помолчим, решил Суворов. Посмотрим город. Мало ли какие случайности подстерегают нас? Приказ: жди! Вот я и жду. Может, встретятся соотечественники. Передам с ними письмо. Правда, куда передать? В российское консульство? Или сразу в руки всемогущему господину Найруди Али Сару, руководителю известного фонда? Ладно. Пока неважно. Главное, чтобы там знали. Главное, ждать. Даже на фоне общего беспорядка политморсос следует держать на должной высоте.

Джип двигался по узким горячим улицам. Под пальмами шли люди, множество людей в белых штанах и в белых рубашках, в халатах и накидках, в шароварах и сари, в пестрых тюрбанах и шляпах. Проехали мимо старой каменной крепости. Руины Суво-

ров не любил. Считал, что лучше новую гостиницу построить. «Вон как запущено». Никто на слова Суворова не откликнулся. Тогда Суворов похвалил деревянные двери — красивые, резные. Удивился, зачем такие красивые резные двери ставят в серых каменных строениях? Американка не ответила. И не надо. Без нее видно: англичане ушли — порядок закончился. Улицы замусоренные. Листва пыльная. Небо голубое, но уже облезлое от жары. Удушающие ароматы Стоун-тауна совсем оглушили Суворова. Корица, моча, гнилая рыба, забродившее кокосовое молоко. Лабиринт улочек. Множество магазинчиков, базаров, мечетей, закрытых дворов и крепостей. Подновленные стены бывшего султанского дворца, католический собор, колониальные особняки, древние бани в персидском стиле...

И вдруг начались торговые ряды большого базара. Джип медленно пробивался сквозь шумную пестро-белую толпу.

Под тростниковыми и пальмовыми козырьками болтались на вешалках бесчисленные футболки с непонятными надписями, цветные и белые халаты и балахоны (от восьми тысяч танзанийских шиллингов, с сожалением отметил про себя Суворов). Стопами лежали на прилавках одеяла и пледы, платки и ткани масаев, наверное, очень практичные, потому что яркие, как их не пачкай, все равно будут оставаться пестрыми. Потому, наверное, и стоят от пятнадцати тысяч (бессовестные цены, решил Суворов). И почему-то много картин с изображениями слонов, лемурув, жирафов, буйволов. Привычно поискал глазами русалок, но вспомнил, что русалки не животные. Толпа бурлила, размахивала черными и смуглыми руками, смеялась, спорила, обдавала запахами пота и смрада, каждый тут пах по-своему, но в целом пахли животными — че-

ловец не русалка. Суворов искал в толпе хоть что-то знакомое, что бы подсказало ему — он в этом мире не одинок. Но в женской ночной рубашке с веселыми цветочками по подолу он все-таки оставался одиноким. От таких размышлений он помрачнел. И джип вдруг оказался среди рядов, набитых фигурками из черного дерева. Ширази-шофер, видимо, знал некоторые английские слова и пытался донести до американки вселенную танзанийских народов. Банту, гого, сукума, конечно, маконде. Масаи, ньям-вези, ха, хайя, чага и опять маконде. Черные фигурки людей и животных, злые маски, приземистое дерево жизни, опутанное лохмотьями, как черным туманом. Ничего себе цена — десять тысяч! Я такое дерево и с доплатой не возьму...

Джип, наконец, застрял в толпе, американка и водитель вышли.

Шум, гам, пыль, запахи, жарница. Голоса слева, голоса справа. «Броккен, блин! За всё берут плату!» — «Слышь, Серега! Тут остров можно купить, хочешь остров?» — «А на кой он нам? Чтобы на морского ежа напороться? И воняет тут, как в собачьей будке». — «А ты жил в собачьей будке?» Здания Стоун-тауна за низкой серой стеной рынка отсвечивали белым, слепили. Один к одному лепились резные балкончики и красивые массивные деревянные двери. С балкончика на балкончик тянулись джутовые веревки, на них сушилось белье.

«Десять тысяч, всего-то!»

До Суворова вдруг дошло, что говорят по-русски.

Он открыл окно, ширази-охранники не противодействовали.

— Эй, парни!

— Смотри, русский! — обрадовался загорелый бородач. И завопил: — Ленка! Иван! Идите сюда! Наши! Сердце сладко обожгло — наши.

Девушке, выглядывавшей из-под широкой пальмовой шляпы, Суворов улыбнулся как можно приветливее, но она им почему-то не заинтересовалась, а, рассмотрев рубашку Суворова, вообще потемнела лицом и отвернулась. Но второй мужчина — молодой, в шортах, в футболке, в колониальном шлеме, слишком эффектным, правда, чтобы надежно защищать от солнца, заглянул в машину. Вот на него ночнушка Суворова произвела огромное впечатление.

— Секс-туризм? — жадно спросил он.

Суворов машинально кивнул. Всё в нем протестовало, но кивнул.

Загорелый бородач тоже приник к полуопущенному стеклу.

— Как навар?

— По-всякому.

— Эти петухи с тобой?

Это я с ними, хотел ответить Суворов, но догадался промолчать.

Бородач все же что-то такое заметил и ободряюще Суворову подмигнул:

— Ты относишься к местным как к говорящим лошадям, сбережешь массу нервов, — он подмигнул насторожившимся охранникам. — Все вокруг бегают, суетятся, готовы в лепёшку разбиться, а всё равно бестолочи. У нас вода кончилась в поильниках, они нам залили новую. Спрашиваю гида: а она кипячёная? Нет, говорит, зачем? Она из горной речки, там нет бактерий. Умный, много слов знает. И лыбится, как лошадь. Вообще, непонятно, чем тут правильнее разжиться? Понятно, можно жирафа купить, только зачем нам в Сибири жираф, ты сам подумай. В Томске он уже к сентябрю сохнет.

Бородач посмотрел на Суворова и облизнулся. Заметив это, девушка ухватила его за руку и буквально оттащила от джипа. Но второй остался, вопросительно смотрел на Суворова. Потом признался:

— А я ничего покупать не хочу.
 — Это почему? — нехотя заинтересовался Суворов.
 — Шиллинги можно по-другому использовать.
 — Как? — всё еще не доходило до Суворова.
 — Тут гостиница рядом.
 — Там, наверное, можно и авиабилет купить?
 — А тебе куда нужно?
 — Да хоть в Бобруйск.
 — Ты что! — облизнул губы бородач. — В Бобруйск нет прямых рейсов.
 — Я в принципе спрашиваю. Авиабилет, наверное, и с рук купить можно?
 — А почему нельзя? — бородач так и ел глазами рубашку Суворова.
 — Для этого, наверное, паспорт нужен?
 — Паспорт — да. Паспорт обязательно.
 — А можно тут билет купить вместе с паспортом?
 — Без проблем. Но потянет дороже, чем купить двух жирафов.
 Суворов вздохнул:
 — Столько я не найду.
 — У тебя же бизнес, — доверительно намекнул бородач. — А гостиница рядом. Час-два, и вот тебе шиллинги.
 — Ну, допустим. А потом куда?
 — Я тебя провожу. Сведу с одним человеком.
 — Ты, наверное, про Найрудди Али Сарра? — догадался Суворов.
 — А-а-а, — разочарованно протянул бородач. — Ты его уже знаешь...

3

К счастью, появилась американка.

По ее знаку джип выехал из толпы и остановился в пяти метрах от входа в ресторанчик «Бузунгу». Так прочитал это слово Суворов. Встреча с соотечествен-

никами его потрясла. Он почувствовал огромный разрыв между свободными людьми и действительно свободными.

Американка кивнула, пришлось выйти из джипа.

Влажная гиблая жара накатывала с узких улочек. За стеклянными витринами поблескивали золото, бриллианты и сапфиры, добываемые только в Танзании. Краем глаза отметил золотой кулон с профилем черного материка, который стоил всего сто баксов. Хорошо, нет таких денег.

В ресторанчике устроились на открытой террасе.

Никакого меню. Подошел вертлявый человечек, может, сукума, может, мбугве. И на тех и на других похож. На ломаном английском объяснил, что все у них дикое. Филе антилопы, тушеное мясо слона, мясо крокодила с салатом из бананов, жареный бок бородавочника, ньяма-чома, мишикаки. Есть, конечно, и ньяма-нкомбе, и даже даклинг-дар-эс-салам — жаркое из страуса с фруктовым соусом. Даже жареных термитов вертлявый человечек предложил. Всё хотелось попробовать, но по кивку американки принесли только ананасы. Суворов раньше их не любил, как-то не поступали они в буфет армейской казармы, но сейчас жадно кусал тяжелые ломти, умело порубленные черным парнем (даже штаны на парне были, завистливо подумал Суворов). Вкусный сок бежал по грязным рукам, американка брезгливо косилась, тогда Суворов впивался в ананас еще откровеннее. Ждал — взорвется, дура. Но вдруг в эту сложную бурю чувств ворвался плотный толстяк в бурнусе и сразу заговорил с ширази-водителем на неизвестном Суворову языке. Колонны, подпиравшие кровлю террасы, были окрашены синей потрескавшейся краской, стулья — откровенно пластиковые. Не похоже, чтобы у американки и ее собеседника не оказалось денег на более уютное местечко, но почему-то устро-

ились они в «Бузунгу». Принесли зарытые в лед бутылочки напитка «Крест». Американка сделала глоток и брезгливо оставила стакан, а Суворов выдул весь и налил еще. Пусть американка болтает с толстяком.

Она это и делала. А толстяк живо жестикулировал.

И чем холоднее и тщательнее выговаривала слова американка, тем быстрее, тем живее, тем отчаяннее жестикулировал толстяк. Доказывал что-то по-арабски. Иногда указывал на Суворова, даже хватал мокрыми пальцами за плечо. Потом на маленькой эстраде начался дикий концерт (все тут было дикое) из совершенно непонятных и незнакомых Суворову духовых и струнных музыкальных инструментов. Высокая черная женщина в космической прическе из косичек и разноцветных фенечек затынула что-то африканское, закричала, запрыгала, и как раз в этот момент толстяк перешел на английский. Конечно, толстяк сам придумал свой английский, многие слова звучали причудливо, но Суворов понял, что они торгуются. Будто бы скоро придет судно. Или уже пришло. И надо бы доставить трубу. Или наоборот — снять. Тут какие-то непонятки начинались. Трампет — это труба? Суворов пытался извлечь из своей тусклой, задавленной жарой памяти правильные понятия. Трампет... Да, вроде так... Толстяк так сильно жестикулировал, так обливался потом, что Суворов невольно желал ему полной и окончательной победы в споре с американкой. Может, речь о трубе торпедного аппарата? Нет, это звучало бы как торпедо-тюб. В конце концов, в голове Суворова сложилась своя собственная версия переговоров, каким-то образом связанная с всемогущим Найрудди Али Сарром. Только этот араб мог обеспечить порядок вокруг Африканского рога. Так сказать,

политморсос. Правда, в прошлый раз что-то там не связалось...

В общем, трудный у толстяка шел торг. Но ведь договорились люди, что дважды два всегда будет четыре, так и американка с толстяком договорились. Когда черная женщина в платке и в шароварах принесла копченого осьминога, а оркестр заиграл новую мелодию, в которой проскальзывали откровенно угрюмые ноты, Суворов спросил:

— Какой сегодня день?

Американка улыбнулась:

— Считай, день работорговца.

— Да нет, я не о праздниках. Я о названии дня.

— Вот я и говорю, считай, сегодня день работорговца.

— Это, что ли, как у нас День железнодорожника или ВДВ?

На этот вопрос американка не ответила.

4

А дальше все вообще складывалось непонятно.

Пересадили Суворова в другой джип, похуже, долго везли.

Потом за какой-то тростниковой оградой втолкнули в тамбур-шлюз. Это Суворов так обозвал комнату, крытую тростником. Крыша ненадежная, ткну кулаком и ты на свободе, но, во-первых, он не знал, кто его встретит снаружи, во-вторых, стоило тронуть пальцем (не кулаком даже) перепревший тростник, как рушились, падали сверху миллионы жуелиц, червей, муравьев и совсем уж каких-то диковинных ужасных созданий. Они были бы еще ужаснее, увеличь их Господь хотя бы вдвое, но и в таком виде поражали.

Впервые в Африке Суворов с нескрываемым ужасом ждал ночи. Конечно, он скептически относил-

ся ко всем этим байкам про жадных работорговцев и про то, что они празднуют свой праздничный специальный день, но когда-то, в девятнадцатом веке, в этих местах точно торговали людьми, — большие рынки работали в Багамоио и на острове Узников.

Смирясь, сел на землю у щелястой стены.

Придется не спать. Сонного съедят. Кто-нибудь придет и съест.

Американка не съела, а вот насекомые съедят. Жизнь существенно менялась к худшему. С Али можно было поговорить хотя бы об отсутствии перспектив, а здесь перспективы вообще не угадывались. Тамбур-шлюз на лодке — это помещение, предназначенное для мытья моряков исключительно после грязных, радиационно-опасных работ, а здесь — никакой воды, правда, и радиации нет, только насекомые.

Тускло светилась лампочка у дверей, потом замигала и погасла. Влажная жара сразу усилилась, в узкие щели неровной покосившейся стены заглянули звезды. Суворов всем лбом прижался к теплому жесткому тростнику. Звезды счастливо подмаргивали, подмигивали, им был интересен русский моряк. А он глядел, и свет звезд прожигал его насквозь, он впитывал каждый фотон света. Лемур где-то рядом на ночном дереве захрипел, забился в истерике. Али утверждал, что бежать с Занзибара невозможно, а теперь Суворов вообще не знал, где находится. Ехали на джипе часов пять, а то и шесть, куда угодно могли заехать. С какой стороны лежит Уганда, а с какой — Малави, попробуй, угадай. Лемур, может, и знает, но не скажет.

«Поговорить о Боге не желаете?»

Это внутренний голос проснулся в Суворове.

С кем еще и говорить, когда смотришь на звезды? Конечно, с Богом. Ты спрашиваешь, он отвечает. Не иначе. Обязан отвечать, разве не он за всё в от-

вете? Только правильно спросить надо. Да, да, желаю я поговорить с Богом, сказал Суворов. Что еще остается человеку в женской ночнушке с веселыми цветочками по подолу, да еще узнавшему, что его ни с того ни с сего продали в рабство?

Ничто не делается без вedomо Бога. Поэтому Суворов и спросил: «Здравствуй, Господь. Как Ты? Как у Тебя здоровье?» Спросил и сам укоризненно покачал головой. Господь не должен хворать, думать так непристойно. Но спросил всё-таки. А потом добавил к вопросу: «Ну вот, если Ты вдруг правда устроишь конец света, кто на Тебя будет молиться?»

Ну, если я способен задавать такие вопросы, вдохновился Суворов, значит, есть ещё шанс на лучшее. Молча смотрел он на звезды в щели. И правда, вот случись конец света, кто Тебе будет молиться? Или в таких случаях молитвы необязательны? Когда небо голубое, даже дураку ясно, какое у Господа настроение, а вот если тьма?

Ничего в ответ не услышал Суворов, кроме кряхтения лемура, таинственного перемигивания звезд и негромкого копошения насекомых.

«Интересно, а в аду у Тебя страшнее?»

Теперь, в разговоре, никакого особого страха Суворов не испытывал, но когда упавший с кровли муравей шустро побежал по его плечу, как по горному хребту, он, глядя на звезды, сразу понял ничтожество свое. Задавай вопросы, сказал себе. Иначе не выдержишь. И спросил: «Скажи, Господь, а ты только на Занзибаре такой строгий?»

Спросил и сразу вспомнил, как его пинали в пьяных драках, а там ведь была Россия, и у него было целых два образования: морское училище и техникум. Что-то подсказало Суворову, что спрашивать, какое образование у Бога, — не надо. Конечно, Он не будет сердиться, просто пропустит глупый вопрос мимо

ушей, но, с другой стороны, вполне может спуститься в этот странный сарайчик и отхерачить беззащитного Суворова. Ночь темная, кто увидит?

«Скажи, а вот свечи в церквях продают, — это тоже Твой бизнес?»

Вопил в ночи на дереве лемур, требовал чего-то. Может, тоже хотел поговорить с Богом. «Почему звезды так чудесно светят, аж слезы на глазах, а? — совсем расстроился Суворов. — Падла-лемур, не тревожь душу». Вспомнил секс-туристов из Томска, как они обрадовались: это же наш! «А Ты, Господь, хочешь быть нашим? Ты весь мир обнимаешь, нет ни пылинки вне Твоего внимания». Суворов ненавидел американку, как пустую бутылку. Левша. В океане его трахнули по правому виску, значит, она трахнула. И произнесла, наверное, какое-нибудь волшебное слово американское.

Вот в Писании сказано: вначале было слово. Интересно, а какое?

Слово, которое пришло в голову Суворову, явно не могло быть первым.

Он не отрываясь глядел на звезды. «Тебе хорошо там?»

Вспомнил котлеты, которые подавали на подлодке. Почему, Господь, одним Ты даешь котлету, а другим только поганых насекомых, правда, в избытии? Американка сейчас жрет ананасы, тащ капшпанг — капитан первого ранга Виктор Максимович Тихов, Герой России, и особняк, мохнатое ухо — по фамилии Шумилов Руслан, уполномоченный особого отдела, тоже что-то вкусное получили на второе, и Али себя не обидел, это точно. Почему так? Я чем хуже? Вот человека растят-растят, а он бац и умер. Так-то зачем? Если я попаду в ад, ты, Господь, меня там увидишь, но ведь все равно не вытащишь, да? Ты сам-то как живешь? То война, то мир, что там дальше у тебя

намечено: большое наводнение или вообще спалишь Землю? Ты, Господь, лучше не появляйся на Занзибаре, продадут тебя тут под пение черной женщины с ее фенечками. Тебя все любят, а все равно продадут.

Лемур за стеной так страшно всхрипнул, что Суворов обреченно повесил голову.

А, может, тебя, Господь, не так уж и любят, а просто боятся?

Подумал так и похолодел. Какая-то черная тень перекрыла звезды.

Потом черный силуэт наклонился к щели и Суворов в упор увидел огромные глаза, божественные, без зрачков, мерцающие, будто наполненные звездным светом. Это лемур не выдержал и спустился с дерева, посмотреть, кто там болтает с Богом. Суворов молча смотрел в огромные звездные глаза. Совсем недавно под ним крутились светящиеся струи океанской бездны и черный небесный купол резали прожектора, не способные достигнуть зенита, но сейчас глаза лемура показались Суворову совсем бездонными.

Может, это глаза Твои? Хочешь побыть со мной?

И уснул.

Глава четвертая.

Большая рыба

1

И проспал главное.

Стреляли из АК, короткими очередями.

Цикады за стеной сразу заткнулись. А лемур, наверное, слинял еще с рассветом, не хотел становиться свидетелем черных человеческих дел. Автоматная очередь прошла тростниковую кровлю, посыпались муравьи, прелые листья, какие-то белесоватые и розовые личинки. Суворов так и прильнул к земляному полу. Сквозь щель было плохо видно, но он рассмотрел фигуры в белых балахонах, они шли через двор,

светя фонарями под ноги. Шедший в центре перешагнул через что-то черное, может, труп. Не надо было толстяку связываться с американкой, подумал Суворов, и услышал, как вылетела выбитая ногой дверь. Ударил в глаза свет фонарей. Чему удивляться? Африка.

Рывком подняли Суворова с земляного пола и вытолкнули во двор.

Два джипа с включенными фарами фырчали у деревянных ворот, два трупа в траве (раненые в таких позах не валяются). Неужели меня решили перепродать? — мелькнуло в голове Суворова. Но в салоне работал кондиционер, пахло кожей и ананасами. Несколько пальм в крутом развороте ушли назад, и грунтовое шоссе так и кинулось под колеса. Спросят, где был, и рассказать нечего. «Ну, привезли... Ну, с Богом поговорил... Ну, в глаза заглянул лемуру...» — «И вечно ты врешь, Суворов», — фыркнет сероглазая барменша Анька из заведения «Айриш» или голубоглазая Лика из «Ириш-бар». В России сейчас много заведений под интересными названиями, Анька и Лика, кстати, сами отменно врут. Лемуру какой-то... «Квакеры»...

2

«Несет от тебя...».

«Так я же почти голый...»

«Тебе хоть крылья ангельские пришей, таким и останешься...»

Господин Найрудди Али Сарр был недоволен. Суворов подошел к огромному настенному зеркалу, помещенному в кабинете (первый этаж) перед такими же огромными распахнутыми настежь окнами. В зеркале смутно и красиво отражались чистенькие газоны, стена растений, отделяющих виллу от внешнего мира, раскидистые веерные пальмы, в кронах которых суетились неизвестные носатые птицы, а мо-

жет, лемуру сидел, помаргивал. Отразился в зеркале крепкий скуластый дикарь, белобрысый, с выцветшими бровями, в потрепанной нижней (несомненно, женской) рубашке ниже щиколоток, прочной, кстати, никаких дыр или затяжек, — типичный выпрашиватель бич-пакетов в морских портах, там такие кучкуются на всех доступных грузовых пирсах; лицо не азиатское, но и не африканское, грязное.

«Бывал в Иерусалиме?»

По знаку господина Найрудди Али Сарра черный слуга принес кожаные подушки. Одну подложил на сиденье деревянного кресла, подставленного Суворову, другое сунул за спину. Он проделал это молча и ловко, наверное, считал, что человек в таком одеянии, как у Суворова, и должен пахнуть раздавленными муравьями, древесной гнилью, затаенным страхом и глубочайшим непониманием, если, конечно, у непонимания есть запах.

«Ты бывал в Иерусалиме?» — повторил Али.

«Зачем?» — на всякий случай спросил Суворов.

«А в Сирии? В Иране, в Ливии, в Иордании? В Египте, наконец?»

«Да кто ж такое упомнит? — пожал плечами Суворов. — Где-то бывал. Но в портах, конечно. А в портах кабаки и люди одинаковые».

Он так говорил, а интересовали его не экзотичные арабские страны, а исчезнувшая американка. Ноги у нее были длинные. Жалко, если её просто зарезали. Она, конечно, неправильно поступила, продав Суворова неизвестному толстяку, она, скажем так, большую совершила ошибку, но...

«Жалко, что ты не бывал в Иерусалиме».

«Да что мне там делать?» — Суворов оторвался от зеркала.

«Оставил бы записку со своими тайными желаниями в Стене плача».

«Я не еврей».

«Бог всех знает».

«Но не всех привлекает».

«К тебе он строг», — согласился Али.

И, откинувшись в кресле, долго рассматривал Суворова.

А Суворов, наконец, устроился в кресле. Муравьи по нему не шастали, никаких личинок, трухи, и кожаные подушки оказались удобными. Радоваться следует каждому дню. Он, Суворов, не утонул в Индийском океане, его не убили при долгой перевозке в собачьей клетке, потом, правда, продали в рабство, но так бывает, это же Африка. При любом раскладе получалось, что позитивных сторон в произошедших за последние дни событиях больше. Не зацепила его случайная пуля, не уговорил бородатый русский секс-турист отправиться в отель для нищих, скорпион не цапнул, ядовитая змея не залезла под ночнушку, только вот американку зарезали. Суворов устроился удобнее, ожидая других новостей.

И они последовали.

Господин Найрудди Али Сарр включил приемник.

Квадратный, массивный, помигивающий цветными огоньками приемник, мощный, снятый, наверное, с бронированного катера. И приемник не зашипел, не взорвался бульканьем и хрипами, как многие подобные изделия, нет, на ровном фоне чего-то огромного, отлаженного, прекрасного как бы издали излился на задумавшегося Али и на воспрянувшего Суворова глубокий женский голос. С записью, несомненно, работали мастера. Истинное дыхание мира. И дикторша говорила по-русски без единой ошибки, наверное, не из России. Наверное, какая-нибудь далекая нерусская станция, только на таких сейчас работают грамотные люди. Суворову, в общем, было все равно, о чем так красиво лопочет дикторша, но Али смотрел

строго и Суворов сосредоточился. Наверное, господин Найрудди Али Сарр хотел, чтобы его гость имел хотя бы приблизительно представление о том, что творится во внешнем мире.

Слушатели уже знают историю американского сухогруза «Либерти Бич», захваченного месяц назад сомалийскими пиратами. По сообщениям журналистов CNN, одному из членов экипажа Томасу Кабрику в момент нападения пиратов удалось связаться по электронной почте со своей матерью Доротой Кабрик, живущей на севере штате Юта. «Наверное, она из мормонов, — доверительно, как бы от себя, добавила дикторша. — В сообщении Кабрика говорилось, что пираты обстреляли сухогруз из автоматов и гранатометов...»

Али меланхолично кивнул.

«Международный центр по борьбе с морским пиратством, — пошла следующая запись, — распространил по всем портам мира подробную информацию с описанием сухогруза «Либерти Бич», захваченного сомалийцами в районе Африканского рога. Сухогруз вышел в рейс под флагом Кюрасао, но до пункта назначения не дошел. Экипаж состоял из семнадцати моряков — американцев, немцев, украинцев и русских. Международный центр по борьбе с пиратством надеется, что, получив подробное техническое описание судна, кто-нибудь из таможенников, судовых агентов или работников судоремонтных предприятий сможет его опознать. По данным судовладельца, «Либерти Бич» перевозил негабаритные грузы...»

Али выключил приемник.

«Тебя уже накормили?»

«Даже не подумали».

Али встал и поманил за собой Суворова.

На террасе был сервирован обед. Никакого, конечно, оркестрика и женщины-музунги в веселых фенеч-

ках, но ананасы нарезаны и стояла в бутылках холодная чистая вода. Тут же и специи в ярких баночках, на выбор, что хочешь. И душистый рис-пилау, зернышко к зернышку. И салат из лука-пороя. Целый тазик салата! А на сковородах принесли сочные шипящие куски мяса. «Сорпотель, — радушно объяснил Али. — Свинина и говяжий язык, печень и сердце».

«Сердце... — повторил Суворов. — Я бы сейчас съел одно женское сердце...»

Он имел в виду исчезнувшую американку, и Али его понял. Звон цикад, шелест вентилятора, нежный аромат хорошо прожаренного мяса.

«Прости всех. Жизнь коротка».

«Тебе приходилось участвовать в сафари?»

«Да ну! Такие расходы! К тому же, я впервые в Африке».

«А держишь себя уверенно».

«Я часто беседую с Богом».

Суворов, конечно, преувеличивал. Не заперли бы его в грязной хижине, он бы и не подумал обратить глаза к звездам.

«Ты мне нравишься», — сказал ширази.

Суворов скромно одернул пропотевшую ночнушку.

«У тебя появилась возможность поучаствовать в сафари».

«На львов? На слонов? На носорогов?»

«Любишь крупных животных?»

«Очень крупных — нет».

Али прищурился: «Знаешь, почему я выловил тебя из океана?»

«Не знаю», — ответил Суворов, нарезая ломтями прекрасный кусок языка какого-то крупного животного (не американки), заваливая его нежным луком.

«Ты выглядел на волне так спокойно, будто спать улегся в этом своем гидрокостюме».

«Но я действительно хотел спал. Меня укачивало».

«А знаешь, почему я не оставил тебя в океане?»

«Наверное, я стою денег».

«Ты меня злишь», — сказал Али.

«Тогда о каком сафари идет речь?»

«На крупную рыбу».

«А как она называется?»

Али помедлил, но ответил: «Либерти Бич».

«Вы про этот пропавший сухогруз?»

«Ты быстро соображаешь».

«Но сухогруз сейчас в руках у пиратов».

«Это верно. Потому что я и назначаю тебе охоту. При каждой крупной морской твари всегда вьются стайки прилипал. Понимаешь? Рыбки приплыли, рыбки уплыли, а крупная рыба остается».

«Можно спросить?»

«Конечно, спрашивай».

«А если вопрос не понравится?»

«Все равно его нужно задать, правда?»

«Правда».

«Тогда задай».

«Разве ты сам работаешь не с пиратами?»

Али покачал головой и в свою очередь спросил: «Мясо вкусное?»

Суворов сдержанно похвалил. «Вот видишь, — сказал Али. — Я ведь не спрашиваю, с кем ты работаешь».

С этой минуты Суворов перестал спешить. Просто решил съесть как можно больше, ведь непонятно было, в какую выгородку его поместят в следующий раз.

«Все меняется, — философски изрек Али, — особенно в Африке».

Он дождался, когда Суворов согласно кивнул и продолжил: «Кажется, классические сафари себя изжили. Да и что за охота с фотоаппаратом? Какой

интерес гонять на джипе по пыльному вельду? Или дрожать с ружьем в руках, ожидая, что сейчас на тебя выскочит носорог? Пираты — хищники более серьезные, правда? С ними работать интереснее и тревожнее, чем с носорогами. Пираты постоянно настроены на убийство, а природные хищники стараются избежать опасности. — Господин Найруди Али Сарр смотрел на Суворова не мигая, как змея. — Исходя из этого мы создали корпорацию под названием «Победи себя». Сафари, но морское. Мы собираемся торговать активным отдыхом».

И спросил: «Ты любишь активно отдыхать?»

«Я люблю активные виды отдыха», — уклончиво ответил Суворов.

«Тогда ты будешь первым. Это важно. Для твоего будущего. Говорят, в России любят быть первыми. И в Америке любят быть первыми. Думаю, русские и американцы станут первыми нашими клиентами. Уверен я и в китайцах. Скоро их будет два миллиарда, они нуждаются в активном отдыхе. — Глаза Али замаслились от собственной мудрости. — Наша корпорация гарантирует любую дичь. Даже такую крупную, как сухогруз «Либерти Бич», захваченный сомалийскими пиратами. И не надо, не надо бояться уголовной ответственности, — успокоил он напрягшегося Суворова. — В международных водах нет полиции, нет уголовной ответственности, а гранатометы и прочее надежное оружие клиенты будут получать за дополнительную плату. Рискуйте! Побеждайте страх. И, разумеется, помните о добыче».

«А что мне делать с моим процентом от добычи?»

«Купи штаны. Чем плохо? Купи еще один паспорт. Заведи счет в швейцарском банке. Наконец, купи право на свободное проживание в любой стране».

«Даже в России?»

Али внимательно посмотрел на Суворова. «Я сказал, в любой, значит, Россия не исключение. Правда, в России не готовят сорпотель. Особенно из женских американских языков, — улыбнулся он. — Но если ты намерен заняться ресторанным делом, я подарю тебе опытного повара».

«Подаришь? Или продашь?»

«Это будет зависеть от твоего успеха».

«У меня легкая рука», — похвастался Суворов.

«Даже самую легкую руку можно при случае отрубить, — покачал головой Али. — Тут главное, чтобы пираты не кончились быстрее, чем моя корпорация выполнит взятые на себя обязательства. Сам подумай. Пираты сейчас получают мелочь, ну, в основном мелочь, а рискуют жизнью. А клиенты моей корпорации будут получать хорошие проценты. И будут знать, что руки им не отрубят. Они ничем не будут отличаться от уважаемых рыбаков, только получат более надежное снаряжение. Ты ведь не думаешь, что рыбакам нужна только рыба?»

«Нет, я так не думаю», — согласился Суворов.

«Я владею акциями тридцати двух компаний, и число их постоянно растет. Это означает, что, по крайней мере, у меня уже есть более тридцати потенциальных клиентов...»

«Так сухогрузов не напасешься».

«Ну, для нас это не основная дичь».

«Неужели можно заказать охоту на настоящее военное судно?»

«А почему нет? В этом вся прелесть. А начнем мы с тобой с «Либерти Бич». Этот заказ — первый. Приобрести наши ценные бумаги может любой, причем не только за деньги, но за оружие и оборудование. Ты это учти на будущее. Можешь вложить в наше дело свой процент. Понимаешь? Мы платим за все, особенно за интересную информацию. Морские

пути, маршруты, стоимость груза, пункты назначения, порт приписки, флаг, нас интересует всё. У нас постоянно появляются информаторы не только в Кении, Шри-Ланке, Йемене и Дубаи, но и в Лондоне, и в Гонконге, и в этом вашем... ну, как его... Владивостоке... Пиратство — это бизнес. Я хочу сделать его надежным бизнесом. Я хочу сделать его легальным. Ты же понимаешь, что какие-то там дикие сомалийцы на своих небольших лодках просто не имеют права внушать страх мировой общественности. Это противоестественно. Человек в здравом уме никогда не поверит, что флот США или стран НАТО не может справиться с шайкой морских разбойников. Почему не захватить Сомали и не навести там порядок, а? Впрочем, — улыбнулся Али, — Эфиопия уже пыталась такое сделать. А что толку? Исламисты разбежались по лесам и подождали, пока эфиопам надоест надирать за чужое счастье, а после их ухода вернулись. И еще, — улыбнулся господин Найрудди Али Сарр. — Почему та же самая ООН не примет решительную резолюцию о необходимости проведения большой миротворческой операции в Сомали? Почему она не принудит пиратов к миру?»

«Значит, твоя корпорация выступает за мир в регионе?»

«Мы выступаем за мир во всем мире, — горделиво произнес господин Найрудди Али Сарр. — Вот ты лично что знаешь о кораблях, бороздящих океаны? Что они таскают в своих объемных трюмах? Давай проверять, раз ООН это не интересует. Скажем, появляется у меня интересная информация на японца, а тебе нравится флаг с восходящим солнцем. Вот тебе быстрое судно, вот надежное оружие — отдохни, проверь слова заказчика, получи проценты. Конторы в Лондоне, в Кейптауне, в Марселе нас поддержат. Они будут ловить посредников, но не нас. Мы торгу-

ем активным отдыхом. Наша корпорация позволит любому человеку, даже карлику, почувствовать себя сверхчеловеком».

«Разве может один человек захватить огромный сухогруз?»

«Если ты о себе, то у тебя будут помощники».

«Знающие местные языки?»

«Конечно».

Суворов с сожалением отодвинул пустое блюдо.

«Но почему я? — спросил он. — Я совершенно случайный человек. Ты выловил меня в океане. Может, я трус».

Господин Найрудди Али Сарр строго покачал головой.

«Хочешь знать, почему я выбрал именно тебя?»

«Если это не во вред твоим интересам».

«Нисколько. Не во вред».

«Тогда скажи».

«Я выбрал тебя потому, что тебя нет».

«Как это понимать?»

«Для всех ты уже умер».

«Не понимаю. Как это умер?»

«Весь мир знает о твоей смерти. По крайней мере, знают люди, которым это следует знать. Какой-то там русский матрос... Суворов, да?... Какая-то затонувшая посудина... Ну, как ее?... «Пенса»... «Пемза»...»

«Пенза».

«Вот-вот. — Али строго помолчал. — Даже координаты твоей смерти точно известны. Там большая глубина. Забудь. Сейчас у тебя все получится. Ты отдашь мне «Либерти Бич», а сам получишь то, что тебе нужно».

«А кто мне поможет в этом?»

«Саба».

3

«Саба? Ты правда американка?»

Саба и Суворов сидели в просторном кабинете Али перед большой картой восточного берега Африки.

Имя Саба американке шло, по крайней мере, ноги ее теперь не казались такими уж короткими. Был ли я в Иордании? Я много где бывал. Суворов устался на точную схему сухогруза «Либерти Бич», разложенную на столе. Универсальное судно. Пять трюмов, твиндечные крышки. Способно перевозить тяжеловесные и негабаритные грузы. Носовое подруливающее устройство, мощные машины. Год постройки — 2010. Китай. Да, Китай. Yon Guang Area, NanTang Town, Yue Qing City, Zhe Jiang Province. Флаг Кюрасао. Приписка — Виллемстад. Строилось, понятно, под надзором Bureau Veritas. Дедвейт — 60 000 тонн. Длина двести метров. Три собственных крана грузоподъемностью до тридцати тонн. Как к такому подступиться?

«Не ломай голову, — сказала Саба. — Это не твое дело».

О том, что случилось на рынке, они ни разу не вспомнили.

Общее будущее выглядело серьезнее того, что они уже пережили.

Со слов господина Найруди Али Сарра, они знали, что местоположение сухогруза «Либерти Бич» хорошо известно. В арабской газете «Ашарк аль-Авсат» появилось даже сообщение о том, что переговоры с пиратами якобы ведутся. «С помощью Аллаха они не окажутся долгими». Похоже, указанные переговоры (если они велись) шли через Дубаи, где находилась штаб-квартира судовладельца. Лондон, обеспечивавший страхование сухогруза, был в курсе. Сомалийцы требовали выкуп наличными. «У нас нет счетов за рубежом», — жаловались они. Кстати, выкуп автоматически увеличивался — на сумму, которая должна быть распределена среди бедных семей, оказавшихся беженцами «после эфиопского вторжения». Ну и всякие другие мелкие расходы. Например, ком-

пенсация за получение информации о точном маршруте сухогруза — двести тысяч долларов. «Кроме того, — деловито пояснила Саба Суворову, — Мухаммед Абди Хаер по кличке «Большой Рот», бригада которого захватила сухогруз, за дополнительное вознаграждение обещал навсегда забыть о пиратстве».

Суворов кивал. Может, чаще, чем следовало. Интересно было бы сейчас узнать, сколько получила за него лично Саба от того неудачника-толстяка. В принципе, он был не прочь получить свою долю.

«Всё продумано, — объясняла Саба. — Первыми пойдут мелкие катера. Наши люди забросят «кошки», взберутся на борт, сбросят трапы, разоружат сомалийцев, выпустят запертый в трюме экипаж сухогруза и всех увезут. Куда? Зачем тебе знать? Во второй волне пойдут специалисты. Они прочешут все помещения сухогруза и вытащат тех, кто мог забаррикадироваться в кубриках. С этими людьми, а также с грузом, который они захотят взять с собой как премию, специалисты тоже уйдут. Тогда на борт поднимемся мы. И найдем «трубу»».

«Какую еще «трубу»?»

«Тебе правда интересно?» — спросила Саба.

«Ну, как сказать... Она, наверное, большая, эта «труба»?..»

Саба мрачно посмотрела на Суворова и ничего ему не ответила.

Глава пятая.

Палка в муравейнике

1

Картинка на экран шла искаженная.

Потоки теплого воздуха подбрасывали беспилотник, изображение мутилось, будто весь Индийский океан вдруг покрывался мелкой рябью, потом прояснялось и было видно внизу длинное серое судно.

Еще два таких же, но меньшего размера, неумоимо, как на игровом дисплее, шли параллельно «Либерти Бич». Нет, они не обходили сухогруз, они пытались прижаться к его стальным бортам, почти по грузовую ватерлинию сидящим в воде. Над кормовой надстройкой «Либерти Бич» торчала решетчатая каркасная мачта, стрела бакового крана лежала на подставочной башне, из правого клюза, как чудовищная серга в три лапы, свисал становой якорь.

Рябь на экране мешала. Суворов даже постучал ногтем по экрану.

Черный моторист катера из-за его плеча зачарованно разглядывал серое морское чудище, а Саба откинулась в неудобном кресле, и только по сжатым её губам угадывалось волнение. Вдруг экран прояснился и громада сухогруза сразу приблизилась. Вот сонная стрела крана, вот пустой гафель, флаг, наверное, содрали сомалийцы. Вот вдоль бортов — вооруженные полуголые люди. С подошедших катеров им что-то кричали, правда, в наушниках ничего, кроме шипения и легкого треска, не отображалось. Зато было видно, как легко по сброшенным трапам лезут на борт люди господина Найрудди Али Сарра. «Большой рот» должен был убраться вместе с пленниками с борта «Либерти Бич», надежно упрятанного за высоким каменистым мысом Рас-Габба. Люди Али прыгали на перегретую палубу, которую давно не поливали водой, и разбегались, образуя плотное кольцо вокруг команды «Большого рта». Ворон ворону глаз не выклюет, особенно сомалийский ворон. Все эти люди вышли из одних мест, может, росли друг с другом, — кто будет стрелять в соседа, даже если он тебе не нравится? Команда Али отесняла людей Мухаммеда к борту, оружие бросали на палубу. Наконец, люди «Большого рта» спустилась на катера, и сразу из трюмных недр сухогруза полезли другие — тоже

полураздетые, но расслабленные, растерянные, даже на вид больные.

Люди Али весело скалились.

2

Вся операция заняла десять минут.

Над Индийским океаном светилось невероятное голубое небо.

Люди Али вытащили на палубу еще одного человека. Наверное, он прятался в каком-то кубрике или был ранен. Катера ушли уже далеко, раненого попросту выбросили за борт. Какое-то время он был виден на картинке, выдаваемой беспилотником.

«Здесь много акул», — сказала Саба.

«От него, наверное, несет страхом», — добавил Суворов.

Люди на борту рассеялись. Они прочесывали помещения сухогруза.

Нелегкая выдалась работа. Трюмы, радиорубка, кубрики, гидрокомпасная, аварийные посты, машинное и насосное отделения, даже камбуз, даже пекарня, — всё следовало проверить. Время от времени люди Али деловито подтаскивали к борту длинные ящики защитного зеленого цвета и разворачивали ручные тали, перебрасывали добычу на пришвартованный по левому борту грузовой транспорт. Необыкновенное оживление царило за высоким мысом Рас-Габба, утыканном поверху наклоненными к воде кокосовыми пальмами. Впрочем, все это напоминало не столько зачистку, сколько плановые разгрузочные работы где-нибудь в Салехарде. Руководил работами араб плотного телосложения — в чалме и в белом балахоне. Оптика беспилотника работала безупречно, можно было рассмотреть даже усы. Араб уверенно управлял своим сбродом, в основном это были негритосы — полуголые, крепкие, как

из стрип-клуба. Наконец всё это закончилось и катера косым бегом пошли к берегу.

3

Пустая громадина по грузовую ватерлинию сидела в воде.

По веревочному трапу Саба и Суворов поднялись на борт. Никакого оружия у них не было, Али сразу поставил это условие. Ночная рубашка (Суворов ее поддернул) нисколько ему не мешала, но Сабу он все-таки отправил первой, и теперь черный моторист с изумлением наблюдал за происходящим снизу, с катера, а потом, сплюнув, на полном газу отвалил в сторону мыса.

«Почему он ушел?»

«Ему не надо нас ждать?»

«Почему у тебя такой плохой выговор?»

«Наверное, потому что ты плохо знаешь английский».

Они нацепили наушники, и первым, как ни странно, раздалась русская речь. Где-то, не обязательно поблизости, болтался морской охотник.

— Центральный, центральный, хорош моторы гонять! На пусковых сопротивлениях уже яйца можно жарить!

«У них завтрак?» — не поняла Саба, но Суворов не ответил.

Он шел за американкой по обжигающей даже сквозь сандалии палубе.

Саба уверенно вывела Суворова к узким металлическим ступеням, убегающим куда-то вниз. «Нам точно надо туда?» Суворов не раз слышал историю о том, как лет пять назад в этих же местах сомалийцы захватили какое-то иранское судно с непонятным грузом. Весь трюм был забит аккуратными бочками и ящиками. Когда сомалий-

цы вскрыли первую бочку, трое скончались прямо на месте.

«Нам точно надо в трюм?»

Саба, не оборачиваясь, кивнула.

«Ты же говорила, что люки, ведущие к «трубе», заварены».

Саба не ответила, но скоро он и сам увидел заваренный люк. Фигурный, витой, можно сказать, мастерский шов был наложен плотно и чисто. Зубами не обгрызешь, ломиком не пробьешься.

«А что там внизу?»

Саба даже не кивнула.

Там, внизу, могло быть всё, что угодно.

В сентябре две тысячи восьмого года сомалийским пиратам удалось захватить такой же вот большой украинский ро-ро «Фаина», шедший в Момбасу под флагом Белиза. Двадцать два танка Т-72, зенитные установки «Шилка», стрелковое вооружение и боеприпасы — вот что тогда досталось пиратам. Они, конечно, все это вернули, но за три с половиной миллиона долларов, и только через четыре месяца.

«Почему Али с нами не связывается?»

«Сейчас я для тебя — Али».

«А если я не захочу...»

Он не закончил фразу. Неуловимым движением Саба ткнула Суворова пальцами под левую челюсть, и холодные мурашки сразу парализовали его плечо.

«Теперь будешь слушаться?» — спросила Саба.

Суворов не мог ответить, он даже моргнуть не мог.

Тогда Саба присела перед ним на карточки как перед нелепой, еще не окончательно окаменевшей статуей и долго смотрела на него. Потом сказала: «У нас немного времени. Действительно немного. Поэтому без всяких вопросов выполняй то, что я тебе говорю. Будешь дергаться, выброшу за борт, хотя мне это и не нужно».

Он хотел сказать, что ему это тоже не нужно, но даже кивнуть не смог.

Наконец дрожь пронизала левое плечо, и мертвый холодок отступил. Даже в своих полувоенных шортах американка умудрялась выглядеть элегантно. Как скорпион в боевой стойке, подумал он. Смуглая кожа, черные глаза, сильные руки. Впрочем, вряд ли сила определяла ее решительность.

«Кажется, ты очнулся?»

Он кивнул.

— Мостик, мостик!

— Есть мостик!

— Справа — тридцать. Цель наблюдаете?

И тут же влез голос, видимо боцмана:

— Срочно на нижнюю палубу пять человек.

И тут же последовало уточнение:

— Пять человек и трех курсантов.

Наконец, Суворов и Саба добрались до люка, заваленного так же аккуратно, как и верхний, зато рядом, в нише, в полной готовности стоял тяжелый газовый резак с баллонами. «Где ты этому научился?» — спросила американка, глядя, как привычно Суворов обхватил рукоять.

«На СРМ».

«Это что такое?»

«Судоремонтная мастерская».

«Ты работал в мастерской? Я думала, ты моряк».

«Обычно в СРМ стоняют пьяниц и дебоширов, — объяснил Суворов. — Понимаешь? — он щелкнул пальцем по горлу и выразительно помахал рукой. — Пьяниц и дебоширов, понимаешь? А еще моральных разложенцев».

«В каком качестве ты попал туда?»

«Как пьяница и дебошир».

«А как моральный разложенец?» — впервые заинтересовалась американка.

«Это я оставил на потом».

Резак зашипел, дернулся, узкий язычок пламени мягко и нежно вошел в металл, сшибая окалину, распространяя чудесный запах горелого металла. «Два солдата из стройбата заменяют экскаватор, а один матрос хреновый заменяет трактор новый».

«Что ты там бормочешь?»

«Родина дала — пусть Родина и смеется».

«О чем это ты?» — заподозрила неладное Саба.

«Вернусь домой, — ответил Суворов мечтательно, — пошью себе новую форму. Надоела эта ночнушка. Видишь, прожег две дыры. Ей сносу нет, этой ночнушке, но лучше я форму подгоню так, чтобы все видели: вот она, моя форма. Фуражку — с крабом, звезды на погонах, шитые золотой нитью. Брюки расклешу, как Балтийское море. Штиблеты из итальянского магазина. Вот зачем ты меня продала этому толстяку? Ведь сразу было видно, что он неудачник».

«Как можно такое видеть?»

«У него же усы были крашенные».

«Ты уверен, что это признак неудачника?»

«Ну да. Зачем красить усы, если удача всегда с тобой?»

Резак шипел, шлак и капли расплавленного металла нежными звездочками порхали вокруг, падали под ноги. Голубоватый дымок сносило в отверстие бокового пуанкалувra — грибка на вентиляции, регулирующей поступление воздуха. «Часа через три к нам подойдет немецкий эсминец, — сказала американка. — У Африканского рога сейчас толпится множество кораблей. И русский охотник засек цель».

Минут через сорок металлическая, деформированная температурой лючина рухнула в трюм, грохоча по ступенькам почти вертикальной лестницы, разбрасывая веер темных искр. Суворов и Саба одновременно заглянули в открывшееся перед ними отвер-

стие. Там было темно, но американка нащупала аварийный выключатель и сразу высветилось огромное помещение, в центре которого виднелась... Труба?.. Нет, не труба. Скорее, цилиндр... чудовищный цилиндр... метра три в диаметре... Он будто вращался в палубу, а внизу упирался в днище. Может, он вообще был сквозным — от палубы до днища. Может, он вообще заканчивался выходом в океан».

«Времени немного, — сказала Саба, — но мы управимся».

«Если ты про этот цилиндр, то его газовой горелкой не взрешь. Да и зачем? Нет, нет! — быстро и честно предупредил он американку. — Это я не спрашиваю. Это я жду инструкций».

«Посмотри там, в стене».

«Вижу нишу».

«А в ней?»

«Блок с датчиками».

«Он на барашковых винтах. Отверни их».

Суворов устроился на верхней ступеньке трапа. Барашковые винты оказались удобными — контрручки из термопласта, хромированы в синий цвет. Указанный Сабой блок представлял собой массивную металлическую коробку, вся лицевая сторона в датчиках и указателях. Снизу — откидывающаяся клавиатура.

«Сможешь вытащить?»

4

Никаких проблем.

Килограммов девять-десять.

Суворов внес блок в офицерскую кают-компанию.

Кают-компания находилась на верхней палубе второго отсека и была отделана зеркалами, светлым пластиком и шпоном какого-то белого дерева. Перед большим столом стояло капитанское кресло, по пе-

риметру еще несколько. На отдельном столике — параллельная линейка, навигационный транспортир и несколько грузиков для карт, но самих карт не наблюдалось.

Суворов поставил блок на стол.

«Нас успеют забрать до прихода немцев?»

Саба поморщилась, будто кисляку хлебнула, и Суворову сразу расхотелось задавать вопросы. Но мучило, мучило: что это там за труба? Что нам делать с нею? По кивку Сабы сходил в провизионку, там нагрузил ящик банками с ананасами, саморазогревающимися кофе и бисквитами в вакуумной упаковке. Оказывается, сомалийцы забрали не всё.

— Штурман. Дай координаты речки Моход.

«Опять русские», — насторожилась американка.

— Шестой!

— Есть шестой!

— Авезов, это ты?

— А что, не видно, что ли?

«Конечно, русские».

И спросил: «Али нас не видит?»

«Если выйдем на палубу, увидит».

«Ну, — спросил Суворов, дожевывая бисквит, — что теперь?»

«Подключи блок к питанию. Только проверь, есть ли ток в сети?»

«Есть, — ответил он. И не удержался: — А если немцы придут до того, как мы разберемся с этой штукой?»

«Прыгнешь за борт».

«Вас понял».

5

И в этот момент пошел звук.

«Саба! — спросил далекий Али. — Как слышимость?»

В ответ она что-то фыркнула.

«Подключили блок?»

«Да».

На экранчиках, на датчиках блока, на непонятных указателях запрыгали, задрожали, заплясали, записали на все лады стрелки, огоньки, цветные бегущие строки; и одновременно наушники наполнились всеми шумами мира.

— КП-4, КП-4. Получена квитанция от сто третьего космического аппарата?

— На связи «Сириус». Прием...

— Разгрузку не начинать...

«Вы где?» — спросил Али.

«В офицерской кают-компании».

«Готовы действовать?»

«Готовы».

— Гиннес в канале...

— Оптима окуляриум эксперанса...

Кажется, никто не собирался пользоваться скремблером.

Саба указала Суворову на блок, он откинул клавиатуру, и небольшой экран вспыхнул.

«Видишь ввод?» — донесся голос Али.

«Вижу».

«Нажми».

«Есть ввод».

«Что на экране?»

«Запрашивают пароль, — Суворов озадаченно пристынул: — Запрашивают второй пароль. Почему не первый?»

«Саба, — сказал далекий Али. — Задаст еще один вопрос, сломай ему палец. — Правда, Али тут же милосердно уточнил: — Для начала на правой ноге.

И пусть не тянет резину за хвост». Несомненно, Али в Москве многому научился.

«Что на экране?»

«Натуральный ряд чисел».

«Что ты хочешь этим сказать?»

«Один, два, три, четыре, пять, шесть и так далее. Двадцать шесть знаков с многоточием позади». Он хотел спросить: «Так и должно быть?», но вовремя вспомнил про палец правой ноги.

«Готов к вводу пароля?»

«Готов».

«Хлопни два раза в ладони».

Суворов поднял руки, затаил дыхание и два раза резко хлопнул.

«Что на экране?»

«Запрашивают первый пароль».

«Хлопни еще три раза».

«Запрашивают ввод».

«Слушай внимательно. Не ошибись».

Суворов низко наклонился над клавиатурой.

Самое время не ошибиться. 754... 831... 777... Суворов аккуратно вводил цифру за цифрой. Если Ты живешь на звездах, почему Тебя там не подпекает? Цифры шли сериями. 231... 290... 032... Интересно, сколько нам осталось жить? 120... 654... 731... Далекий Али диктовал, Суворов вводил цифры. 777... 675... 008... Интересно, а какое на свете самое-самое последнее число? И что я в своей жизни совершил такое, что меня теперь носит, как сухой лист, по самому краю Африки? 634... 886... 881... В разных книгах Тебя описывают по-разному. А как ты выглядишь? Где можно увидеть Твою фотокарточку? Пусть даже допотопную, чернo-белую.

776... 911... 345...

«Всё», — сказал он.

«Что теперь на экране?»

«Требуют подтверждения».

«Хлопни один раз в ладони. Что сейчас?»

«Требуют вторую форму подтверждения».

А вот интересно, создал бы Ты нас во второй раз, если бы знал, что мы Тебя постоянно обманываем? Ну, понятно, у Евы и Адама были серьезные причины для вранья, но у нас-то? Сам подумай.

Он собрался и резко хлопнул.

На экране высветилось: «Боевой режим».

Суворов замер. Сенсорная депривация, так говорил судовой лекарь. Не путать с алкогольным тремором. Сенсорной депривацией называется частичная или полная потеря одного или более органов чувств. Вроде как повязка на глаза, затычка в уши. «Боевой режим». Что за хрень? Я же без вредных привычек. Ну, это я к тому, что особенно вредных привычек у меня не наблюдается. Правда, он затруднился бы сказать, что, собственно, следует считать особенно вредной привычкой. «Боевой режим». Ничего себе! Зачем Ты создал мир, если сразу знал, какая выйдет заморочка? Это что же, и мы с Сабой пойдем теперь гулять по белым облакам над океаном?

«Что на экране?»

«Боевой режим».

«Видишь кнопку пуск?»

«Отчетливо».

«Жми!»

Суворов нажал и на голубовато высветившемся экранчике увидел сухогруз «Либерти Бич» — так, как его сейчас видела оптика беспилотника. На верхней палубе медленно, как диафрагма, раскрывалась воронка в трюм. Огромная лючина с намалеванным на нем флагом Кюросао отползала в сторону. С моря никто этого увидеть не мог, но беспилотник всё бесстрастно фиксировал.

«Считай, Израиля больше нет», — сказала Саба.

«А Палестина? Иран? Египет? Иордания? Что там еще?»

Саба не ответила. Клубы дыма и пара яростно рвались из разверзшейся шахты. Казалось, началось извержение вулкана. Сухогруз содрогался. Его завалило на один борт, на другой. Исполинская сигара дымно лезла из шахты. Ударил гром. «Либерти Бич» просел в воде и подпрыгнул, как огромная пробка, пнувшая на прощанье уходящую в небо дымную тварь.

«Это ядерная война?»

Американка не ответила.

«Ракету обязательно засекут!»

«Теперь это уже не имеет значения».

«Как это не имеет значения? Почему?»

«За семнадцать минут никто ни о чем не сумеет договориться».

«За семнадцать? Почему ты так говоришь? Почему за семнадцать?»

«Потому что через семнадцать минут... нет, уже через шестнадцать... ядерная боеголовка взорвется на главной площади городка Сакиб на севере Иордании. Это, в общем, недалеко от Аммана, но административно Сакиб относится к мухафазе Джараш...»

«Сакиб... — до Суворова вдруг дошло. — Это там встречаются Нетаньяху и этот... ну как его?.. президент Ирана...»

«Там сейчас собрался весь змеиный клубок, — кивком подтвердила Саба. Почти незаметные морщинки в уголках ее губ чудесно оживились. — Через пятнадцать минут мы распылим Сакиб со всеми его гостями».

«Пятнадцать минут до конца света, — горько сказал Суворов, — а выпить нечего».

«Возьми в офицерском буфете. Он на замке, но, думаю, ты с замком справишься».

Суворов справился. Он снес замок ударом тяжелого подсвечника и тут же отвинтил металличе-

скую пробку с бутылки старого выдержанного джина «Лондон». Людей Али джин, видимо, не интересовал, но Суворов сразу сделал большой глоток. Ты ведь всё знаешь, с некоторым упреком обратился он к Богу. Вот сколько джина можно выдуть за пятнадцать, нет, уже за четырнадцать минут?..

6

- Центральный! Центральный!
- Есть центральный!
- Уточните курс.

7

«Ты совал когда-нибудь палку в муравейник?»

Суворов посмотрел на Сабу. Сколько ей лет? Слабенькие морщинки уже формируются в уголках губ. Темные глаза, темные волосы, заброшенные справа налево и назад, будто она прикрывается черным крылом.

«Ракета с атомной боеголовкой — это и есть такая вот палка в муравейнике, — объяснила Саба почти равнодушно. — И если ты ткнул палкой в муравейник, то не надейся, что обитатели замрут, затаятся. Ближневосточный регион всегда был плохим муравейником...»

«А если я разобью блок?»

Саба рассмеялась и посмотрела на часы.

«Ты представляешь, что скоро будет со всеми нами?»

Саба кивнула. Представить можно все, что угодно. Степень достоверности в данном случае не имеет значения. Ядерный взрыв на Ближнем Востоке мгновенно вызовет целую серию ракетных нападений. Возникнут тысячи пожаров. Они объединятся в чудовищный крутящийся ураган, образуют единый огненный смерч — втягивающий, высасываю-

щий весь кислород планеты. Дым, пыль и сажа образуют плотную тучу, она затмит солнечный свет. Везде температура упадет. В ночной рубашке, пусть даже с такими веселыми цветочками по подолу, уже не погуляешь. Американка сказала это без улыбки и глянула на Суворова, как зловещая птица.

«Сколько еще осталось?» — он выбросил пустую бутылку.

«Восемь... нет, уже семь минут...»

«Раз все так плохо...»

«То что?»

«Мы можем успеть сделать ребенка».

«Какой смысл? Я же не успею его родить».

Солнце сияло над Индийским океаном, распахнутые небеса отражались в изумрудной воде. Как Ты думаешь, спросил Суворов у Того, Кто Вверху, будет у нас еще какой-нибудь мир или это уже последний? Океан лежал вокруг успокоившегося сухогруза так широко, так свободно, будто и не собирался никому отдавать скопленный за миллиарды лет кислород. Люди как хотят, черт с ними, а у него, у океана, есть подводные «квакеры». Океан ласково водил тяжелый «Либерти Бич» на длинной волне. Господи, отчаялся Суворов. Не быть мне большим флотским офицером. Не выйти мне в лаперузы, не носить контр-адмиральского паука на погонах. Выпитый джин, наконец, погнал по телу волну темного чудесного жара, так, наверное, атомный взрыв погонит горячую волну на Азию, Европу и Африку. Да, глянул он на часы, теперь скоро. Каких-то четыре минуты. Уже и сделать ребенка не успеешь, не то что родить. Они молча смотрели с Сабой на линию горизонта, откуда скоро должен был появиться немецкий эсминец, но вместо него... Да, да... Суворов даже вскопчил:

— Перископ!

Глава шестая.

Кстати, о мародерах

1

Они сидели в кубрике, обозначенном буквами ОО.

Суворов и Саба, старпом и крутой особняк мохнатое ухо — чекист Шумилов, по имени Руслан, уполномоченный особого отдела. На этот раз служба контрразведки оказалась на высоте. Протоколы коротких (пока) допросов легли в папку и были отнесены к тащ капшпангу — капитану первого ранга Виктору Максимовичу Тихову. Старпом смотрел на Суворова уже не так раздраженно, но мохнатое ухо не дал Суворову разгультаться. «От имени...» И все такое прочее.

Суворов и Саба не сразу поняли, что произошло.

Разве не горят леса Греции и Болгарии, разве не рухнули древние минареты Стамбула? Разве вечный Иерусалим не разрушен? Разве существуют еще Иордания и Палестина?

Оказывается, да.

Не горят, не рухнули, существуют.

Даже воинствующий атеист Шумилов ни на минуту не мог допустить, чтобы мир опустел, чтобы некому стало обращаться к Богу. Последние полвека люди на Земле так страдают, что пора бы уже и Ад отменить. Когда в городке Сакиба лопнула боеголовка — с долгим высоким звоном, от которого лопались перепонки, жертвы сразу были вынесены за скобки: полицейское оцепление, охрана, зеваки, стянувшиеся к старому султанскому дворцу, в котором проходила встреча на высшем уровне. Кстати, в пристройке султанского дворца, поделится с собравшимися старпом Фадеев, с давних времен хранятся останки Хомо эректуса, неан-

дертальцев и других предков человека, начинавших свой бранный путь где-то в этих местах. Может, Адам и Ева здесь тоже гуляли. А еще хранятся в султанском дворце гипсовые статуэтки из Аин Гхазала, и фрески из Телалат Аль-Гхасуля, и еще всякие такие разности, произведенные евреями, аммонитами, маовитами и эдомитами. Уже через пять минут после взрыва, не ядерного, к счастью, на связь вышли сотни аккредитованных в Сакибе корреспондентов, и огромное количество счастливых фотографий и видеозаписей затопило мир. Да, радиолокационные станции Армавира засекли ракету еще на подлете, но сбить ее было уже невозможно, зато сразу десяток военных спутников засекли место запуска — пустой сухогруз «Либерти Бич», раскачивающийся за мысом Рас-Габба.

Любить Бога можно, сказал крутой особист Шумилов Суворову, по нынешним временам это политморсосом не возбраняется. Мы за свободу всех конфессий, но, прежде всего, подчеркнул особист, ты должен любить родную страну, маму и папу, детей и всё такое прочее, и, конечно, власть страны, это уж совсем обязательно. Вот ты, Суворов, скажи, спросил особист сурово, с какого момента в жизни ты стал считать себя настоящим человеком — с того, как впервые проголосовал за власть, или с того, как впервые поцеловал девочку, а? Вот видишь! У католиков — Бог, у мусульман — Бог, у иудеев — Бог, и у лютерян тоже Бог, у всех свои Боги, даже у православных. И все они почему-то мешали до сегодняшнего дня дружески и от всего сердца обняться господам Биньямину Нетаньяху и Хасану Рухани. И не просто обняться, а с высоким смыслом обняться, почему-то посмотрел особист на Суворова и на Сабу.

И показал снимки из израильских и арабских газет.

Вот они — и «Аль-Хаят», и «Аль-Халий», и «Израэль Хайом».

Видите, как страстно, можно сказать, сладостно обнимаются премьер-министр Израиля и президент Ирана? Теперь это навсегда! Мы еще не знаем, кто направил твою неукротимую руку, Суворов, чья воля направила ракету с особенной боеголовкой на городок Сакиб, но что случилось, то случилось. Понятно, что сперва Бог создал Адама и Еву, но дальше-то человек все равно произошел от обезьяны.

Старпом не мешал мохнатому уху. Старпом по своему смотрел на чудесный мир.

Вот, казалось, с концом пропал этот командированный, но нет, не пропадают такие люди. Как говорится, в одном месте убавилось, в другом — прибавилось. Так было и так будет. Долой ядерные ракеты! То, что взорвалось в Сакибе, вызвало не боль и гнев, а вспышку любви и понимания. Вот она, настоящая наука. Наконец, Восток и Запад сошлись, империалистический поэт посрамлен. В отличие от мохнатого уха, старпом Фадеев не сильно обращал взгляд на небо. Ангелы тоже должны ходить в школу. Загадочная ракета накрыла нужное место. Члены делегаций Ирана, Израиля, Палестины, Египта и Иордании откровенно целовались на всех телевизионных экранах, прощали другим и сами получали отпущение, кто плакал, но это от избытка чувств, так и должно быть. Немногих погибших убрали, их имена увековечат, но, конечно, после того, как будет (если будет) названо имя изобретателя новых газов, эманы высшего блаженства, материализованной благодати. Может, люди науки с каменного века трудились только над этим изобретением. Самому Господу надоело смотреть на ураганы, тай-

фуны, войны, землетрясения, цунами и прочее, и прочее, и он все-таки надоумил какого-то неизвестного химика создать... Что создать? Теперь это неважно... Люди на глазах перерождаются. Учитесь, сыны Божии! Кто пригнал сухогруз «Либерти Бич» к мысу Рас-Габба? Кто собирался вызвать всемирную катастрофу? Мы еще до всех доберемся.

Особист мохнатое ухо впервые чувствовал себя счастливым.

Он стоял в преддверии какой-то огромной, по истине глобальной тайны.

Вот человечество возрождается, а на самом деле заново превращается в счастливых баранов, а уж счастливым баранам тем более необходим поводырь. Хватит с нас слабаков! Главным поводырем теперь будет он — особист Шумилов, именно он вытянет из вечного узелка проблем концы нужных нитей. Главное уже ясно! Из сообщений в печати ясно. Достаточно человеку, побывавшему в эпицентре взрыва в Сакибе, обнять другого, пусть даже самого недоброго человека, и тот перерождается, и его поцелуи в свою очередь питают благодатью всех других. Но он, особист Шумилов, ни с кем еще не целовался, и ни с кем не будет целоваться, даже с женой при встрече, потому что счастливому, но глупому миру необходим жесткий поводырь.

Особист замер от этой своей мысли.

Люди, зараженные вечной благодатью, не способны бороться.

Они нуждаются в твердой руке. Они погибнут без твердой руки, значит, нужно распространить политморсос на всех сразу! Хватит диктаторов русских, немецких, американских, нам нужен мир — желательно весь! Пусть люди всех национальностей и конфессий целуются в засос, ласкают

друг друга и распространяют по миру эту пленительную заразу. Вон они на всех экранах — сцены всеобщей любви, всеобщего братания. Еврей не может целовать араба, особенно хасид, но теперь даже у стены Плача они обезумели от братской любви. Со слезами умиления бросаются в открытые объятия прежде непримиримые враги, в Геенну опущен кусок ракеты, вывезенный из Сакиба. Вон черный перс целует сладкую еврейку. Таковую бы и я поцеловал, подумал особист с завистью. Но это ничего. Я сдержусь. Пусть целуются. А нам, избранным, военной косточке, носителям всемирного политморсоса, надо приниматься за работу. Мы, наконец, построим новый мир. Пусть чудесная зараза расплодится по всем материкам, мы, носители нового, не сдадимся любви. Наш подводный корабль станет командным управляющим центром мира. Я долго ждал этого момента. Старпом Фадеев не дурак, с ним можно договориться, ну, а с тащц капстрангом Тиховым, Героем России, можно будет отдельно глубинно потолковать. Да, ничего не поделаешь, отныне нам, носителям мирового политморсоса, придется жить в океане, всячески ограничить общение с зараженными благостью, но ведь и Господь не любит спускаться на землю. И вообще, кто подсчитал: сколько верующих среди верующих? Если все сразу попадут в рай, хватит ли там места? Нет, теперь мы будем управлять, потому что без нас на земле очень скоро всё будет удушено любовью без перерыва. Люди только и делают, что пускают газы в атмосферу и портят цвет неба. Люди только и говорят, как приятно сделать нового здорового ребенка, а делают дураков. Хватит! Мы сумеем правильно направить людей. Наш подводный атомный крейсер, сердце и мозг мира, будет бесшумно скользить в придонных течениях. Пусть там

в городах и сёлах отравленные благостью целуются и целуются, мы найдем способ укрепить всеобщую дисциплину.

Особист просто обалдел от множества возможностей.

«Музунгу», — сказала, поглядев на него, Саба.

«Что такое мзунгу?» — спросил старпом.

«Я покажу».

Саба встала и подошла к особисту.

Конечно, мохнатое ухо сразу насторожилось, но от американки веяло таким теплом, такой нежностью, такой неприкрытой страстью, что он только откинулся на спинку кресла, и Саба, наклонившись, с чувством впилась в его казенные, наконец, дрогнувшие губы.

«Что ты делаешь?» — напрягся Суворов.

«Мы же с тобой надыхались газами той ракеты...»

И до особиста это тоже вдруг дошло. Мохнатое ухо побагровело, поднялся и все ещё казенной походкой вышел из собственного кубрика. Старпом Фадеев проводил его взглядом и философски положил руки на стол. Он смотрел, как Суворов посадил Сабу рядом и заговорил нервно, быстро. Ты скажи, говорил Суворов, глядя в черные глаза Сабы. Тогда на сухогрузе, помнишь? Ты предчувствовала что-то такое, да? Ты ведь потом говорила про тучу и про пожары. А потом про то, что в ночной рубашке, пусть даже с такими веселыми цветочками по подолу, по миру не погуляешь...

Саба кивнула. Ну да, она помнит. Только учти, Суворов, если даже все сгорит, что-нибудь все равно останется. По-другому не бывает. Теперь важно проследить, чтобы первыми в этот новый мир явились не мародёры. И наклонилась к Фадееву:

«Товарищ старпом, вы любите целоваться?» ☒

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
 www.uralstalker.com

03 (669) март, 2013

Приключения

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
 www.uralstalker.com

11 (665) ноябрь, 2012

**Под КАЙТОМ
 по краю
 земли**

Путешествия

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
 www.uralstalker.com

**Краеведение
 ВОГУЛЫ**

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
 www.uralstalker.com

ябрь, 2011

Фантастика

**записки
 объездного
 врача**

Зуб акулы (возраст около 40 млн лет)
 представлен
 Уральским Центром камня

**След из бездны
 времен**

Подпишись и читай! Индекс 73413

ф.СП-1

АБОНЕМЕНТ										73413			
на журнал										(индекс издания)			
Уральский следопыт. uralstalker.com													
на 20__ г. по месяцам										Кол-во компл.			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
Куда													
Кому													
(фамилия, инициалы)													
Доставочная карточка													
ПВ		место		литер		на журнал				73413			
										(Индекс издания)			
Уральский следопыт. uralstalker.com													
Стоимость		подписки		__руб. __коп.				Кол-во компл.					
		перед-ресовки		__руб. __коп.									
на 20__ г. по месяцам													
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
Куда													
Кому													
(фамилия, инициалы)													

Подпишись на журнал!

Аккуратно вырежь доставочную карточку. Заполни графу АДРЕС и приди в почтовое отделение. По каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» проводятся подписные кампании по России во всех отделениях ФГУП «Почта России» и в странах СНГ и Балтии, всего в более 40 000 отделений почтовой связи ФГУП «Почта России» и альтернативных предприятий.

Журнал будут приносить ежемесячно домой, в офис или в почтовое отделение «до востребования».

Наш индекс в каталоге Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» **73413**.